

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

В Л А Д И К А В К А З
2 0 2 6

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

* * *

ВЫХОДИТ С 1991 ГОДА

16+

Главный редактор

А. И. ЦХУРБАЕВ

Зам. главного редактора

О. Э. ТОТРОВА

Редакционный совет:

И. Г. ГУРЖИБЕКОВА

М. С. ДЗАСОХОВ

В. О. КОЛИЕВ

Т. А. САЛАМОВ

И. А. ТАБОЛОВА

Ф. С. ХАБАЛОВА

Б. Р. ХОЗИЕВ

А. Л. ЧИБИРОВ

В. Т. ЧШИЕВ

Адрес редакции:

362040, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 1

Телефоны: (8672) 53-60-30

(8672) 53-58-10

(8672) 54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru

http: www.darial-online.ru

Свидетельство

о регистрации средства массовой информации

ПИ №ТУ 15-00144 от 22.05.2017

Выдано Управлением Федеральной

службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель:

Комитет по делам печати и массовых

коммуникаций Республики Северная

Осетия-Алания

Адрес: 362040, Республика

Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 102

Телефон: (8672) 33-33-69

Рукописи не возвращаются

и не рецензируются

Мнение редакции не всегда

совпадает с мнением авторов

Выход в свет 30.04.2026

Формат бумаги 60 x 90^{1/16}

Бум. офсетная

Гарнитура шрифта MyriadPro

Печать офсетная

Усл. п. л. 15 + 1 п. л. цветная вклейка

на мелованной бумаге

Заказ № 136

Тираж 600 экземпляров

АО «Осетия-Полиграфсервис»

362015, г. Владикавказ,

проспект Коста, 11

Телефон: (8672) 25-97-94

Цена свободная

2'2026 (193)

МАРТ — АПРЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

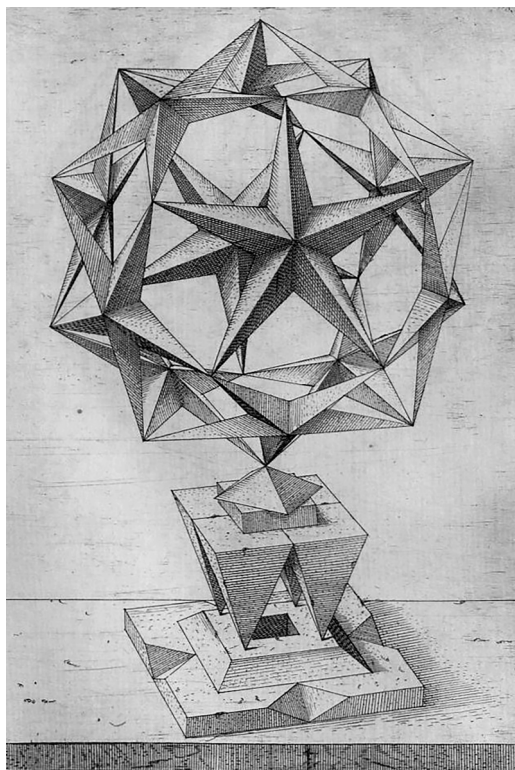
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО
4 Ирлан ХУГАЕВ Философский камень. Рассказ	122 О материи языком материи. Искусствоведы о творчестве Руслана Гудиева
20 Амурхан КИБИРОВ «Лишь в зеркале твоём я себя узнаю». Стихи. Перевод с дигорского К. Гадаева	АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
26 Руслан ГАЛАЗОВ Olé!. Рассказ	129 Цомак ГАДИЕВ Плач позабытой страны. Элегия. Перевод с осетинского М. Синельникова
34 Ирина ЦАГОЛОВА «Моей светлой печали мотив». Стихи	ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ
42 Игорь БУЛКАТЫ, Томас ЧЕПАЙТИС Борзой. Главы из романа	130 Эпос о Гильгамеше. Перевод с аккадского И. Дьяконова
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	ГОСТЕВАЯ КНИГА
60 Кудзаг ДЗЕСОВ Бирæкрат. Рассказ. Перевод с осетинского Б. Гусалова	156 Андрей РАСТОРГУЕВ Осетинские мотивы. Стихи
СУДЬБА И ЖИЗНЬ	162 Дина ДРОНФОРТ «На часах половина жизни». Стихи
68 Ахсар ТУАЛЛАГОВ «Рассказы, клеветущие на ВКП(б) и соввласть...»	ИЗ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ
ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ КЛАССИКИ	168 Хокку. Перевод В. Марковой
80 Ги де МОПАССАН Страх. Рассказы	ЛИНИЯ ЖИЗНИ
ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»	174 Олег РУБАСОВ Наш атаман на Манхэттене
94 Елизавета ЗАЛИ Девочка и волк. Рассказы	ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ
ПЕРЕВОДЫ	192 Борис КАЛОЕВ Василий Иванович Абаев и его вклад в этнографию
100 Анна АХМАТОВА Переводы с осетинского. Стихи	ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА
108 Питер ХОРН «И лишь затем обретают благодать». Перевод с английского А. Золоева	218 Казбек ГУТИЕВ Мисост Камбердиев. О творческом пути поэта
НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ	238 АВТОРЫ НОМЕРА
116 Шеймас ХИНИ «Доверяйся тому, что на ощупь нашел ты». Стихи. Перевод с английского Г. Кружкова, В. Черешни	

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА
Руслан ГУДИЕВ. Живопись

Ирлан ХУГАЕВ

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

РАССКАЗ

В оформлении использован офорт Й. Аммана из книги В. Ямнищера
«Перспектива правильных тел». 1568 г. (фрагмент)

Эта вещь есть сила всяческой силы, ибо она победит всякую самую утонченную вещь и проникнет собою всякую твердую вещь.

Гермес Трисмегист.
Изумрудная скрижаль

1

Малюте было семь, а Циркулю — четырнадцать, и он казался Малюте очень взрослым, тем более что Циркуль был долговяз и длинноног, — за это его и прозвали Циркулем. А Малюта был маленький, самый маленький в своем классе, и потому его и прозвали Малютой. Как-то раз на перемене Бобер, одноклассник Циркуля, хотел отобрать у Малюты беляш, а Циркуль погнал его вон пинками под зад. И, повернувшись к Малюте, сказал:

— Ешь, малюта, ешь.

С тех пор Малюту все так и звали, и даже его мама, узнав об этом прозвище, полюбила его, несмотря на то, что был еще Малюта Скуратов. Несколько раз она назвала его «малютой» просто так, в шутку, а потом привыкла.

Вскоре Циркуль узнал, что у Малюты нет отца, и у него как-то само собой повелось Малюту опекать. Он почти каждый день спускался на перемене на первый этаж, где учились первоклашки, и, найдя Малюту, спрашивал:

— Как дела, Малюта?

Циркуль был пацан с характером и с чувством справедливости, даже десятиклассники считались с ним, и Малюта гордился своей дружбой с Циркулем.

— Айда, Малюта, на Терек, — сказал Циркуль однажды после уроков.

— Зачем? — спросил Малюта.

— Свинец плавить.

— Разве у тебя есть?

— Не мохай, найдем.

В ту весну на Молоканке распространилось поветрие — плавить свинец. Неподалеку от школы, выше по течению Терека, располагалась военная часть с обширным автопарком. Высокий и местами крутой берег напротив КПП, сразу за шоссе, был завален отслужившим свой век железом. Свалка давно стала частью пейзажа: тяжелые двигатели, подобные бесформенным кускам гранита, погрузились в землю и поросли мхом, черные валы, рессоры и подвески торчали на склоне, как опаленные огнем пеньки, из окон заржавленных кузовов выглядывали, качаясь на неровном приречном ветру, мохнатые ветки крапивы и папоротника. Во время сбора металлолома мальчишки все, что могли поднять на дорогу, уносили на школьный двор, но свалка все время обновлялась свежими оползнями железной рухляди. В последние дни она привлекала юных «молокан», как эльдорадо; даже зловонный сток канализации не пугал этих старателей. Толстая бетонная труба выходила из-под земли на самый склон, посреди свалки, и из нее хлестал неиссякаемый рукотворный приток воспетой романтиками прошлого реки.

Малюта несколько раз присутствовал при плавке свинца, но ему так и не удалось увидеть само действие. Это были, как правило, старшеклассники. Они собирались, будто для какого-то таинственного обряда, в кружок над костерком: ближние сидели на корточках, остальные, иногда в два ряда, стояли над ними, согнувшись и упершись руками в колени или обхватив друг друга за плечи, а Малюта, томимый невинной завистью и обидой, ходил вокруг. Иногда кто-нибудь резко поворачивался и, наткнувшись на Малюту, нетерпеливо вскрикивал:

— Не путайся под ногами, Малюта!

2

Малюта еле поспевал за Циркулем. Когда он начинал отставать, Циркуль, повернув голову, кричал:

— Ты здесь, Малюта?

— Здесь! — отзывался Малюта, прибавляя шагу.

Портфель у него был тяжелый, потому что в тот день у него были математика, чтение, письмо и рисование. А у Циркуля была тоненькая черная папочка с блестящей молнией, в которой болталась одна общая тетрадь и которую он держал под мышкой, сунув руку в карман, и Малюта думал о том, что хоро-

шо бы и ему иметь такую же и такой же длинный, до бедер, пиджак с позолоченными пуговицами, а не куцую курточку с манжетами.

Дойдя до свалки, они встали на краю склона, и Циркуль деловито обозрел пространство. Русло реки было плоским и широким: до восточного, тоже довольно крутого берега, на котором обитало загадочное племя купонов, было метров триста; там стояли в ряд высокие тополя и непостижимые чужие дома сияли на солнце. Под обрывами зеленели заброшенные белым булыжником узкие пойменные лужайки. Вода с ровным шуршанием растеклась по нескольким рукавам, образуя островки, заросшие шиповником и облепихой. На одном из них возвышался на метр серый бетонный колодец неизвестного назначения.

Циркуль зажал папку между колен, снял пионерский галстук, аккуратно сложил его и сунул в карман.

— Смотри под ноги, Малюта. Тут недолго кости переломать. Ищем аккумулятор. Ты ищи слева от трубы, а я буду справа. Ага?

— Ага.

— Знаешь, как выглядит аккумулятор?

— Не-а.

— Вот даешь! — рассмеялся Циркуль. — Черный такой, прямоугольный ящик. С клеммами.

— Ладно, — сказал Малюта, хотя впервые слышал про клеммы.

Малюта спустился на склон, осторожно переступая с места на место и внимательно осматриваясь. Кругом, между куч обычного бытового мусора, валялись огромные шестерни, подшипники, колесные обода, шины, листы ржавой жести, трубы, баки, кроватные сетки, перекрученные восьмерками толстые проволоки, тросы с крюками и ворохи тонкой металлической стружки, переливающейся всеми цветами радуги. В одном месте он увидел даже кусок развернувшейся на склоне гусеничной ленты, похожей на крокодилью спину.

— Найдем, не мохай! — кричал из-за мусорных куч Циркуль. — Главное, у меня формочки есть! Мне брательник сделал!.. Настоящие, глиняные! Ты кастет хочешь или пуш-даггер?!

Малюта не знал, что такое пуш-даггер, а кастет уже видел у Батона из десятого «Б» и мечтал о таком же.

— Кастет!

— Я тоже кастет! Сдался мне пуш-даггер! Свинец не режет, им можно только ударить!.. И если свинца хватит, еще хевсурские перстни себе выплавлю!.. Знаешь, что такое хевсурские перстни?!

— Нет!

— Эх, ты! Ничего ты не знаешь!

Малюте стало стыдно, что он такой отсталый.

— Пуш-даггер, — сказал он тихо, — хевсурские перстни...

Эти слова были полны значительности и сказочного очарования, и с минуту он рассеянно оглядывался по сторонам, забыв, что именно он здесь ищет.

— Нашел! — закричал Циркуль, и Малюта вспомнил и поспешил к Циркулю.

Тот сидел над разбитым черным пластмассовым ящичком, уже держа в руках несколько свинцовых пластин с засохшим электролитом.

— Эх, черт! Ограбили нас, Малюта. Здесь только семь листов. Ладно. Думаю, нам пока хватит. Теперь ищи консервную банку. А я пока кестрик сбацию. Знаешь, как выглядит консервная банка?

— Знаю, — застенчиво улыбнулся Малюта.

— Еще бы! — осклабился Циркуль. — Только осторожно тут, — добавил он и зашагал вниз, к реке, где чуть выше по течению мальчишки обычно плавил свинец и пекли картошку и кукурузу.

Малюта немного расстроился тем, что Циркуль собирался без него развести костер, но уже через три минуты он нашел отличную банку из-под шпрот.

— Шпро-ты, риж-ски-е, — прочитал он. — Высший сорт.

3

Циркуль стоял на четвереньках у старого, уже обжитого кострища, обложенного по кругу камнями и битым кирпичом, и дул, надувая щеки, под сложенную горкой щепу. Костерок занимался, чадил и шипел, словно досадуя, что ему не дают поспать.

— Красавчик, Малюта, — сказал Циркуль, подняв голову. — Теперь ее надо вымыть. С песочком. Ты же не хочешь, чтобы твой кастет рыбой вонял?

Малюта бросил портфель под большой белый валун и побежал к воде. Присев у кромки узкого затона среди гальки, он тщательно помыл банку, потеряв ее мокрым, тяжелым прибрежным песком, ополоснул, понюхал и поспешил обратно.

— Банка высший сорт! — крикнул Циркуль одобрительно. — Посуши ее над костром. Чтобы ни одной капельки воды не осталось. Не то бабахнет. По-настоящему. Недавно Ингуш чуть глаз не потерял.

Он взял один электрод и, держа его за уголок, принялся плашмя хлопать им по камню. Пересохшая соль треснула и осыпалась, обнажив свинцовую решетку.

— Можно я? — попросил Малюта.

— Давай. А я формочку приготовлю. — Циркуль раскрыл свою папку и вынул оттуда серую глиняную плюшку с глубоким отпечатком кастета. — Отличная форма. Только, боюсь, ладонь будет немного резать... Давай, давай, Малюта, не отвлекайся. Чего ты возишься?..

Когда все решетки были очищены, Циркуль смял их в руках, втиснул в банку и, взявшись за отогнутую крышку, протянул ее к огню.

Наступила тишина. Малюта придвинулся к костру и смотрел, затаив дыхание. Через минуту смятая свинцовая решетка, похожая на клоч грязной ветоши, зашевелилась, будто разомлев, осела на дно банки и вдруг ожила, превратившись в сияющую жидкость. Циркуль встряхнул банку, и свинец зарыбился бездонными синими бликами, в которых терялся взгляд.

— Не дыши так близко, — тихо сказал Циркуль. — Пары свинца ядовиты.

— Я не дышу, — сказал Малюта.

— Красиво, а?..

— Ага.

— Знаешь, какая там температура?

— Не-а.

— Триста двадцать семь градусов по Цельсию. А на Солнце знаешь какая? Шесть тысяч градусов. Прикинь?.. Хочешь банку подержать?.. На. Держи крепче. Не обожгись только...

Циркуль обхватил руками колени, поднял голову и посмотрел по сторонам.

— Тут недавно мертвеца нашли. Прикинь? Милиция приезжала. Мы с Помидором и Цыпой видели, как его из вон того колодца подняли, положили на брезент и понесли. Нога тонкая-тонкая с брезента свисла, а на ней — огромный ботинок... Не наклоняй так, разольешь. Жаль, философского камня нет. Если бросить туда философский камень, то свинец превратится в золото. Брательник рассказывал, он в институте учится. Может, где-нибудь здесь валяется, а мы и не знаем... Древние ученые — алхимиками назывались — те знали... Пули тоже из свинца отливают. Смотрел «Белое солнце пустыни»?

— Ага.

— Сильное кино. Мне, говорит, за державу обидно... «Девять граммов в сердце постой, погоди, — пропел Циркуль с чувством, но очень фальшиво, — не везет мне в смерти, повезет в любви».

Малюта не выдал своей улыбки. У него-то у самого был абсолютный слух, хотя он об этом еще не знал.

— Ладно, — встрепенулся Циркуль и потер руки. — Давай отливать.

Он поставил формочку на кирпич и, аккуратно забрав у Малюты банку, медленно, отгребая на сторону остатки спекшейся соли приготовленной для этого щепкой, залил свинец в форму. Малюта отметил про себя, что весь свинец вышел, что его едва хватило на один кастет, и немного как бы встревожился и зараннее огорчился.

— Пусть остывает, — сказал Циркуль и, отложив банку, продолжал тихо и мечтательно: — Здесь, где мы сидим, Малюта, текла когда-то вода. Когда еще ни школы нашей не было, ни Молоканки, ни города. На этом месте раки ползали. Шуки плавали. Этот валун под водой сидел, света божьего не видел... Прикинь?..

— Вы что там делаете?!

Малюта вздрогнул. Над ними, на самом краю берегового откоса, стоял огромный человек в плаще с капюшоном, надвинутым на лоб, с палкой и брезентовым мешком на плече, и его тень длинно распростерлась на склоне. Лица его не было видно, только глаза немного поблескивали, чужие и жуткие.

— Картошку печем! — крикнул Циркуль, глядя из-под ладони. — А вам чего, дядя?!

— Бутылки есть?!

— Нету!

Человек постоял с минуту, не двигаясь, потом повернулся и пошел.

— Кто это? — спросил Малюта шепотом.

— Никто. Бомж. Бездомный. На колдуна похож, а?

— Ага. А зачем ему бутылки?..

— В стеклотару сдаст, водки купит. Пил когда-нибудь водку?

— Не-а.

— И правильно. Рано тебе еще. Даже мне рано. — Циркуль вынул из внутреннего кармана пиджака пачку «Опала», достал сигарету и прикурил от головешки. — У меня пахан пьет. Придет пьяный — борща требует. Если борща нет, орет на матушку, козел. Я ему однажды: может, говорю, хватит борщ жрать? У тебя уже усы от борща красные. А он перегнулся через стол и как даст мне лож-

кой в лоб!.. Прикинь?.. У меня аж искры из глаз посыпались... А твой пахан где, Малюта?

— Папа умер, — сказал Малюта.

— Не гони-и, — отшатнулся Циркуль. — От чего?

— От сердца.

Циркуль молча докурил, бросил бычок в костер, взял палку и принялся рассеянно ворошить угольки.

— Не готово еще? — спросил Малюта, склонившись над глиняной плюшкой. Он расстроился, что, затвердев, свинец снова стал тусклым и шершавым.

— Готово. — Циркуль взял плюшку и, аккуратно поддев кастет закопченным гвоздиком, вынул его из формы. Потом он продел в него пальцы и сжал кулак. — Ништяк. Только надо будет напильником протиснуть. Есть дома напильник?

Малюта отчего-то замешкался с ответом, а Циркуль тем временем протянул кастет Малюте:

— Держи.

— Это мне?

— Тебе. Я себе еще выплавлю. Пойдешь со мной, когда я себе буду плавить?

— Пойду, — сказал Малюта, принимая подарок.

— Ништяк.

— Спасибо, — сказал Малюта.

— Да ладно! — рассмеялся Циркуль, будто смутившись. — Какое там спасибо! Свои люди, сочтемся.

Кастет Малюту восхитил. Он был гораздо изящнее того, что он видел у Батона. Правда, он был слишком широк для его руки, не давал ему как следует сомкнуть кулак и резал ладонь. Но приятная тяжесть свинца придавала Малюте незнакомой решимости и уверенности в своей силе, и он уже представлял себе, как наносит врагу зубодробительный удар.

— Опа, а вот и купоны пожаловали, — сказал Циркуль.

Несколько человек в пионерских галстуках и без и с такими же папками, как у Циркуля, вышли на противоположный берег. Они двигались медленно и явно без какой-либо цели, широко переступая с камня на камень и то и дело останавливаясь, видимо, перебрасываясь какими-то замечаниями. Один, приметив Циркуля и Малюту, замер и вытянул в их сторону руку, другие тоже встали и повернулись лицом к их берегу. Раздался свист. Потом до их слуха донесся вопль, придавленный бесстрастным шумом воды.

— Эй, молокане! — кричали купоны, грозя кулаками.

— Эй, купоны! — закричал пронзительно Циркуль. Он тоже погрозил кулаком, потом схватил с земли камень и, взяв несколько шагов для разбега, что есть силы швырнул в их сторону. Камень не долетел и до середины русла.

Купонов скорчило смехом; они еще немного потоптались и двинулись, растянувшись вереницей, вниз по течению, но один остался на месте.

— Рогатка! — крикнул Циркуль. — Атаc, Малюта!

Схватив Малюту за руку, он рванул его за собой, и они присели за валуном. Через секунду они услышали звонкий щелчок по камню.

— Хороший выстрел, — похвалил Циркуль, улыбнувшись и подмигнув Малюте, и встал в полный рост, вызываяще подбоченясь. — Кажется, это Карга. Поднимайся, Малюта, он уходит. С Каргой в прошлом году Помидор базарил один на один. Тогда Карга верх взял. Цыпа за Помидора впрямься хотел, но я не дал. Неправильно это: договорились один на один — значит, один на один... О, здесь раньше такие битвы случались!.. Мне брательник рассказывал. Класс на класс, школа на школу... Прикинь? Сейчас уже не те времена... Ну-ка, пойдём-ка проследим, куда купоны двинулись. Может, они задумали с тылу к нам зайти...

Циркуль семимильными шагами пустился вниз по-над кромкой воды, Малюта побежал за ним. Ниже по течению, в сотне метров, был брод, которым купоны могли при желании воспользоваться. Сейчас их уже не было видно: они скрылись за густой растительностью русловых островков.

— Стой здесь, — сказал Циркуль, когда они были против свалки, и, быстро поднявшись по склону, встал на край канализационной трубы, вытянул шею и взгляделся вдаль, прищурив глаза. — Не, дальше пошли, на ГЭС! — крикнул он и, сунув в рот большой и указательный пальцы, сложенные колючком, издал такой свист, что у Малюты едва не заложило уши.

Малюта не умел свистеть и, чтобы как-нибудь показать, что он тоже патриот Молоканки, вскочил на лежавший рядом камень и махнул рукой с кастетом, как если бы перед ним стоял невидимый враг... Вдруг камень предательски качнулся, Малюта неловко с него соскользнул и провалился ногой по колено в зловонную жижу.

Циркуль сложился от хохота пополам. Но тут же, будто опомнившись, в два прыжка спустился к Малюте и, схватив под мышки, поставил его на ровное место.

— Ты как? Цел?

— Ага.

— А чего тогда на одной левой стоишь? Вот даешь, Малюта! — Циркуль снова хохотнул. — Прикинь?.. Ну, что теперь будем делать? Хочешь, постираемся в реке и высушим твои штаны у костра?.. Правда, этот мазут без порошка не сойдет. Но хотя бы вонять не так будет. А?

Малюта только теперь вспомнил про маму, которая ждет его из школы и, наверное, очень волнуется.

— Не-а.

— В смысле?

— Ополосну ногу в реке и пойду.

— Ладно. Я пока за папкой и твоим портфелем.

Циркуль побежал назад, к кострищу, а Малюта доковылял до воды и, присев на камни, погрузил ногу в холодную струю. Боль как будто унялась, но он только пожалел о ней, потому что она его не беспокоила, а, наоборот, была даже отчего-то приятна. Сняв с руки кастет, Малюта убрал его в карман.

— У тебя кирпичи, что ли, в портфеле? — улыбнулся Циркуль, подходя. — Понесешь пока мою папку, а я портфель понесу. Вспомню молодость. Сильно болит?

— Не-а.

— Постой, — сказал Циркуль, когда Малюта встал, и, опустившись перед ним на корточки, отжал ему край штанины. — Воняет, конечно; но терпимо. — Он поднял голову и заглянул Малюте в глаза. Малюта неохотно улыбнулся. На сердце у него было тяжело. Он хотел к маме. — Айда, Малюта, по домам.

Циркуль взял Малюту под локоть, и они молча пошли вниз по берегу, а потом взяли влево, на тропу, которая наискосок, длинно и полого повела их вверх по склону. Шум Терека становился все глуше и глуше, а когда они поднялись на обсаженную пихтой поляну против школы, он как будто и вовсе отступил в прошлое.

4

Малюта жил тут же, неподалеку. Людей во дворах было еще не много, и никто не обратил на них внимания. Мокрый ботинок хлюпал и чавкал, и, смущаясь этим неприятным звуком, Малюта припадал на ногу сильнее, чем заставляла боль в лодыжке. При каждом его шаге кастет в кармане весомо и навязчиво ударялся в бедро, и теперь он как-то Малюту тяготил.

Когда они дошли до угла его дома, Циркуль остановился.

— Если нога до завтра не пройдет, не ходи на уроки. Я скажу твоей училке, что ты заболел. Идет?

— Ага.

— Да не грусти, Малюта, — попросил Циркуль. — Все будет ништяк.

Они обменялись багажом, и Циркуль убежал.

У подъезда под сиреневым кусточком сидела на скамейке соседская бабка Тинатин, худая и строгая, с бесстрастными серыми глазами, всегда внушавшая Малюте какой-то внутренний трепет. Накануне, когда мать побежала за молоком, она зашла спросить у них луковицу, а Малюта, будто зачарованный, все никак не мог понять, чего она хочет, пока она сама не проследовала по-хозяйски к ним на кухню и, открыв шкафчик под мойкой, взяла то, что ей было нужно. Перед бабкой Тинатин, спиной к Малюте, стояла его мать. В следующее мгновение она повернулась, кротко сложила на животе руки и, склонив голову набок, ждала, пока он подойдет.

— Здрости, — сказал Малюта, стараясь теперь не хромать и прикрывая портфелем мокрую штанину.

— Привет, — сказала мама, а бабка Тинатин, не меняясь в лице, оперлась костлявыми руками в скамейку и сделала движение, будто хотела встать.

5

— Ну, рассказывай, кого ты собираешься бить.

Они сидели на кухне, и раскрасневшийся после горячей ванны Малюта не спеша, стараясь не выказывать голода, ел свою любимую рисовую кашу на молоке, покачивая в воздухе босой ногой с перевязанной лодыжкой. Мама сидела напротив, подперев ладонью щеку и глядя на него усталыми и будто хмельными от счастья глазами.

На столе, рядом с сахарницей, лежал его кастет. Малюта избегал смотреть на него и, жуя, поворачивался к распахнутому настежь окну. На подоконнике, на постеленном на нем развороте «Правды», стоял расшнурованный, с некрасиво отвернутыми на стороны берцами и язычком, ботинок, рядом лежала стелька; под окном на проволоке висели брюки. Они жили на первом этаже, и Малюта слышал, как на асфальт капала с брюк вода.

— Что же ты молчишь, Малюта? — улыбнулась мама.

Малюта предпочел бы сперва доесть кашу, а потом отвечать на вопросы.

— Никого, — сказал он, проглотив.

— Ну слава богу. Ты ешь, ешь. — Мать взяла кастет, покачала в руке, рассмотрела с одной, с другой стороны. — Подарил кто, или сам плавил?

— С Циркулем. На Тереке.

— Как у него дела?

— У Циркуля? Хорошо... — Малюта чуть было не сказал, что у Циркуля отец водку пьет, но сообразил и осекся.

— Что? — спросила мать, присмотревшись.

— Ничего.

— Ты ешь, ешь... В наше время мальчишки тоже свинец плавил. Вы в чем плавил?

— В банке консервной.

— А формочки из чего делаете?..

— Из глины. Циркуля брательник сделал.

— «Брательник!» — рассмеялась мама. — А еще их можно из гипса делать. Наши мальчишки из гипса делали. Они плавил солдатиков. Пехоту, всадников. Зверей разных, птиц. Крестики и звезды. Грузила для рыбалки... Ты приходи как-нибудь с Циркулем. Хоть посмотрю на твоего друга. И на крестника.

— Ладно. Но ты же его не будешь ругать? Он хороший.

— А почему ты знаешь, что он хороший?

— Не знаю, — сказал Малюта. — Он про Терек хорошо рассказывал. Про то, какой он раньше был, когда еще школы не было. Про войны с купонами, которые на той стороне живут. Про философский камень.

— Про философский камень?

— Ага. Если бросить философский камень в кипящий свинец, то он превратится в золото. На Тереке он тоже есть. Жалко, что мы не знаем, как этот камень выглядит.

— А зачем тебе золото?

— Не помешало бы, — сказал Малюта, отчего-то смутившись.

— Да, пожалуй, — улыбнулась мама. — Мы бы хоть ремонт закончили. Уже полгода возимся. И пальтишко бы тебе купили к зиме. Ты ешь, Малюта, ешь. Нога болит?

— Не-а. Немножко.

— Посиди завтра дома. Да и ботинок, боюсь, не высохнет. — Мать подошла к окну, потрогала ботинок, перевернула стельку, затем подняла голову, неслышно вздохнула и затихла.

Малюта увидел двор глазами матери. Он лежал в теплой голубой тени их дома. Только два верхних этажа кирпичной пятиэтажки напротив были ярко залиты солнцем. Когда там кто-нибудь

трогал окно, на траве и асфальтовой площадке, разрисованной мелом, вздрагивали и плясали незаметные прежде зайчики. Ковры и пестрые одеяла, висевшие на проволоках, придавали двору уютный и умильный, кукольный вид, и даже желтая «инвалидка» дяди Маирбека, стоявшая под липками, казалась забытой кем-то игрушкой...

— Здравствуй, Симочка, — услышал Малюта голос тети Сони с третьего этажа. — Ты откуда?

— Здравствуй, Сонечка, — ответила, пыхтя, тетя Сима с пятого этажа. — В «Колхозном» сыр давали. Не успела. Зря бежала.

— А я в «Дарьяле» петушков мороженых взяла. Страшенькие, как василиски, прости господи. Но, говорят, ничего, вкусные.

— Петушков?.. Как думаешь, успею?

— Успеешь, успеешь.

— Тогда я побежала?

— Беги, беги.

Мать отступила от окна с улыбкой на лице и, продолжая чему-то улыбаться, налила Малюте чаю. Малюта уже доел кашу и отодвинул тарелку в сторону. Он хотел спросить, что такое «василиски», но мать вдруг сказала:

— Сейчас, Малюта, — и вышла.

Через минуту она вернулась с толстой книгой с невнятным золотым тиснением на синей обложке. Она переставила свою табуретку на сторону Малюты и села рядом.

— Смотри, Малюта. Это папина книга. «Краткий философский словарь». Тысяча девятьсот пятьдесят четвертый год. Москва, Государственное издательство политической литературы... Этот словарь академики составляли. Настоящие философы. Юдин, Павел Федорович. Розенталь, Марк Моисеевич. Знаешь, что такое философия?.. Философия — это наука о том, как устроен мир и каково в нем место человека... Твое, Малюта, место. Так... найдем букву «эф». О, пэ, эр... Видишь? Как у каждой буквы есть свое место, так и у каждого человека есть... Эс, тэ, у, эф... Вот. Что у нас тут?.. Фабианский социализм... Фалес... Фатализм... Фейербах... Фетишизм... Философия древнего Востока... Философия Китая... Философские тетради... Фихте. Постой-ка... Здесь ничего нет про философский камень. Значит, его и вовсе нет. Сказки рассказывает твой Циркуль.

— Может, это потому, что он краткий?

— Циркуль?

— Не, — засмеялся Малюта. — Словарь.

— Ах ты, философ мой! — мама обняла Малюту и поцеловала в висок. — Смотри, что покажу. — Она быстро полистала книгу, и с

ее страниц в лицо Малюте повеяло таинственным и сладким запахом. — Гольбах, Поль Анри Тири.

Малюта увидел портрет человека в плиссированном шейном платке с каким-то очень сложным узлом. У него был высокий светлый лоб, крупный и строгий, с косточкой, выразительный нос, светлые волнистые длинные волосы и цепкий и презрительный взгляд.

— На кого похож?

— На папу.

Мать недолго помолчала, потом взяла со стола кастет и заложила им страницу с Гольбахом.

— Ладно, сынок. У меня еще много дел.

Остаток вечера Малюта, на правах инвалида, просидел у телевизора со стаканом чая и блюдцем крыжовенного варенья. Старенький «Рекорд» гудел, как встревоженный улей, и давал изображение мутное и расплывчатое. Сначала он посмотрел на местном канале фильм «Костры на башнях», ничего толком не разобрав, а потом с помощью плоскогубец, всегда лежавших тут же, повернул переключатель, у которого давно отломалась ручка, и попал на хоккейный матч между «ЦСКА» и «Крыльями Советов». Малюта любил хоккей и болел за Харламова. Он смотрел и думал о том, как было бы здорово, если бы на экране было видно не только игроков, но еще и шайбу.

6

В классе не было окон, и стояла посредине лишь одна парта, за которой сидели он, Малюта, и Циркуль. В покосившихся деревянных шкафах у стен стояли разные кувшины, горшки, колбы, склянки, ступы с пестиками. Класс озарялся неровным, пляшущим светом костра, пылавшего прямо на полу, у доски, испещренной непонятными символами. Рядом сидел на корточках бож в огромных грязных ботинках и в капюшоне, надвинутом на лоб, и плавил свинец в большой бутылке, держа ее за горло и бормоча заклинания на каком-то чужом, страшном языке. Против него стоял Гольбах и смотрел презрительно и насмешливо, выставив одну ногу вперед и скрестив на груди руки. Малюта с Циркулем дрожали от страха и что-то быстро писали, при этом Циркуль все время заглядывал в тетрадь Малюты. Перед ними важно расхаживал по парте синий петух с перепончатыми, как у летучей мыши, крыльями и змеиным хвостом и время от времени, нацеливаясь

стеклянным глазом, ловко склеивал буквы с тетради Циркуля. Вдруг по бутылке со скрежетом поползли трещины, и через мгновение ее разорвало на мелкие звенящие осколки; бомж отчаянно заорал, петух с пронзительным кукареканьем вспорхнул под потолок, Гольбах рассмеялся, а Малюта проснулся.

С минуту он помнил сон ярко-ярко, но по мере того, как явь просачивалась в его сознание, его образы один за другим меркли и растворялись. Сперва осыпались, как прах, стены класса со шкафами и их странным инвентарем, потом развеялся, подобно дыму, бомж, потом слиняли Циркуль и синий петух. Чуть дольше задержался Гольбах, каким он видел его в словаре, но потом и он, поклонившись, спиной отошел в сумрак, и, когда Малюта открыл глаза и рассмотрел знакомый до последнего пятнышка узор на старом коврике, висевшем над его кроватью, он был уверен, что видел во сне отца, а где и при каких обстоятельствах, он не мог бы сказать.

Малюта сел в кровати и прислушался. В прихожей тикали часы, под окном прошла женщина, звонко и часто стуча каблуками, в доме напротив, стоя у открытого окна, кто-то громко и жизнеутверждающе чихнул. В такие минуты он всегда знал каким-то шестым чувством, дома ли мать. Сейчас ее не было. Наверное, побежала за молоком или яйцами, пока не разобрали. Сегодня она работала во вторую смену. Малюта свесил ноги и не спеша встал. За ночь повязка сползла; лодыжка болела меньше вчерашнего, но припухла, и ботинок, даже если он уже высох, было бы не надеть.

Часы показывали половину восьмого. Окно на кухне было запахнуто по-вчерашнему. Когда он вошел, с отлива испуганно вспорхнул голубь, царапнув коготками по жести. Стелька на подоконнике скукожилась, как осенний лист, а ботинок был еще влажен. Двор был залит солнцем, только что показавшимся сбоку от соседней пятиэтажки. В воздухе, заливаясь неистовым свистом, носились кругами ласточки; свист то нарастал, то удалялся, головокругильно взмывая в поднебесье.

Из-под козырька их подъезда показался дядя Маирбек, как всегда, гладко выбритый, в опрятной серой рубахе на выпуск с накладными карманами и широченной грузинской кепке, благодаря которой он походил на новенький стальной гвоздь. Правая штанина его брюк галифе была подвернута в бедре и скрывалась под полою рубахи. На его левой ноге сиял элегантный яловый сапог. Он немного задержался у подъезда, уперся подмышками в костыли, чиркнув спичкой, закурил папиросу, посмотрел, прищу-

рив глаз, в небо, пустил дым и решительно направился к своей «инвалидке»...

Обложка философского словаря, оставшегося тут на ночь, была приподнята, а в боковом обрезе страниц виднелась щель. Малюта вставил в нее палец и раскрыл книгу. На странице с портретом Гольбаха лежало изящное свинцовое сердечко: изгибы контура были прорисованы просто, но четко и со вкусом и представляли собой два симметрично сомкнувшихся вопросительных знака. Малюта взял его и покачал в ладони. Оно было плотным и тяжелым, но не тяготило его.

Вдруг дверь в прихожей неловко стукнула, и сквозняк заиграл занавеской. Малюта поспешил в прихожую, уже соображая, что он скажет маме, но увидел на пороге бабушку Тинатин. Она держала в руках широкую тарелку, над которой клубился пар, и смотрела сурово и пронизательно.

— Мама нету?

— Н-нет.

Бабушка Тинатин по-хозяйски прошла на кухню и, подвинув философский словарь, поставила рядом тарелку. Это был румяный, поджаристый пирог со свекольными листьями.

— Куш.

— Спасибо.

— Куш, Малюта, куш.

Бабушка Тинатин ушла, мягко придерживав за собою дверь, чтобы не хлопнуло сквозняком, а Малюта сел на свою табуретку и заплакал. Он и сам не знал, отчего он плачет. Может быть, ему было жаль кастета и стыдно перед Циркулем, что он зря для него старался. А может быть, ему было обидно, что мама плавил свинец без него.

21.08.23

Амурхан КИБИРОВ

«ЛИШЬ
В ЗЕРЦАЛЕ ТВОЕМ
Я СЕБЯ УЗНАЮ»

СТИХИ
ПЕРЕВОД С ДИГОРСКОГО К. ГАДАЕВА

* * *

Плел плетень я, ловко плел,
от усердия рот кривил.
Только взгляд тебя обрел,
вмиг работу прекратил.

Быстро мимо ты прошла.
В дуновенье — запах твой.
Что в тебе душа нашла —
стал я словно сам не свой.

Что-то, как больной, дрожу.
Тянет за тобой пойти.
Все сказать. Но что скажу?
Слов таких мне не найти.

В горле немота першит.
Что-то застит мне глаза.
Руки — плети. Рот зашит.
Не решился... не сказал...

Так стою, тобой пленен...
И плетень недоплетен.

ЗИМА В ГОРАХ

Безжизненно в горах зимой.
Скорей бы добрести домой.
Лишь ветер ледяной гудит
да сонный ворон вслед глядит.
И все ущелье в зябком сне.
Будь пеший ты иль на коне —
обледенелый труден путь,
не дай бог в пропасть соскользнуть.

В горах не сладко зимовать.
Но старикам ли унывать?
Сроднились с этим краем мы.
И под покровами зимы —
кто слеповат, кто тугоух —
живем, пока течет Урух.
Пока в печи печем чурек,
как жили, вспомнить нам не грех.
Конец зимы уж недалек.
Небесный вспыхнет уголек.
Дождемся от весны вестей,
и будет полон дом гостей.
Здесь, где мы так любили жить,
здесь нам и косточки сложить.

ДИГОРСКАЯ РЕКА

Владимиру Соскиеву

Вконец меня измучил зной!
Лишь ты, Ираф, спасешь от жажды,
поя водою ледяной,
чтоб смог очнуться я однажды.

Во время бурного разлива,
как на скаку по ветру грива,
стремительна твоя вода,
что мной любима навсегда.

Пусть жизнь в горах не та, что прежде, —
не все потеряно, пока
водою с привкусом надежды
поит родимая река.

* * *

Трудно горцу без гор.
Оперившись, он их покидает,
но ни капли собою не горд
и беззвучно рыдает.

Дикий край наш суров
и не каждому местному впору.
Не страшна красота ледников
лишь орлиному взору.

Не летит далеко.
Где родился, там и пригодился.
Никогда не живется легко
тем, кто с родиной слился.

* * *

Л.

Гнал ветер над нами
небесное стадо
овец чернорунных.
Но нас не пугал он,
бегущих по лугу,
беспечных и юных.

Тогда, громыхая,
два мощных потока
столкнулись гневливо.
И твердь раскололась,

и вмиг на влюбленных
обрушился ливень.

Ты чудом каким-то
душой уцелела —
в ладу с небесами.
Меня ж обливает
тот ливень холодный
слезами, слезами.

* * *

За речкой кони
пасутся наши,
и ты платком мне
оттуда машешь.

В ветвях улыбка,
блеснув, пропала —
по влаге зыбкой
затрепетала.

В груди метнулся
платок твой красный,
и я рванулся
в поток опасный.

С тобой согреться
теперь могу ли?
Раздуй мне в сердце
горячий уголь!

МОЙ ЯЗЫК

Ты — бездонный тайник
родниковой воды,
исцеляющей дух
от слепой немоты.

Только ты утолить
в силах жажду мою.
Лишь в зеркале твоём
я себя узнаю.

Дорог каждый глоток
ледяного огня.
Ты один до конца
понимаешь меня.

Утомленной душой
каждый блик твой любя,
кладезь жизни моей,
я — никто без тебя.

Руслан ГАЛАЗОВ

OLÉ!..

РАССКАЗ

На корриду Симочкина пригласил сам хозяин ресторана «Белая лошадь» сеньор Педро Родригес Феррейро.

— Вот тебе, querido¹ Симочкин, премия за образцовый капиталистический труд! — торжественно произнес сеньор Педро Родригес Феррейро, вручая Симочкину билет на корриду и, как всегда, делая ударение на «о» в его фамилии. — Будем сидеть с тобой на почетном месте рядом с важными гостями — известной топ-моделью, знаменитым форвардом футбола, кинозвездой и президентом одной очень развитой демократической африканской страны. В общем, как положено в стране демократии, свободы и прав человека.

— Спасибо, — сказал Симочкин, польщенный таким вниманием к своей скромной персоне, работавшей уже третий год в ресторане сеньора Педро Родригеса Феррейро старшим помощником младшего повара. — Здорово, такую премию я не получал даже за образцовый коммунистический труд у себя на родине.

— Ну конечно, — не без гордости произнес сеньор Педро Родригес Феррейро. — В СССР же корриды не было. Там же было только равенство, братство и светлое будущее...

— Была коррида, — сказал, почему-то съездившись после слов сеньора Педро Родригеса Феррейро, Симочкин. — Но своеобразная, там тоже на рога брали... Точнее, на поруки всю землю большую, всю планету, как в той песне, а сами вот теперь... На одной трубе сидим, так сказать... Играем в газ, раз...

— Джаз? — не поняв, переспросил сеньор Педро Родригес Феррейро, любитель джаза, фламенко и кантри. — У вас же он был запрещен.

— Да нет, играем больше в русскую рулетку, — отшутился Симочкин, не став объяснять, что имеет в виду.

— О, русская рулетка! — живейше отреагировал сеньор Педро Родригес Феррейро. — Это игра для настоящих мужчин, кабальеро!

— Настоящих, — охотно согласился Симочкин, у которого снова по телу пробежали мурашки, но теперь от гордости за родную рулетку.

...Места на трибуне оказались в самом деле почетными. Рядом, в двух шагах от себя, Симочкин заметил известную топ-модель, которую показывали по телевидению в неглиже. Наделенный богатым воображением, Симочкин даже увидел эту топ-модель однажды во сне эротического содержания, поэтому, встретившись с ее

¹ Querido (*учн.*) — дорогой.

жестким взглядом, кивнул как старой знакомой. Рядом с ней сидел знаменитый футбольный форвард, который встретил взгляд Симочкина без особого радушия и даже с заметным подозрением. Зато Симочкину почему-то подчеркнуто приветливо помахал рукой ведущий популярной телепрограммы, которого, несмотря на то что он выглядел как настоящий мачо, многие считали то ли розовым, то ли голубым, то ли серо-буро-малиновым. С ним о чем-то живо переговаривался, по словам сеньора Педро Родригеса Феррейро, президент одной из развитых демократических африканских стран. В общем, публика была в самом деле важная и приятная, потому и Симочкин почувствовал себя значительной персоной.

Вскоре, слепя на солнце медью, заиграл оркестр, отчего день показался Симочкину солнечней и теплей. Оркестр играл знаменитый пасодобль, походивший на военный марш.

«Под такую музыку и я бы вышел на быка, — ежась от мурашек по телу из-за насквозь пробиравшей музыки, подумал Симочкин. — И даже на двух быков без шпаги и помощи пикадора. А окажись здесь еще и та самая Кармен с ее тем самым взглядом... Вдохновляет все же музыка на подвиг, чувствуешь себя национальным героем и римским императором Цезарем после победы над Помпеем. И в самом деле, что есть жизнь? Индейка. А судьба — злодейка. Еще как бы вышел я сейчас даже на трех быков, а если перед этим еще шкалик-другой, тогда уж пусть хоть стадо быков выгоняют вместе с коровами...»

Между тем на огромном табло высоко над трибунами засветились цифры, которые вскоре объявил и комментатор: «Вес быка по кличке Малыш 540 килограммов и 225 граммов. Возвращен в провинции под Кадисом на частной ферме сеньора Диего Кастаньеды. Относится к черной породе парнокопытных». Вслед за этим под ликующие приветствия трибун на арену вышел сам тореро, которого Симочкин невольно представил принцем из сказки Андерсена, так был он златокудр и по-неземному красив в своем сверкающем одеянии. Под все тот же пасодобль тореро с гибким изяществом барса пересек арену из песка, слепящего, как и его кудри, золотом, держа в левой руке красную мулету, а в правой — обнаженную шпагу. Вместе с Симочкиным и сеньором Педро Родригесом Феррейро от тореро не отрывали восхищенных взглядов известная топ-модель, знаменитый футбольный форвард, кинозвезда, но особенно ведущий популярной программы телевидения и президент одной из развитых демократических африканских стран. Президент, завидев отважного красавца тореро, даже выкрикнул от восторга: «Браво, мачо! Бис!.. Оле!..»

Вскоре из загона вырвался со скоростью пули бык Малыш. Он на миг осел как вкопанный посредине арены, явно ослепленный

солнцем после темного загона и всем необычным для него окружением. Он будто испытал на миг шок, от которого, похоже было, отошел только, когда увидел отважно идущего на него с красной мултой тореро. Вмиг придя в себя, бык с той же скоростью ринулся на красное пятно в руках продолжающего на него бесстрашно наступать тореро. Инстинкт уже подсказывал быку, что с этим красивым златокудрым существом о двух ногах ему предстоит поединок не на жизнь, а на смерть. В последний миг красное ловко ускользнуло из-под рогов быка, и, все еще несясь по инерции с прежней скоростью, бык едва удержался на ногах. Но, удержавшись, еще раз завидев красное, ринулся на него с еще большей скоростью и снова потерпел неудачу: красное снова каким-то чудом ускользнуло. И когда бык развернулся, чтоб с еще большей яростью пойти на издевательски дразнящий цвет, его уже поджидало другое — восседающий на огромном коне-тяжеловозе пикадор с длинным копьем.

«Вот так, наподобие этого быка, наверное, с отчаянной отвагой против красного сражался какой-нибудь обезумевший корнет Оболенский или кадет Хабалов, — невольно подумал с грустью Симочкин. — А в заключение встретил сидящего на коне недосягаемого тяжеловеса пикадора с копьем и дюжиной подручных...»

Загнав все же с налета в подбрюшье коня рога, бык вскинул его кверху. Но конь, который уже, казалось, стал жертвой рогов быка, был надежно защищен попоной для подбрюшья и принялся еще более наступать на быка, удерживая на себе тронно восседающего пикадора. И в этот миг бык почувствовал, что что-то нестерпимо горячее обожгло его загривок, мигом пронзив тело болью, все больше и нещадней разрывая его, — то было копьё пикадора. Бык рванул в сторону и уже разглядывал налитыми кровью глазами до неприличия огромный круп коня с пикадором, удалявшихся под торжествующую музыку пасодобля и рев трибун с арены. Боль на миг отступила, и бык понял, что ему уже не настичь тех, кто нанес ему жуткую рану. Он бы мог вмиг обессилеть от нее, теряя все больше крови, если б его не охватила бешеная ярость, рождавшая в нем в этот миг дикую, незнакомую ему раньше энергию и готовность идти в бой на кого угодно, даже если б это грозило верной смертью. И всю эту ярость бык теперь нацелил на уже знакомое красивое двуногое существо. Сейчас оно с еще большим бесстрашием, издевательской отвагой и грациозностью, слегка пританцовывая на манер фламенко, надвигалось на него.

«Неравные весовые категории, — невольно подумал Симочкин, сравнивая огромную черную тушу разъяренного быка с изящной, по-балетному стройной фигурой тореро. — Ну, правда, у тореро разум, а у быка инстинкт... Хотя инстинкт может иной раз в битве, да в чем угодно, превзойти разум, и тогда конец...»

К тому времени тореро уже опередили его подручные матадоры с бандерильями. Каждый из них успевал ловко вонзять с налета в загривок быка эти короткие копыя с цветным опереньем, всякий раз чудом ускользая от его рогов. Но бык уже не чувствовал прежней дикой боли, все больше истекая кровью от вонзенных в него копий, пытаясь безуспешно стряхнуть их со спины и загривка, будто гигантских, беспощадно жалящих ос. Он чувствовал, как его все больше одолевает слабость, несмотря на прежнюю ярость к тем, кто уже успел нанести ему столько ран.

«Нечестно, — думал Симочкин, удивляясь тому, что на одного быка приходится несколько противников с разумом, а не слепым инстинктом. — Как это?... И почему все хлопают, кричат “Оле!” не его величеству быку, который, несмотря на множество ран, все еще держится молодцом, а его противникам».

Симочкин хотел спросить об этом у сеньора Педро Родригеса Феррейро, но тот был целиком поглощен происходящим на арене. Симочкин готов был обратиться со своим вопросом даже к топ-модели вместе с ее компанией, но и они были захвачены зрелищем, пожалуй, даже больше, чем сам сеньор Педро Родригес Феррейро.

«Как там моя Анка теперь? — подуспокоившись от происходящего на арене, вспомнил почему-то сейчас жену Симочкин. — Сейчас у нас на Орловщине малина вызрела, черешню собирать пора. А как чудно соловьи заливаются... Вот хорошо: не продали сад-огород, а иначе бы совсем с голодухи ноги протянули... А так вроде бы живы, и Витюшка наш сыт, вот обувку бы ему на зиму подкупить, одежонку, вырастает же из них мигом. Игрушек бы разных ему... Но куда, если на покупку квартиры никак не накопить, дорожает ведь недвижимость... Эх, быка бы нам такого, как этот Малыш, в полтонны, или буренку, быстрее бы поправили дела. Быка, конечно, жалко, весь в крови уже, в ранах, но бык он и есть бык, судьба его конечная — под нож на бойню. А здесь ему шанс дают на победу, ведь не один тореро повис замертво на рогах быка на глазах у всей уважаемой публики, топ-моделей под знаменитый пасодобль. Бык — герой, победитель, но ведь ему не хлопают, не кричат в таких случаях “Оле!”, не машут белыми платочками, не выносят с арены на руках. Возвращают быка в загон и уже не выпускают на следующий поединок — опасно, бык-ветеран с опытом — убийца. Правда, и не отдают на бойню под нож, как объяснил однажды сеньор Педро Родригес Феррейро, милуют быка как победителя, даруют жизнь до старости, до естественной смерти. Интересно, хоронят быка-победителя тоже с почестями, на особом кладбище для быков, с памятником из мрамора или бронзы? Вот читал же я как-то, что есть где-то то ли под Барселоной, то ли под Малагой кошачье кладбище вместе с собачьим и даже птичьим.

Кто-то из сердобольных граждан своему песику даже памятник из бронзы отлил с надписью: родился, мол, Тузик тогда-то, отдал богу душу наш любимый и незабвенный тогда-то... А как недавно захоронили деда моей Анки, ветерана войны и труда, святого по нашим временам человека Лексея, — стыдоба, можно сказать. Едва набрали на покупку гроба, место на кладбище, на крест из ржавой железяки, помянули самогоном с картошкой и грибами, а на мясное и прочие деликатесы для достойных поминок денег не хватило. Тогда я еще не был здесь, не работал у сеньора Педро Родригеса Феррейро старшим помощником младшего повара, а так бы справили похороны и поминки деду Лексею как подобает, по-людски. Анку бы сейчас сюда с Витюшкой нашим. Что бы они сейчас про все это происходящее между быком и человеком подумали? Быка этого, Малыша, жалко, конечно, но и тореро рискует, и не только за миллион песет наличными, еще и за честь и славу. Не один же их брат на рога попал. Вот иные говорят: жалко, мол, быка... А людей на войне убивают невинных, разве их не жалко? Или тех, кто от СПИДа мрет пачками в черной Африке? Или голодного бомжа, околевшего на морозе в нынешней белоснежной, как никогда, России, или даже меня, других таких, как я, здесь, в этой хоть и прекрасной, сказочной во многом стране с очень хорошим, в целом солнечным, за редким исключением, народом, впрочем, как и везде, но, надо признаться, все же чужим? Соловьи здесь как-то по-иному поют, быки... Правда, и у нас в последнее время почему-то по-иному запели, чуть охрипшими голосами, будто с перепоя, похмелья глубокого. Но все же поют вместе со всеми с надеждой теперь на иное, светлое будущее... Рыба здесь клюет не как наша, на любого червяка без разбору. Вот взять малину или чернику вместе с ежевикой и калиной, они же здесь совсем не те на вкус. Или тот же наш самогон-первачок, чем он хуже тутошней текилы или орухи? Как же мы пили его славно с дедом Лексеем под грибочки маринованные, картошечку со сметаной еще в те застойно-демократические времена эпохи второго несравненного Ильича... Ах, жизнь-индейка, судьба-злодейка... Как там, интересно, Киркорыч с нашей любимой поживают? Вот бы их сюда, чтоб спели здесь дуэтом про ту самую Кармен с огненным взором или про "ты, я, он, она — вместе дружная...". А с какой точки зрения взглянул бы на все это наш славный Хазаныч, кулинарный работник, любимец публики как трудовой, пролетарской, так и самого второго Ильича?... Уж Хазаныч бы прошелся по арене здесь, я те дам, всех бы до смерти уморил со смеху вместе с быком, тореро, пикадором и топ-моделью с ее важной компанией. Хазаныч, дружок, где ты там, как живешь, милейший, неужто тоже бомжуешь? Или критикуешь нынче других изготовителей кулинарных и прочих изделий?..»

Отрезвило от ностальгических мыслей Симочкина ликующее и раскатистое, как на важном футбольном матче, «Оле!». После нескольких рискованных вероник красавец тореро теперь, будто признаваясь в любви, стоял на коленях в двух метрах от разъяренного быка, бесстрашно и вызывающе выпятив в его сторону колесом грудь и дразня перед носом того малетой. Но бык, очевидно, отдав должное всему, будучи благородной породы, понимая, что как лежащего, так и стоящего на коленях смельчака, даже если это твой самый красный до пурпурного враг, бить, а тем более убивать, нельзя, ждал, когда тореро поднимется на ноги. И, наверное, бык бы ринулся на тореро, когда тот поднялся, но не стал этого делать, видя и в этот раз, как он с достоинством истинного идадьго, не птясь и не оглядываясь, удаляется от него, уже как бы заранее отдавшего небесам душу.

«Ну как мне его в спину рогами? — мелькнуло у быка. — Не боится ведь, шельма, что я его насквозь проткну, на редкость рискованный мачо. Но какой бы он ни был, этот златокудрый красавчик, любимец публики и слабого пола, мне моя бычья жизнь тоже дорога, буду биться с ним до последнего, до упора...»

«Да, быка этого, Малыша, жалко, конечно, вон как истекает кровью, фонтаном по спине разливается, — думал в свою очередь Симочкин, вновь сочувствуя от души быку и успевая поглядывать на топ-модель, в лице которой заметно прибавилось сексуальности, отчего Симочкин еще раз невольно вспомнил связанный с ней свой эротический сон с разными забавами. — Да, быка жалко, а еще больше тореро, если на рога попадет, но кто меня, едрена вошь, пожалеет, Симочкина Серафима Иваныча, образцового гражданина страны, твердо ставшего на путь истинной демократии и прав человека, так сказать?.. Кто, топ-модель? Но если только в следующем эротическом сне под пасодобль. Но ведь на свете есть и в самом деле много такого, что вызывает куда больше жалости, чем бык. И у этого многого, в отличие от быка, порой вообще нет шансов не то что на победу, а на то, чтоб выжить. Судьба его — пребывать всю жизнь в темном загоне или, говоря по-испански, в коррале. Ах, жизнь-индейка, судьба-злодейка! Как там сейчас моя Анка, Витюшка, мой сынуля? Ведь скоро осень, а с ней дожди пойдут, холода, одежонку бы сынуле потеплей, игрушек... Ну вот отправлю деньги с полочки у сеньора Педро Родригеса Феррейро...»

Рев на трибунах нарастал все больше и больше, чередуясь с единым раскатистым, как весенний гром, возгласом: «Оле!.. Оле!.. Оле!..» — и уж совсем оглушил Симочкина, когда над поверженным от решающего удара в загривок быка — ахиллесову пяту его — шпагой по рукоять стоял во весь рост, подобно отважному гладиатору, златокудрый красавец тореро. Он приветствовал трибуны,

сдержанно кланяясь в разные стороны, а затем начал победоносное шествие под пасодобль по арене, держа над головой почетный трофей — уши быка, и сейчас уже больше походил на римского бога войны Марса. Приблизившись к ложе по соседству с Симочкиным, тореро приостановился, сдержанно поприветствовал кивком головы важных гостей, не спуская при этом все еще горящих огнем смертельного поединка глаз с топ-модели. Затем, сняв шапку, с театральным изяществом бросил ее прямым в ловкие руки топ-модели. Симочкин был уверен, что вслед за шапкой он бросит на колени топ-модели и свой дорогой трофей — уши быка, но, видимо, решив, что это не совсем эстетично (уши все еще кровоточили), продолжил свое победное шествие по арене.

Видя все это, Симочкин подумал: «У каждого свои законы и традиции — у быков свои, у людей свои».

Трибуны неистовствовали, заглушая даже воинственно-наступательный пасодобль. Поверженного быка на подстилке уже стаскивали через всю арену в загон рабочие лошади, живо подгоняемые берейторами в красных куртках. Но Симочкину, несмотря на всеобщее ликование, было почему-то грустно, и он снова вспомнил свою Анку, сынишку своего Витька, то, как последний раз отмечал всей семьей, с покойным дедом Лексеем День Победы — яблони на Орловщине были в цвету, как никогда, и соловьи тогда заливались чистыми голосами, без всякого надрыва, хрипа, радуясь весне не меньше, чем сейчас трибуны на корриде победе златокудрого красавца тореро.

«Ах, жизнь-индейка, а судьба — воистину злодейка, — покидая в компании с сеньором Педро Родригесом Феррейро корриду со все еще ревущими трибунами, повторял про себя образцовый старший помощник младшего повара в ресторане “Белая лошадь”, на редкость достойный гражданин своего отечества Симочкин Серафим Иванович. — Какой же славный тореро, и эта счастливая топ-модель со всей своей несравненной компанией, все сегодня счастливы и полны радости — это чудовище бык снова, уже который раз побежден человеком, еще и еще раз подтвердившим, что именно он никем не победимый венец творения всего живого. Как это здорово, господа, как волнующе и прекрасно!.. А у нас на Орловщине соловьи сейчас заливаются чуть охрипшими голосами, а может, осипшими, будто с перепоя. Анка ждет меня вместе с Витюхой, уже третий год ждет не дождется... В самом деле, как это все здорово, господа, судари вы мои родные, сударыни, сеньоры, — одним словом, оле, оле и еще раз оле!..»

Ирина ЦАГОЛОВА

«МОЕЙ СВЕТЛОЙ ПЕЧАЛИ МОТИВ»

СТИХИ

БАБУШКЕ

Покачай меня на ручках,
Снежно-нежно покачай.
Вон метель лютует круче,
Чем вчерашняя печаль.

Покачай меня тихонько,
Под неспешный ход часов.
Льдышкой боль осядет звонко,
Колко — перышками снов.

Покачай меня вполсилы
На стареющих руках —
Синим набухают жилы
Наших бед на всех путях.

Пусть в знакомый посвист вьюги
Заплетет зима мотив,
Размыкающий нам руки
Для объятий дорогих.

Покачай меня, как в детстве
Не качала даже мать.
Покачай меня напевно,
Чтоб потом не растерять

Этот свет твоей улыбки,
И шершавость добрых рук,
И мотив далекий, зыбкий
Под колесный перестук...

Там, в твоей большой Вселенной,
Мне покойно и светло,
Потому что помню, верно,
Неотмирное тепло.

Покачай меня, родная,
В сердце болью отзовись:
Запах хлеба — запах рая...
И... десяточка на жизнь.

ПОЛНОЧНЫЙ ДОЖДЬ

Ну вот и лето на исходе
сквозит из запыленных окон.
Чудит сентябрь: не по погоде
одет прохожий. Птичий гомон
уже не о высоком... Тускло
кадит фонарь в мое окошко,
листву, замешенную густо,
кропит дождем. Блестит дорожка,
бегущая от хватких улиц,
полноголосых и ревнивых,
к оврагам черным. Говорливых
дворов простыло заоконье...
А ночь течет в мои ладони.

ЛАМПАДКА

Колыбельная для мамы

Лампадка тихо светит пред образом Пречистой,
В дому тепло и ладно — намолено.
А ветер в поле свищет,
Голодным волком рыщет
Весть темная, лихая, недобрая.

Присядь, моя голубка, взгляни на образ светлый,
Отри слезу невольну, мать родная.
А баба в голос плачет,
А конь по полю скачет,
А в спину метит пуля голодная.

Так исстари бывало: горее горевали,
Когда в любви да вере вечерали.
А утром лихо грянет,
В окно недолей глянет
И вдовьим платом станет —
По вере ли?

Качается лампадка, кадит молитвой сердце,
А пули метят верных, ища везде...
Ах, матушки, сестрицы,
Глоток живой водицы
Из ваших слез смиренных пожалуйте!

ТВОИ СНЫ

Небо порвали в клочья
стяги былых побед.
Что тебе снилось ночью,
бедный мой человек?
Утро взойдет кроваво
радостной битвой дня...
Что тебе будет сниться
в будущем — без меня?
Сколько химер развеешь,
верность мечте храня?
Если в меня не веришь,
верь в самого себя!
Несовпадения — вехи
славных грядущих дат.
В этом моем побеге
по бездорожью в ад
беспрекословных истин,
выставших черным путем,
не потеряюсь, милый,
только б не повернуть!
Без возвращенья письма,
в них только стон да соль...
Что тебе будет сниться
в ночь, когда стихнет боль?

ОСЕНЬ

В новое платье нарядимся, милая,
Будем чудить.
Что на виске синей жилкой пульсирует?
Прошлая жизнь.
Этот октябрь недостоин прощения:
Лета палач,
Вот он кроит из тоски вдохновение —
Смех или плач.
Словом ли, звуком коснусь дорогого мне
Прошлого дня.
Верить, и помнить, и в зеркале нового
Видеть тебя.
В желтое платье нарядимся, милая,
Скроем тоску.
Осень свой жемчуг мне в душу просыпала —
Не соберу...

АЙСЕДОРЕ ДУНКАН

Он думал: женщина,
А вышло — птица.
Он видел: нежная,
Но не боится
Ходить над пропастью —
Любить Поэта
И верить попросту
В сны и приметы.
Шальная синь — его глаза,
В них годы тонут.
Ей все казалось: небеса,
А вышло — омут.

СЛУШАЯ «РОМАНС» ГРУППЫ «СПЛИН»

Жидковатая просинь увязла в свинцовом бессилье,
но пролита на Землю четвертая грозная чаша.
Всё живем — для чего, почему? — некрасиво:
неоткрыто, несправедно — зряшно!

Всё куем свои хлипкие рабские цепи,
 обряжаем себя в неформалов и нонконформистов,
 а по сути все — просто уставшие дети,
 одинокие выbleвки пьяных статистов.

А по факту такая бездонная слабость:
 нет ни чувства, ни мысли прямой и по-братски надежной.
 Чертов день проглотил мою хрупкую радость
 и оставил меня навсегда нерожденной.
 Я оплачу высокое синее небо
 и далекий простор непроторенных истин.
 В этом мире не стало сердечного хлеба —
 все украл у рассвета единственный выстрел.

ИЗ БЛОКНОТА «МАРИНЕ»

Ожерелье — Марине Цветаевой

Воздух горчит тоскою
 Непостоянства встреч.
 Будет перрон свечою
 Память твою стеречь,
 Слезно его вымаливая
 У поездов глухих...
 Бедная моя, маленькая,
 Голос твой слаб и тих:
 Если кричишь — не слышат, если молчишь — не зрят...
 Красной веревкой вяжет шею твою закат.

31 августа... Муру

Слово Поэта неприручаемо.
 Если прирученный — не Поэт...
 Слишком кроваво и узнаваемо
 вянет в Елабуге августа цвет.
 Встали и вышли — не оглянулись.
 Прямо с порога — топот и вой...
 Многие сгнули или прогнулись
 под кумачовой стеной...
 Ты ли не вымучила,
 ты ли не выплакала
 неба чужого привычную хмарь?..

Больше ни строчки —
все горе вылакало...
Сердце-звонарь
странными звонами
полнит натруженно
ведра потерь,
кашляет кровью —
надрывно, простуженно:
«Кто ты теперь?!»
Город оскалился
сухой голодной:
«Прочь — не своя!»
Ты даже сыну казалась безродною...
Нет, не родня
тот, кто за горсть опостылевшей надобы
небо предал...
Страшно и горько сегодня в Елабуге
мальчик рыдал.

Елабуга. 31 августа...

Место захоронения М. И. точно не установлено...

Ирма Кудрова. Гибель Марины Цветаевой

Живые?... Бог с тобой:
стыда они не имут!
Елагинской петлей
день в осень опрокинут.
Ни мужа, ни сестры,
ни дочери — в опале...
Стихи, стихи, стихи —
отжили и опали.
По стойбищам судьбы
прикормленных поэтов
внесовестно идти —
наперекор запретам
пульсирующих дат
и обожженных истин:
был друг, а ныне — враг,
был сын, а ныне... Мысли
наматывают страх
удавкою крученной...

Был август, голод, крах
иллюзий обреченной
на «просто выживать»
и «ловко пресмыкаться».
В петлю — как в дантов ад,
чтобы собой остаться!
Живые?.. Бог с тобой...
А были ли живые?
Тряпицей голубой
накрыли и... забыли.

НЕЖДАННОЕ

Тонким месяцем в просинь осеннюю
Под урчанье московских ветров
Я иду наугад в воскресенье
Своих тайных, улыбчивых снов.
Красным соком рябины отмечены
В законе волшебном моем.
Бьются оземь былинные кречеты,
Никнут страшно усталым крылом.
Там, на улице, темень, распутица,
Здесь, в дыханье тепла и молитв,
Дивным белым цветеньем распушится
Моей светлой печали мотив.
Буду петь, свечи теплить к заутрене,
Чтобы к плату Пречистой припасть:
«Голубица моя, Мать мудрая,
Дай мне, горестной, сил не упасть».
И ответит, скорбя, Богородица,
Утирая мне слезы тайком:
«Пой, покуда поется! Как водится,
Ты живи — разберемся потом».
Тоньше волоса струны сердечные,
Громче голоса памяти стон.
Я пою вам, незваные кречеты:
«Улетайте, вернетесь потом».
И ответственать мне перед осенью
За отчаянье по сердцу жить,
И глядеть в твои волосы с проседью
За последнюю дерзость — любить.

Игорь БУЛКАТЫ
Томас ЧЕПАЙТИС

БОРЗОЙ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

На фото — Беклемишевская башня. Название происходит от имени боярина, государственного деятеля Ивана Берсень-Беклемишева, чей двор в конце XV века находился внутри Кремля и примыкал к башне. Берсень-Беклемишев был казнен в 1525 году на Москве-реке из-за конфликта с великим князем Василием III.

Фото К. Кезбаева

Авторское предисловие

Предлагаемые главы из романа «Борзой» не могут охватить полностью все положительные и отрицательные стороны этого сочинения. Оно о Москве, о ее истории, к коей у всех у нас может быть разное отношение. Ведь человеческая память имеет обыкновение домысливать давно свершившиеся события, превращая их в продукт мифотворчества, что так или иначе, в зависимости от инерции истории, вливается в культуру. Поэтому прошлое, настоящее и будущее воспринимаются не как хронология, а как состояние души. Тем более, когда в романе опущена функция времени и персонажи — Прибалт, Кавказец и Борзой — через прорывы под Кремлем тайные подземные коридоры оказываются в Московии, при дворе Василия III. Сложно размышлять об отличии реальных фактов от «домысленных», «досочиненных», пока история окончательно не завершила свой виток, пока еще не канувшие в безвестность ее персонажи не остановились за виражом и не стряхнули со лба пот. Но только в динамике можно воздействовать на историю, рискуя быть раздавленным чудовищной накрученной массой. Во всяком случае, принятие условий взаимовоздействия прошлого и его персонажей, продиктованных, как нам кажется, желанием разрушить сложившийся стереотип одномерной «дали», не отражающей в полной мере многообразия истории как части культуры, даст возможность по-новому взглянуть на нашу жизнь.

Добавим лишь, что авторов романа связывает многолетняя дружба, начавшаяся с обучения на одном курсе Литературного института им. А. М. Горького, где они вместе переводили Шарля Луи де Монтескье, Оскара Милоша, Жоржа Перека, Каспара Жалю, Дилана Томаса, Гилберта Кита Честертона и многих других.

ВЫЗВОЛЕНИЕ

Послышался лязг отодвигаемого железного засова, открылась дверь камеры, и дежурный объявил вялым голосом:

— Борзой, на выход!

Вовик протер глаза, приподнялся на локте и сказал:

— Удачи, братан! Надеюсь, Мишик дозвонился до твоих друзей. Будешь на трех вокзалах, найди меня в зале ожидания.

— Непременно! — ответил Борзой.

Он встал, отряхнулся и последовал за дежурным. Поднялись на второй этаж и пошли по коридору. Попадавшие навстречу работники отделения полиции расступались и жались к стене, пропуская его как высокого гостя. В кабинете у полковника Лисицы в нос ударил едкий запах освежителя воздуха.

— Ах, дорогой вы мой Павел Александрович! — воскликнул начальник отделения полиции, распахивая объятия и на ходу роняя стулья. — Почему вы сразу не сказали, что у вас есть такие могущественные покровители!

— Я вас не понимаю... — начал было Борзой, но Лисица тут же перебил его.

— Как же, как же, сам депутат Государственной думы, редактор популярной газеты «Вечность» Иннокентий Петрович Афанасьев позвонил нынче утром и попросил не задерживать вас здесь более.

— Афанасьев? — переспросил Борзой, морща переносицу.

— Он самый, — Лисица бесцеремонно обнимал его и хлопал по плечам потными ладонями. — Надеюсь, дорогой Павел Александрович, вы скажете ему, что ничего плохого мы с вами тут не делали, просто выясняли вашу личность. Всенепременнейшая формальность. А то, что Сцапай напялил на вас тужурку с шапо́, так это была шутка. Шу-у-утка! — еще больше расплылся в улыбке Лисица. — Да мы и не такое тут вытворяли. К примеру, попал к нам как-то с бодуна известный профессор, светило науки. Помнишь, Пирамидон?

— Как не помнить! — оживился майор Сцапай. — Профессор был с козлиной бородкой, дорогим пенсне на носу и гонором — как отсюда до управления РЖД! А баба евояная что надо, и буфера, и бедра — все при ней!

— Ну, это к делу не относится! — одернул его Лисица. — Так вот, после пьянки в кабаке он решил проводить даму на поезд. На Казанский приехали заблаговременно, идут по перрону, катят свой чемодан, пиво потягивают из банки и весело хохочут. Тут дамочке что-то стукнуло в голову, она выбросила свой чемодан вместе с пустой банкой на рельсы, задрала юбку аж до самых бровей и ну-у выплясывать барыню. Профессор, конечно, не ожидал такого поворота событий, попытался уgomонить плясунью, затем снял плащ и стал прикрывать им дамочку-то, а та ни в какую — пляшет и пляшет на перроне да визжит как недорезанная. «Граждане! — кричит профессор. — Я известный ученый, изобретатель педали для смыва унитаза! Мы опаздываем на поезд!» Тут носильщики-ассирийцы столкнули его на рельсы и говорят: «Иды, сука, чумадан найды своей бабы, а то поезд придет и раздавит его!» Чемодан-то он нашел и даже поднял на платформу, а сам вылезти не может, одна голова торчит с бородкой и пенсне. «Вытащите меня отсюда! — голосит. — Черти нерусские!» Подоспел наряд, и их доставили в отделение. Дознаватель спрашивает у профессора: дескать, кем вам доводится данная женщина? «Как кем, — отвечает тот, — законной супругой!» — «Чем докажете, уважаемый? В документах на сей счет нет отметок». А дамочка возьми и ляпни: сейчас, мол, мы на ваших глазах займемся сексом, это и будет доказательством, — и стягивает с себя хламиду. И Сцапай, сукин сын, облизываясь, подтверждает: дескать, да-да-да, это самое лучшее доказательство. Хорошо, я вовремя вмешался, а то бы устроили бордель.

— Зачем вы так про меня? — промямлил Сцапай.

— Словом, — продолжил Лисица, — я и без звонка Иннокентия Петровича собирался вас выпустить сегодня, потому что сразу понял, какой вы честный и благородный человек, что недавно вы выступали на конференции по акушерству и гинекологии в Казани и имели оглушительный успех, а газеты только и пестрят заголовками о прорывном значении для науки этого выступления.

— Все это неправда, — устало махнул рукой Борзой.

— Правда, правда, — не унимался начальник отделения. — Мне уже доложили из Казани, что ваши предложения в ближайшие пять лет заметно улучшат демографическую ситуацию в стране.

— Господи! — закатил глаза Борзой. — Верните мне, пожалуйста, портфель и мобильный телефон. Мне нужно позвонить.

— Конечно, конечно! — Лисица отпер сейф, достал портфель, в котором, судя по его виду, недавно рылись, мобильный телефон и аккуратно положил на стол. — Пожалуйста, Павел Александрович, все в целостности и сохранности. Кстати, если хотите, можете

сделать звонок с моего мобильного в любую часть земного шара, у меня безлимитный тариф. У вашего зарядка кончилась.

Борзой бросил вопросительный взгляд на Лисицу, но промолчал.

— М-м-м! — промычал начальник отделения. — Только не подумайте ничего плохого. Профессиональная привычка, абитюд профессиональ. — И посмотрел снисходительно на Сцапаю.

Борзой потыкал пальцем в кнопку, но безрезультатно.

— Позвольте подключить зарядку?

— Разумеется! — снова расплылся в улыбке Лисица. — Садитесь в мое кресло, в нем вам будет гораздо удобнее. Осмелюсь заметить, у вас много неотвеченных вызовов, особенно от вашей сестрицы Марии Александровны.

— Вы-то откуда знаете? — выпалил Борзой. — Впрочем...

Он не спеша, чтобы не задеть ненароком папки, переместился за стол, воткнул вилку в розетку и стал ждать, когда загорится экран телефона, периодически поглядывая на вытянувшихся по струнке служителей правопорядка. Причем Лисица чуть склонил голову набок, отчего волосы его съехали с темени и обнажили потную лысину. Наконец мобильник заработал. Действительно, пропущенных звонков было много, и в основном от сестры.

Борзой набрал Марию. Та сразу же ответила, словно с нетерпением ждала его звонка.

— У тебя все хорошо? — спросила она.

— Да, все хорошо! — спокойно ответил Борзой.

— Слава богу! — выдохнула Мария. — Тебя Прибалт с Кавказцем ждут в кафе на Чистых прудах. Сказали, что ты знаешь, где это.

— Знаю, спасибо.

Он прервал разговор и приготовился ждать, пока телефон хоть немного зарядится.

— Если вам надо домой на Лесную, мы можем предоставить служебную машину, — предложил Лисица. — Это нетрудно.

— Вы и место моего жительства знаете, — сказал Борзой. — Нет, спасибо, мне в другую сторону.

Лисица со Сцапаем проводили его до самого выхода, раскланялись с ним и помахали вслед рукой, вежливо пригласив заживать в гости в любое время суток. Борзой поблагодарил служителей правопорядка за гостеприимство, вышел на площадь Трех вокзалов, миновал Ярославский, добрался до Каланчевской улицы и свернул в сторону Орликова переулка. По дороге он позвонил Прибалту и сообщил, что припозднится. Тот стал расспрашивать о самочувствии и долго ли его ждать, на что по-

лучил ответ, что с ним все в порядке и что он задержится часа на два-три.

Борзой чувствовал некую отстраненность от реальности, будто наблюдал за происходящим со стороны. Такое случалось с ним по утрам, в особенности после того, как он всю ночь просиживал за письменным столом и в конце концов рвал на мелкие куски исписанные страницы. Он предпочитал писать от руки обычной шариковой ручкой в форме кортика, а не набирать текст прямо на компьютере, объясняя это не только патриархальным воспитанием, но и риском утраты важных оттенков, нюансов слова, которые, по его твердому убеждению, мгновенно проглатывались, уничтожались пыльной клавиатурой, а желание высказаться так и оставалось в предбаннике творчества. Его небольшая комната, все еще таящая в себе династический запах самоварных углей да фамильных крендельков с ванилью, была завалена книгами по гинекологии и искусству. Стопки лежали на полу, на широкой спинке продавленного дивана. Альбомы с репродукциями импрессионистов и передвижников с прокладками из папиросной бумаги издательств «Гебетнер и Вольф», М. и С. Сабашниковых лежали под лампой с золотым абажуром, помнящей дыхание дореволюционного купеческого дома, хотя за последние полгода никто в эти книги не заглядывал. Борзой, если не валялся на диване, покуривая папиросу, или не работал за столом орехового дерева, из недр которого при необходимости выдвигалась секретная столешница, иногда вдруг подсказывал, вскрикивал: «Твою мать! Прости господи!» — и садился в угол на выдавшую виды табуретку, чувствуя себя маленьким, провинившимся, беззащитным ребенком. Все дело было в блокнотах, записных книжках и дисках, насчитывающих сотни, тысячи байт информации, с которыми он никак не мог расстаться. Они копились годами, окутанные тайной, хотя по сути дела не стоили и ломаного гроша. Иногда Борзой просматривал эти блокноты с одному ему известными обозначениями на обложках или вставлял диск в дисковод, находил нужные идеи, диалоги, рисунки, шифры, адреса, ноты и смеялся, довольный, уставившись в некогда гениальные каракули, не понимая, как можно быть таким нарциссическим идиотом. Затем вырывал страницы из блокнота или стирал данные с носителей и в ужасе и изнеможении валился на диван.

Наверное, они были нужны, но для чего конкретно — Борзой не мог ответить. Если бы его увидел в этот момент Александр Блок, то не преминул бы присвистнуть: «Рожденные в года глухие, значит, пути не помнят своего!» Однако эти записи, заметки,

намекы отмечали вехи его пути, и Борзой надеялся, что они помогут ему вернуться. Впрочем, куда, зачем? Может быть, домой? Но он же дома!

Прибалту и Кавказцу, известным околomosковским писателям, Борзой с сестрой были представлены на Всероссийском научно-образовательном форуме «Мать и дитя», устроенном журналом «Акушерство и гинекология», куда их позвала заведующая отделом рекламы Екатерина Головки, дочь упомянутого выше профессора Головки. Раньше Борзой избегал громких выражений, но после знакомства с писателями значительно расширил свой лексикон, не чураясь ни русского мата, ни архаизмов, ни жаргонизмов. Даже сестра его Мария, которая, по утверждению многих знатоков-физиогномистов, очень напоминала статью и выдержкой свою прапрапрабабушку Агриппину Александровну, готовящаяся к пострижению в монахини, не к ночи будь сказано, заразилась от двух шутников-затейников всякими словечками. Особенно ей нравились намеки на интимную близость европейских сановных особ с немолодыми тетушками или кузинами по отцовской линии, и она донимала братца и его друзей теориями династических коллизий, приводя в пример последнего из Габсбургов Карла II, а также их неоценимым вкладом в мировую акушеррию.

У Прибалта в таких случаях возникали поэтические аллюзии, связанные преимущественно с Серебряным веком русской поэзии. Однако, давайте признаемся сразу, практичная гортань, обладающая, по утверждению Карла Юнга, независимой мыслительной способностью, зачастую выбирает не то, что характеризует тебя как личность и может подчеркнуть твою московскость или москвичность, а перлы, скажем, Адама Владиславского в переводе Наталии Эйльбарт, в которых довольно незамысловато описывается Смутное время и звучат призывы отомстить русским за нанесенные Марине Мнишек обиды — «И кого винить мне в сем великом горе!»

— Фелицианович! — воскликнул Прибалт, обращаясь к Ходасевичу, словно бы пытаюсь восполнить географическое невежество тех, кто и поныне считает столицей Литвы Ригу. — Твой отец из Каунаса! Ойцец з Ковна, теvas нуо Кауно!

Кавказец дождался, пока голос друга облетит фойе редакции, в котором организаторы форума устроили фуршет, и принялся растолковывать Марии, почему в 1749 году в Санкт-Петербурге первая осетинская делегация под руководством бывшего советника хакетинского царя Вахтанга VI Зураба Магкойты и его сына Аслана не смогла убедить великую императрицу Елизавету Петровну

присоединить Осетию к Российской империи. Что и говорить, делегацию приняли с почестями, да и переговоры прошли, в общем-то, нормально, но главной цели визита достичь не удалось. К тому же накануне грузины при содействии архимандрита Пахомия и игуменов Христофора и Николая подослали людей в покои Соловьевского белокаменного дома на Васильевском острове, где располагалось осетинское представительство, и избили толмача, да так, что тот и языком шевельнуть не мог. К слову, осетины обошлись без переводчика, и причиной отказа Елизаветы Петровны стали вовсе не трудности в общении — делегаты вполне сносно изъяснялись по-русски, — а обстоятельства мирового масштаба. Во-первых, заключенный после завершения русско-турецкой войны в 1739 году Белградский мирный договор, запрещающий России иметь собственный флот и крепости на Черном море, открыл возможности Малой и Большой Кабарде, находящейся между Россией и Осетией, вести свою политику. Кабардинские князья, как известно, были категорически против того, чтобы воссоединение и общение проходило через их головы. А во-вторых, данное соглашение сулило политическую неопределенность в отношении Турции и Персии. Поэтому все, чего добились осетины, — это договор о дружбе и тесном сотрудничестве.

Мария улыбнулась еле заметной улыбкой, как Божья Матерь на Вифлеемской иконе, огляделась по сторонам, словно высматривая нежелательных свидетелей, прикрыла ладошкой рот и вполголоса стала рассказывать, как однажды ранним утром Павлушу подкинули на родовое крылечко Абрикосовых и дважды ударили дверной стучалкой по бронзовому основанию. Горничная Лукерья открыла дверь и, увидев улыбающегося младенца, ахнула. Она внесла его в гостиную, положила на стол и распеленала. Павлуша был завернут в мужскую льняную рубаху и от него пахло подошедшим ржаным тестом. Собралась вся семья и с удивлением стала рассматривать пухлого розовощекого ребенка, заглушая в себе восторженные дефиниции, лишь старший Абрикосов с белым полотенцем на плече и намыленной щекой спросил, остались ли в доме соски, а если нет, то необходимо немедленно их приобрести вкупе с детским питанием. И горничная сорвала с себя передник, накинула на себя плащ и выскочила в ближайший магазин. А позже появился лысый господин в макинтоше, предъявил удостоверение неких спецслужб и потребовал передать ему младенца. Отец, услышав шум в прихожей, немедленно позвонил друзьям и поведал о случившемся. Друзья попросили к телефону Лысого, тот взял трубку и, вытянувшись по

струнке, отчеканил: «Есть!» — после чего исчез в московских подворотнях. А Павлушу стали воспитывать в лучших традициях рода Абрикосовых, холя и лелея, терпя все его детские выходки. Догадывался ли он о том, что является подкидышем? Скорее всего, да, но помалкивал, потому что любовь окружающих была слишком велика. Возвращаясь под утро неизвестно откуда на Лесную, Павел стучал дверным молотком в форме львиной головы с массивным кольцом в зубах, полоша весь дом, и на вопрос горничной «Кто там?» орал, тряся пропахшими табаком и алкоголем патлами: «Поймите, к вам стучится сумасшедший, бог знает как и с кем всю ночь проведенный!»

— Это Анненский? — интересовалась Лукерья в накинутом на плечи халате, дабы унять пыл разошедшегося мальчика.

— Да, — отвечал Павел, — странно, что вы его знаете.

— Ничего странного! — спокойно говорила она, запирая дверь, и со второго этажа слышалось приглушенное хлопанье в ладоши.

Пристыженный Павел бежал в свою комнату, откуда через некоторое время сквозь неплотно прикрытую дверь, чтобы было слышно горничной, доносилась декламация стихов: «Что верно, то верно, нельзя же силком девчонку тащить на кровать!» Или: «Немедленно высечь мальчишку за то, что не любит луковый суп!» Или: «Сегодня в лед, а завтра в огонь!»

— И ведь не было никакой уверенности, — усмехалась Мария, — что он не вскочит со своего дивана и не запустит башмаком в любительницу русской поэзии.

Впрочем, разве мог представить себе известный в России меценат и благотворитель Александр Иванович Абрикосов, основатель кондитерского концерна «Красный Октябрь», что потомкам его придется держать ответ перед историей, тем паче когда пропитанные цинизмом и недоверием Прибалт с Кавказцем исподволь пытались спихнуть их с проторенного предком пути. Следует отметить, что указанные выше писатели, каковыми они считали себя сами, но с произведениями коих был знаком ограниченный круг читателей, весьма способствовали созданию ореола таинственности вокруг фамилии Абрикосовых, что, впрочем, частично соответствовало действительности, в основном же она зиждилась на их неумной фантазии и поэтический дерзости. Вполне возможно, что после частых и долгих общений — и в комнатке на Лесной, которую занимал Борзой и которая, среди прочих двенадцати комнат, принадлежала Абрикосовым, и в особняке Афанасьева в Сытинском тупике, возле Палашевского рынка, и в съемной, продуваемой насквозь хибарке Прибалта и Кавказца —

они навязывали Борзому некое видение мира поверх праздных голов москвичей и гостей столицы, а главное — умение передвигаться по улицам с пользой для ума и сердца, что делает человека, пардон, творцом. Кто знает, может, они, не отдавая себе отчета, лепили из него именно такого творца, мечта о котором медленно угасала в их душах.

Когда не было охоты писать, Борзой направлялся на прогулку. Проходил вдумчивым шагом до памятника Горькому на площади Белорусского вокзала, шутливо снимал перед великим пролетарским писателем шляпу и произносил всегда одно и то же: «Нам ли с вами не знать человеческой души, Алексей Максимович!»

Орава вокзальных таксистов прекрасно знала эту его привычку и приветственными возгласами встречала на подходе. А дальше он шел по правой стороне к Пушки и Пушкину, к бульварам.

О, бульвары!

Если и есть в Москве что-либо ценное для вечности, что-либо такое, что искупает многия тяжкия грехи ея, ея азиатскую дикость и унижительные попытки некоторых сановников европеизировать старушку мраморной плиткой, то это бульварное кольцо. И благословен всякий выросший неподалеку от него. А и верно, гулять по Тверской нынче все равно что катиться колбаской по Малой Спасской, но по бульварам... ах, по бульварам... тем паче что у Борзого такая привычка сохранилась с детства. И вот он шел, сперва понуриив голову, но постепенно все распрямляясь, обзаведясь невидимой тростью Маяковского и торчащей в зубах мелодией из Филармонии, к Аглицкому клубу, подходил молодцом, повеселев, вспомнив что-то смешное...

Стало быть, дорогие читатели, бульвары — подлинное лицо Москвы, бульвары да парки с их тишиной и уютом, от которых веет тянущей душу седой древностью. Впрочем, это только для тех, кто вырос там, кто понимает и...

А...

Но вот кто-то тайно наблюдает за семьей Абрикосовых, степенно-споро прогуливающейся в полном составе по Тверскому бульвару и толкающей грудью громадную шумную волну счастья, смотрит на них из-за чугунной ограды, стоя спиной к театру Немировича-Данченко. А они идут и идут, не замечая ни встречных прохожих, ни проезжающих автомобилей, и звонкий смех слышен окрест. Впереди шествует отец семейства в легком коричневом пальто, но без головного убора, с проседью волосы колыхает ветерок, и усы его извиваются как пиявки. Это знаменитый в городе директор шоколадной фабрики и меценат господин

Абрикосов. Он невысок и упитан, видно, что доволен собой и своим многочисленным семейством, являет образец степенности, но со своими словечками типа «Аба!» или «Но-но!», с помощью которых руководит шествием, позволяя себе даже покрикивать на детишек или как-то неожиданно звонко хохотать, особенно когда находишься возле МХАТа или ТАССа. Следом за ним бодро вышагивает известная на всю Москву — а ведь в Москве ежедневно появляется на свет божий больше тысячи новых жителей — заведующая перинатальным центром на Миусской площади, супруга главы семейства Гликерия Адольфовна, миловидная дамочка в теле, но удачно скрывающая свою полноту темными нарядами вертикального покроя, в вишневой широкополой шляпе и на высоких каблуках, которые после вечернего туалета она проклинает на чем свет стоит, а за нею шумно, стараясь держаться стройно, но не всегда удачно, двигаются с десяток отпрысков. Последним плетется младший — Павел, он же Борзой, то задирая голову и всматриваясь в небо, едва виднеющееся за кронами лип и кленов, то вперяя взгляд в песок под ногами (он всегда недоумевал, почему в Кремле песок красный, а на бульваре серый). Павлуше как-то понравилось вычитанное им то ли у Достоевского, то ли у Гюго выражение «влачил жалкое существование», и вот он влачил свое жалкое существование на осеннем Тверском бульваре, порой в порыве налетевшей с верхушек лип разудалой бесшабашности подскакивая к отцу и безрезультатно просясь на руки, а потом возвращаясь в арьергард уже спокойной походкой.

Господин Абрикосов имел обыкновение раздавать бульварным детям мелочь. Да, они были приличной семьей, поэтому их тянуло облагодетельствовать беспризорников, периодически там подвизавшихся, совать им в грязные ладошки шоколадные конфеты своей фабрики, завернутые в разноцветные бумажки, на которых были изображены животные и птицы, а также напечатаны полезные советы, например, как сварить яйцо на горячей свечке или чем обеззаразить рану на пальчике. Детишки называли обертки «фантиками», собирали их и обменивались, а самого господина Абрикосова — «Бабаем» или «Бабай Бабаичем», и все смеялись залиvisto и громко.

И на все это пялились два субъекта, один в мышинового цвета плаще, другой в верблюжьем пальто, пялились, повесив носы на ограду, и вид их — приходится признать — был неприветлив.

Ба, да это...

— Гуляють! — сплюнул в сторону Прибалт.

— Глаза бы мои их не видели! — скривился от отвращения Кавказец и в подтверждение своих слов открыл глазницей бутылку жигулевского пива...

Спустя некоторое время Борзой вошел в кафе «Старик и море», что на Чистопрудном бульваре, и присоединился к сидящим в дальнем углу наставникам, попивающим пиво и мирно ведущим беседу. Он поздоровался с ними, снял плащ, бросил портфель на пол и подсел к столу.

— Не хотите ли отведать мидий, милостивый государь? — спросил Прибалт. — После бессонной ночи они весьма полезны, восстанавливают утраченные силы и ясность ума.

— Мидии восстанавливают силы после бурной ночи любви, — заметил Кавказец. — Но судя по запаху, исходящему от плаща молодого человека, ночь он провел вовсе не в объятиях прекрасной женщины.

— Я бы лучше слопал обычного мяса с каким-нибудь острым соусом, — сказал Борзой.

— Я принесу, — встал Прибалт. — А пиво тебе нынче противопоказано, ты сразу же осовеешь.

Вскоре он вернулся с подносом, на котором лежала тарелка с мясом и картошкой и небольшой графин водки.

— Выпей рюмку и поешь как следует. — Прибалт выждал немного, скребя густую бороду, а потом спросил: — Ну и куда же ты поперся?

— В сторону Мясницкой, через Орликов переулочек, — ответил Борзой, не переставая жевать.

— Там труба, кажись, торчит из асфальта, все на нее натываются, — вставил Кавказец, чтобы не казаться совсем темным.

— Ага, — кивнул Борзой.

— Гм, хорошо знаешь Москву, — съязвил Прибалт.

— Не-е-е, — протянул Кавказец, — только площадь Трех вокзалов.

— Интересно вы излагаете, мон ами, — прекратил скрести бороду Прибалт. — Мне помнится, что по никакой Мясницкой вы не шли, а топали как раз в обратном направлении, в сторону Марьиной Рощи.

— Слушай, чего ты пристал к человеку! — одернул его Кавказец. — Дай ему спокойно поесть. И откуда тебе знать, по какому маршруту он шел. Я вам вот что скажу, друзья: следуя моей теории смещения полей, путник в зависимости от расположения духа может передвигаться одновременно в разных направлениях.

Борзой с Прибалтом снисходительно усмехнулись.

— Ну и что за теория? — любопытствовал Прибалт. — Только, ради бога, покороче.

Несколько секунд Кавказец испытующе глядел на них, шевеля губами, потом произнес:

— Если коротко, то зависимость пройденного пути от времени и скорости опосредована. Есть некий тумблер, — он приблизился к Борзому и щелкнул пальцами возле его уха. — Все, он включен, и путник весело херачит по Мясницкой. Однако на полпути ему вспоминается пережитая ночь, запах чеснока и ливерной колбасы, кривые зубы начальника околотка, томительное ожидание решения судьбы, и тогда наш друг мгновенно оказывается на Каланчевке, хотя только что приближался к дому купца Баскакина, в котором Маяковский и Брики снимали четыре комнаты. Заметьте, время при этом стоит. То есть оно, конечно, движется, но за плетнем нашей вселенной. Человек думающий, за коего я всегда почитал нашего друга, может воздействовать силой мысли на физические категории, как то пространство, скорость и время. Все дело в качестве и количестве водки. И, как говорил мой дед Иорам...

Тут Прибалт прервал Кавказца:

— Не стоит развивать тему благородных напитков, милостивый государь, мы и без вас прекрасно разбираемся в них.

— Я просто хотел подчеркнуть преемственность поколений, — пробурчал Кавказец, закурил и отвернулся к окну.

— В другой раз. Лучше подумайте о том, как описать утренний моцион нашего подопечного. — Прибалт отпил пива и отрыгнул. — Интересно, Борзой сам стирает свои носки?

— Сам, конечно! И не только носки! — быстро ответил Борзой.

— Похвально! А завтрак кто готовит? Небось, Лукерья?

Борзой опустил голову, будто его уличили во лжи, и сказал:

— Знаете ли, мне утром вполне достаточно проглотить бутерброд с сыром да чаем запить. Я могу и сам все приготовить, но это нарушает вековые традиции. В русских семьях не принято самому готовить завтрак.

— Мотайте на ус, мон ами! — закивал Прибалт.

— Традиции — великая вещь! — подхватил Кавказец. — В Осетии их тоже придерживаются. Уж лучше голодным остаться, чем нарушить уклад.

— Вы путаете кавказский уклад с русской традицией, — возразил Прибалт.

— Ну, ты-то откуда знаешь?

— Я все знаю, — снова отхлебнул пива сын лесов и морей. — А вы только и умеете за столом кулаки сжимать!

— Помолчи! — обиделся Кавказец. — В Осетии застолье — величайший институт уважения и достоинства. Приезжай, собственными глазами увидишь.

— Да как же вы не понимаете! — вспыхнул Прибалт. — Ваше уважение и достоинство не сравнится с любовью, с какой горничная Лукерья намазывает хлеб маслом для младшего члена семьи! Я призываю вас описать именно это чувство, если у вас вообще есть талант!

Кавказец помолчал немного и выдал:

— Талант писателя — в способности обгонять время. — Он подождал реакции, выразившейся в том, как присвистнул Прибалт, и закончил: — Иначе грош ему цена! Я убедился в этом, перечитывая письма отца матери. Нигде больше не чувствовал подобной нежности, которая и есть суть эпистолярия.

— Туманно как-то, — заметил Прибалт. — При чем тут эпистолярий?

— Ты же сам талдычишь про любовь, без которой не может быть никакого таланта.

— Матереете, батенька! — усмехнулся Прибалт. — Но довольно о талантах. Нынче шабат, грех говорить о работе, надо думать о Яхве!

— Пошел ты со своим Яхве! А я напишу нынче вечером. Мне пришло в голову описать поход пионеров в мавзолей.

— Да-да, непременно. Только не забудьте упомянуть, как их постиг ливень, как они укрылись в мавзолее и увидели там много интересного.

— Что же они там увидели? — поинтересовался Борзой.

Прибалт перекосясь, будто ему вступило в бок, и сказал:

— Ну, например, как дедушка Ленин шевелит бровями, почесывая желтыми увядшими пальцами бок, а пионервожатая со следами депиляции над верхней губой говорит тихим голосом: «Вот, ребятки, глядите, как чешется наш великий вождь!»

Кавказец усмехнулся и подхватил:

— И принимает к нему пахнущим весенним дождем телом.

Словно бы не слыша его, Прибалт продолжил:

— «На моем чертовом одре всем хватит места», — хитро сощурив глаз, шамкает Ильич и притягивает к себе пионервожатую Ольгу Терентьевну Брызгину.

— И та, не оборачиваясь, говорит с придыханием: «Отвернитесь-ка, детки, мне нужно кое-что сообщить Владимиру Ильичу», — и когда те отворачиваются, прижимается к Ленину отвердевшими сосками.

— Вы что, обалдели? — выпалил Борзой.

— И вождь испытывает неземную радость, — резюмирует Прибалт.

— А дети, дрожа то ли от страха, то ли от холода, вынуждены возвращаться домой одни.

— Прекратите немедленно! — оттолкнул от себя граненую рюмку Борзой.

Прибалту не терпелось развить тему, но, видя, как тяжело дышит подопечный, осекся.

— Н-да! — сказал он. — Дай нам волю, так мы святых смешаем с дерьмом.

— Я тут перечитывал Булгакова, — заметил Кавказец, — и, вместо того чтобы наслаждаться прозой, стал мысленно ее править. В конце концов поймал себя на том, что, может, он и не такой хороший писатель?

— Все хорошие писатели на самом деле не очень хорошие писатели. У того же Виктора Гюго композиция и тема внутри главы корешатся, колдыбятся, как верстовые столбы, мешают восприятию. То ли дело Вудхаус, Честертон, Лесков или Щедрин. Но их никто всерьез не воспринимает, потому что они эссеисты, сатирики, сказочники, на месте убивают читателя своим филигранным пером.

— Разумеется, — кивнул Кавказец, — и у Булгакова, и у Гюго было много чего сказать, потому их и читают. Но куда же смотрели редакторы!

— Caveant consules! — поднял желтый от никотина указательный палец Прибалт. — У нас тоже вроде есть что сказать, но не вполне ясно, как это сделать, скорее мы полагаемся на чутье. А чутье для писателя — дурной советчик. Когда пишешь о Москве, сложно свернуть с накатанного пути. Ладно, нет пока сверхзадачи, но мы могли бы хоть догадываться о ней, а не юродствовать.

— Наверное, ты прав, — продолжал кивать Кавказец, — но хороший писатель предполагает хорошую школу, как марафонец. Без тренировки он просто загнется на полпути. Толстой или тот же Шекспир никогда не позволяли себе писать «сидя спиной к столу», они были вытянуты в струну на всей дистанции, поэтому не допускали глупых ошибок.

— О-о, как много вы читали. И Толстого, и Шекспира, и Вудхауса с Честертоном! — с плохо скрываемым ехидством произнес Борзой.

Прибалт достал из нагрудного кармана не первой свежести платок и высморкался.

— Мы пока не подтянули струны, — сказал он, разглядывая козулю в углу носового платка. — Когда играет гитара, я просто слеую за ней, прислушиваясь.

— Однако специально настраивать себя на «глаголение» не след. Лично я всегда пишу, получая удовольствие от процесса! — воскликнул Кавказец, и непонятно было, валяет он дурака или говорит всерьез.

— Ну что за вздор вы несете? — заметил Борзой. — Творчество — интимный процесс, как занятие любовью.

— Помолчи, подопытный детеныш! — оборвал его Прибалт и, обращаясь к Кавказцу: — А ты пеши давай, не увиливай, прикрываясь «глаголением».

Кавказец скривил рот, преодолевая отвращение от вида зеленоватой козули, и протянул брезгливо:

— Да-а-а! Раньше это наряду с ковырянием в заднице называлось психоанализом.

— Темнота! — хихикнул Прибалт. — При чем тут психоанализ? Психологическая проза давно не удовлетворяет возросших потребностей этих... как их... — он повторно высморкался, аккуратно сложил платок и, убрав его в карман, пожаловался проходящей мимо официантке в белоснежном переднике: — Что это за зараза на меня нашла, Матка Боска!

Кавказец ощутил позывы к рвоте и вскочил, пытаясь вычислить, какая из дверей возле стойки бара сортирная, но тут ему пришло в голову, что душа его противится даже непродолжительной разлуке с антуражем вечности, и опустился обратно на стул.

— Меня сейчас вырвет! — прикрыл он рот ладонью.

— Действительно! — сказал Борзой. — Вы, Прибалт, ведете себя просто отвратительно!

Прибалт закурил.

— Перед посещением туалета вы, мон ами, обязаны провозгласить свой метод писания. Не в пример, конечно, автору «Заката Европы» Освальду Шпенглеру.

— Какой еще метод! — процедил сквозь плотно прижатые к губам пальцы Кавказец. — Просто сажусь и пишу.

— Это понятно, — стряхнул пепел Прибалт. — Но ведь существует заем между страстью замысла и воплощением его на... лэптопе. Ты же не саблей пишешь?

Кавказец оторвал наконец ладонь от лица и, все еще чувствуя тошноту, произнес:

— Вопрос не праздный, но это зависит не от нас. Много позже, когда нас не станет, благодарные читатели сами определят, чем мы ковыряли у них в душе.

— Чем это тут запахло? — вскинулся вдруг Прибалт и, как служебная овчарка, повел носом вдоль стеклянных витрин кафе.

Потом сел на место и затянулся сигаретой. — Я же тебя ка-анкретно спрашиваю — каким заветам ты следуешь, выкладывая заду-манное на бумагу? Или все сам пишешь?

— Нет, — ответил Кавказец, — по наущению Господа! Не веришь? Да ты погляди любую мою фразу, ну хотя бы вот эту — «Мир скукожился как банановый слизняк, и сыплющиеся звезды поблескивали, что перхоть парализованного дедушки Кудзи, когда он пытался достать губами до пропитанной кахетинским вином губки».

— Херня какая-то! — выпустил дым из ноздрей Прибалт, и стало видно, что он захмелел. — Что-то меня никто не наущает. Может, недостойн? Но раз Господь наущает, то взял бы да и написал про Борзого.

— Про Борзого, про Борзого! — передразнил его Кавказец. — А разве Борзой не племянник Господа нашего Бога, а? Ты думаешь, он выполз сплутрени из пропахшего бомжедуревыми парами подвала? Нет, братец, он был подослан нам самим Богом. И прошу не забывать об этом!

— Полегче на поворотах! — примирительным тоном произнес Прибалт. — Подослан, значит, подослан! — и, выпростав из дерматинового кресла тощий зад, принялся раскланиваться перед списцем. — Респект, понас. Все-таки это неплохое кафе и тут совсем недурно готовят!

Все это время Борзой переводил взгляд с одного спорщика на другого, периодически ухмыляясь, но, заметив, что их перепалка подходит к концу, предложил выпить мировую. Те охотно согласились, и тогда он разлил по полрюмки водки и чокнулся с ними. Прибалт потянулся к миске с арахисом, извлек один и, сунув его в гущу бороды, учтиво обратился к Борзому:

— Я хорошо помню, как вы, лязгая зубами, рассказывали мне по телефону, что после кутузки направились в Марьину Рошу по Каланчевской улице, затем свернули в Протопоповский переулок, бывший Безбожный, пересекли проспект Мира и вышли на улицу Гиляровского, по которой дотопали до Суцевского Вала, а оттуда на Шереметьевскую.

— Да, — растерялся Борзой. — Но это случилось после того, как я посетил редакцию одной газеты.

— Какой еще газеты? Вы что, и статьи пописываете? — спросил Кавказец.

— Имею некоторый опыт, — замялся Борзой.

— Про что статьи-то?

— Про искусство.

— Про иску-у-усство? — Кавказец повернулся к Прибалту, жующему орех, отчего борода его шевелилась, как заячий холодок, и воскликнул: — Он пишет статьи для газет!

— А тебе-то что! — сказал Прибалт. — Пушай пишет, ежели за это платят.

— Платят не ахти, я это делаю скорее для души.

— Для души! — хмыкнул Кавказец. — А знаете ли вы, сударь, что искусство принадлежит народу?

Борзой пропустил затасканную фразу мимо ушей, отодвинул пустую тарелку и закурил:

— У меня было достаточно времени, чтобы поразмышлять о происшедшем, — сказал он, выпуская дым. — Наверное, в этом можно усмотреть некую закономерность. Сначала, дабы не оскорбить известного ученого, я поперся на конференцию в Казань и выступил там с докладом. Причем тональность моего сообщения, обусловленная искренним желанием улучшить демографическую ситуацию в стране, вызвала смех даже у Лисицы.

— А он что, читал твой доклад? — в один голос поинтересовались Прибалт с Кавказцем.

— Да, читал. Не уверен, правда, что до конца. Но иронии его хватило для того, чтобы у меня раскрылись глаза. Ужас, ужас!

— Н-да! — произнес Кавказец. — Начальник-то отделения не дурак.

— Дураков там не держат. Другое дело, методы работы у них странные.

— Что вы имеете в виду? — подсунул ему пепельницу Прибалт.

— Он пытался меня завербовать, и если бы я не грохнулся в обморок, то подписал бы все бумаги.

— Да ладно! — округлил глаза Кавказец.

— То, что я провел ночь в обезьяннике, — лучшее наказание за мою глупость. Поэтому трудно переоценить помощь господина Афанасьева. Разумеется, я не останусь в долгу перед ним.

— Поясните, пожалуйста, вашу мысль, — попросил Прибалт.

— Он наверняка потребует ответных услуг. И я не знаю, хватит ли у меня сил и умения быть ему полезным.

— Да уж, — кивнул Кавказец, — одной бутылкой коньяка тут не отделаешься.

Окончание следует.

Кудзаг ДЗЕСОВ

БИРÆКРАТ

РАССКАЗ

ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО Б. ГУСАЛОВА

Кудзаг Дзесов (справа) с Касаем Дулаевым в селении Лац
Куртатинского ущелья

С большой долей вероятности можно утверждать, что беда эта случилась по прямой вине овода. Да, да! Короче, телка Тего паслась себе на выгоне у края аула. Паслась, ничего не опасаясь, и коротким своим хвостом лупила назойливых слепней. Ни один из них не смел к ней приблизиться, и как же ей было не быть благодарной за это хвосту!

Но тут откуда ни возьмись принеся этот нечестивый овод и вонзил свое жало меж ее лопаток. Телка вся содрогнулась. Ни хвостом хваленым, ни мордой не могла дотянуться до этого жадного кровопийцы. И тогда она ловчее зайца перемахнула через нагромождение камней ограды и оказалась на ржаном поле Дзодза.

Овод благополучно улетел, телка тоже спаслась от его напасти. Но тут... хозяин нивы Дзодза увидел затоптанное свое жито. Он незаметно подкрался к скотинке и толстой оглоблей нанес ей такой страшной силы удар, что сломал ей хребет. Бедная телочка грохнулась оземь и осталась лежать замертво.

Когда к вечеру Тего обнаружил ее в таком состоянии, он пришел в неописуемую ярость. Взвалив тушу телки на плечи, принес ее к порогу сакли Дзодза и свалил там. Свалил, значит, и давай отборным солено-наперченным словом поминать живых и мертвых своего обидчика, не забыл даже тех, кто из дзодзаевского рода в эту самую минуту начал снаряжаться в свой последний путь. Когда у Тего вконец иссякли все его проклятья, он сказал Дзодза:

— Забил мою телку до смерти? Забил. Вот и возмещай убыток!

С тем и ушел, а Дзодза взял и прирезал телку, скормил полудохлятину своей семье.

Дни низывались друг на друга, складывались в недели и месяцы, однако у Дзодза все никак не возникало желания уладить

дело полюбовно, миром. Тего засылал к нему одного за другим самых авторитетных мужчин аула, но те в ответ ему от Дзодза принесли неизменное:

— Пусть подаст на меня слезную жалобу.

А в планы Тего совсем не входило жаловаться — он про себя так рассудил: «Если я в эту страдную пору затею с ним тяжбу, то обреку свою семью на верную погибель от голода. Лучше уж я пораскину мозгами и до чего-нибудь существенного додумекаю».

Но вскоре на Тего обрушилось еще одно несчастье, которое сильно ускорило ход событий. Короче, одна из двух его коров сорвалась в пропасть сразу после того, как завершилась опись скота в личных подворьях. И когда его, несмотря ни на что, все же обложили налогом на две коровы, он, ясное дело, вознегодовал. Явился, огнедышащий, в сельский совет, но там ему стали втолковывать, что не могут ему ничем помочь, а за погибшую корову он должен был выплатить не только денежный налог, но и принести дань в виде топленого масла и сычужного сыра, плюс ко всему этому какой-то полуграмотный и мшистосердечный канцелярист хлебную ниву Тего площадью в четыре дня пахоты быками записал как целых четыре гектара, а семь покосных клиньев его луга обернул семью гектарами.

Как же тут было не взвыть ему! Вот тогда-то он и решил присокупить к своим жалобам на такую оголтелую несправедливость челобитную на Дзодза. И стал выпытывать у главы сельсовета:

— И сколько же у меня на самом деле пахотной земли?

— Я-то прекрасно знаю, но ту цифирь, что нам спускают сверху... точнее, присылают снизу, с долины власти, мы никак, ну никак не вправе изменить...

— А ты скажи, скажи мне вслух, сколько все-таки у меня землицы?

— На четыре дня пахоты.

— А я с какой стати обязан платить за четыре га? А? И корова моя — ты же сам свидетель тому! — стала добычей черных ворон. Разве она после этого еще способна давать молоко на масло и сыр?! А та единственная корова, которая осталась у меня, тоже яловая. Я-ло-ва-я! Сухостойная. Ну что ты мне прикажешь делать и как мне быть, а? Если в моем доме найдется не то чтобы шесть пудов сыра, а хотя бы шесть джиранка¹, то пусть они понадобятся на поминки лучшего из моей семьи. В противном же случае пусть на том свете перед мертвецами того, кто задавливает меня таким налогом, стоит шестипудовый свежий кизяк!

Глава сельсовета сказал ему:

¹ Джиранка — старинная мера веса, равная фунту.

— Тего, проклятиями ничего не решается. Сколько мне предписано собрать налогов, столько я и должен собрать с нашего ущелья. Иначе мне из собственного кармана придется все восполнять. А ведь и у меня, как ты знаешь, в кармане вошь на аркане. Ты, Тего, неси свои жалобы в район.

Оспорить налог ему посоветовали в финансовом отделе, а по поводу телки он подал жалобу в нарсуд. И стал челночить между районом и сельским советом, да все без толку. Однако надежда не хотела умирать даже последней. Когда нарсуд прислал повестки как истцу, так и ответчику, то Дзодза наплевал на нее, и суд первый раз отложили по причине его неявки. А потом Тего подвели свидетели с его же стороны, тоже проигнорировавшие вызов суда. Но вот он наконец состоялся и принял соломоново решение: пусть Тего сперва выплатит Дзодза стоимость потравы, а тот потом возместит Тего потерю телки.

Но это решение оказалось не совсем соломоновым, ибо, согласно составленному сельсоветом акту, потраву оценили в значительно большую сумму, чем телку. Тего в сердцах сказал торжествующему Дзодза:

— Для тебя слово — пустой звук, но ведь черный ишак — не белый ягненок! И пусть в дни разговения мои мертвецы восседают за столом с ослятиной, если я сдам назад и не дойду до самого Калинина!

— Пусть восседают! — с улыбкой сказал Дзодза, и пока на том два супостата разошлись восвояси.

* * *

И тут Тего крупно повезло: один из работников района оказался их односельчанином. Ударил перед ним челом Тего и изложил суть жалоб своих. Не преминул прозрачно намекнуть, что в долгу не останется, если тот подсобит ему в его борьбе за поруганную справедливость. Односельчанин взял на себя жалобу по поводу телки, а насчет налогов сказал:

— Иди прямо в областной центр. Как раз мой давнишний друг сидит на том самом месте, где занимаются налогообложениями. Тебе стоит лишь заикнуться о своем деле, как он тут же уладит все наилучшим образом. Но только имей в виду, что...

Тего не дал ему договорить, нетерпеливо спросил:

— А звать-то его как, звать?

— Скажу, скажу, непременно скажу тебе! Только ты сначала убедись, что перед тобой именно он, мой закадычный приятель...

- Имя ему как, имя?
- А имя ему Бюрократ!
- Бирæкрат?²
- Да, да — точно!
- А с виду, с виду-то каков он?
- По внешнему виду его трудно признать, потому что у него то один облик, то, совсем наоборот, другое обличье. Ты его, скорее всего, найдешь по имени. Но еще раз заклинаю тебя: пока он сам не подтвердит тебе, что именно он и есть тот самый Бюрократ, ты о своих хлопотах ни-ни!
- Написал бы ты ему бумажку для верности, а?
- В ней нет нужды, тебе лишь следует крепко-накрепко запомнить его имя, пусть даже на осетинский лад.

* * *

Язык, говорят, и до дома колдуньи доводит. И Тего тоже отыскал то искомое учреждение, где рассматривают жалобы по налогам. Он поднялся по крутой лестнице на второй этаж и только намерился войти в одну дверь, как оттуда выскочил какой-то взлохмаченный парень. В руках он держал замусоленную амбарную книгу каких-то записей. Заметив на себе испытующий взгляд Тего, он приостановился.

— Не прими за невежливость, но случаем Бирæкрат не ты будешь? — несмело поинтересовался Тего.

— Ой, нашел бюрократа! Вон ноги по самое колено стер, бегая выполнять то одно поручение, то третье. А ты — бюрократ...

Парень вприпрыжку стал спускаться по лестнице. Тего громко взмолился:

— Будь добр, хоть подскажи, как его найти-то?

— Не в ту, а в первую дверь рядом, он сидит там справа от входа, — парень прыснул и выскочил на улицу.

«Чудной какой-то, смешинок объелся», — подумал о нем Тего и переступил порог указанного кабинета. Внимательно посмотрел на человека, вправду сидящего справа от входа. Тот с большим тщанием ковырялся в носу. Тего вежливо подождал, надеясь, что на него вот-вот обратят внимание. Да не тут-то было. И тогда Тего решил прервать столь большое, государственной важности занятие того:

— Прости великодушно, милый человек, но кто из вас тут Бирæкрат?

² Бирæ (осет.) — много; имя образовано по созвучию.

— Кто, говоришь, кто?

— Говорю, Бирэкрат. Который, сказали мне, сидит здесь...

У хозяина носа-рудника реакция оказалась заторможенной: он обстоятельно оглядел Тего и, убедившись, что у того и в мыслях нет намерения шутить, украдкой показал ему на сидящего напротив молодого, но уже поспешившего отпустить бороду парня. А тому также не до посетителей было — с чрезвычайной занятостью он щелкал на счетах, поминутно заглядывая в лежащие перед ним бумаги. Видимо, у него не сходились итоговые цифры, и потому он вновь и вновь подбивал баланс.

Тего вплотную подошел к нему и почтительно, чуть ли не ласково приветствовал его:

— Да будут дни твои и впредь такими же добрыми, Бирэкрат!

— Что?! Как ты сказал?! — бородач поднял на Тего большие удивленные глаза.

— Ничего такого обидного не сказал, всего лишь поздоровался...

— А что за имя такое, которым ты меня обозвал?

— О боже ж ты мой! Твоим же собственным именем и нарек тебя — Бирэкрат.

— Как ты смеешь обзывать меня бюрократом?! Как ты вообще осмеливаешься со мной так разговаривать?! — парень вскинулся, как ужаленный слепнем, схватил себя за бороду.

«Белены, что ли, объелся — чем его я так обидел?» — недоумевал Тего и решительней сказал:

— Если Бирэкрат не ты, то так и скажи, нечего танцевать как на горячих углях! Как мне указали прямоком на тебя, так точно я и спросил. И не старайся нагнать на меня страху своей бородой: если бы она, борода, была творцом мужчин, то мой хромой козел давно бы ходил в твоих начальниках!

Обладатель бороды открыл было рот, но тут появился парень, которого первым встретил Тего, и что-то полупшепотом сказал бородачу, тот мгновенно преобразился:

— Тебе по ошибке указали на меня: разыскиваемый тобой человек как раз сегодня переведен в соседний кабинет. Иди к нему, он там слева в уголочке сидит...

Тего застал там двух сельских жителей, тоже жалующихся на что-то. Сидящий слева в уголке Бирэкрат, не поднимая головы, отвечал им обрывочными фразами: «Нет, нет! У меня нет такого права». Или: «А это уже не моего ума дело!»

Один из мужчин зло ударил об пол бумаги, которые до тех пор цепко держал в руке, и заорал:

— Что ж ты распластался на этом месте, раз ни в чем ни бель-меса не кумекаешь?!

И чуть ли не бегом вышел вон. Товарищ его понуро побрел за ним. Хозяин стола был настолько разъярен, что, казалось, он готов искрошить горы в щебень. Тего, помня о прежних своих осечках, спросил его с подкупающей невинной улыбкой:

— Это... Случаем, не ты это... Не тебя ли, уважаемый мой брат, зовут Бирæкратом?

— Пошли вы все скопом к черту! — взревел тот и схватил со стола увесистое пресс-папье.

Тего в испуге отпрянул, для пущей безопасности встал около другого обитателя кабинета, сидящего на противоположной стороне.

— Что ты ему такое сказал, с чего это он так взбесился?

— Да ничего особенного, просто-напросто спросил, не он ли, мол, тот, кого кличут по имени Бирæкрат...

— Понятно, — вздохнул тот многозначительно и, терпеливо выслушав рассказ Тего о его злоключениях, сказал с ехидной улыбкой на тонких губах: — Если бы ты обратился ко мне сразу, я бы свел тебя лицом к лицу с загадочным дружкой твоего односельчанина. Впрочем, он должен появиться с минуты на минуту...

И — точно: в рывком отворенную дверь решительно шагнул мужчина очень серьезного вида. Оба работника мигом уткнулись в лежащие перед ними бумаги.

А вошедший важно проследовал в смежный кабинет.

— Видел, какой он весь из себя угу-гу! Он и есть твой благодетель. Иди к нему, иди, не медли, а то его опять вызовут наверх по какому-нибудь неотложному делу...

Тего на этот раз переменял тактику — начал издалека:

— Молю тебя, о чем бы я ни спрашивал тебя, ты не злись на меня раньше, чем пройдет полчаса!

Начальник смотрел на него с нескрываемым любопытством.

— Выкладывай, я очень внимательно слушаю тебя, мой довольно странный гость...

— Тогда перво-наперво прямо ответь мне: это ты и есть Бирæкрат или снова я дал маху?

— Не нахожу, что и ответить... Если я настолько кажусь тебе похожим на бюрократа, то уж сам и определяй, кто я есть.

— Похож — не похож... Говорят, по схожести ненароком человека убили. Нет, нет, ты мне без оговорок признайся: ты — это он, или ты — вовсе не он? Не Бирæкрат?

— Ну и попал же я в переплет с тобой! Недавно минул год, как я здесь работаю, и пока никто меня этим именем не окликал.

— Выходит, и ты тоже не Бирэкрат?

— Выходит, значит, так.

Кровь ударила в голову Тего, лицо его пошло багровыми пятнами: «Смотри-ка ты на них, а! Как они всласть издеваются над бедным темным человеком!..»

Тот примирительно сказал:

— Ладно, ну хорошо, допустим, что я являюсь самым что ни на есть всамделишным бюрократом. И с какой же целью ты его разыскиваешь?

— Ради всех святых гор и равнин, у вас здесь что — рабочее место или сборище сумасшедших? Чего заволакивать все дымом? Раз ты Бирэкрат, то так и скажи, не ворованное же у тебя имя...

— Ты садись, садись и спокойно выложи, что за нужда привела тебя к нам.

Тего послушно опустил на стул и повел обстоятельный рассказ о всех перипетиях в своей судьбе. Но ему не удалось завершить свое повествование: хозяин кабинета неожиданно взорвался громовым хохотом. И никак не мог успокоиться и, схватившись за живот, согнулся в три погибели. Тут в комнату гурьбой ввалились другие сотрудники отдела и, поняв, в чем дело, тоже стали хохотать без удержу. А Тего, кажется, готов был вот-вот с кулаками наброситься на них.

— Ради бога, говоря твоими же словами, ты раньше чем через полчаса не вскипай — я улажу твое дело как нельзя лучше!..

«Тогда хоть все лопайтесь со смеху, лишь бы воскресла моя правда», — подумал Тего.

Те утолили свою жажду смеха, ибо человеку надоедает и веселье. А мнимый Бирэкрат сдержал-таки слово: гектары пахотной земли и луга стали сотками, и спор с Дзодза тоже решился в пользу Тего.

И если кто теперь интересуется у него, как бы повыигрышнее подать жалобу, Тего с видом испытанного в неравных боях за правду-матку наставляет:

— В любом учреждении первым долгом надо вычислить того, кто из них Бирэкрат — он везде и всюду самый главный. Но смертная мука состоит в том, что не так-то легко его отыскать, он замаскирован тщательнейшим образом.

1935 год

Ахсар ТУАЛЛАГОВ

«РАССКАЗЫ, КЛЕВЕЩУЩИЕ НА ВКП(б) И СОВВЛАСТЬ...»

<p>УСФСР ЦЕГАТ ИРЫСТОНЫ АССР-ы Сайраг тәрхондон</p>		<p>РСФСР Верховный суд СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР</p>
<p>Гор. Орджоникидзе, Некрасова, 6 № <u>4760</u> . <u>5</u> . <u>июль</u> 195<u>8</u>.</p>		
<p>СПРАВКА</p>		
<p>Выдана гр-ну ДАБСОВУ Кудаягу Габриеловичу, 1905 года рождения, уроженцу сел. Зарде, Северо-Осетинской Автономной области, проживающему в гор. Орджоникидзе - в том, что дело о нем, по которому он был осужден 23 февраля 1949 года быв. Особым совещанием при НКВД СССР, в ссылке на поселение, - проявлением прекращено по постановлению Президиума Верховного суда Северо-Осетинской АССР от 3 июня 1958 года и он признан реабилитированным.</p> <p>До ареста по данному делу, Дабсов К. Г. проживал в гор. Орджоникидзе и работал бухгалтером редакцией журнала "МАХ-ДУГ". Арестован он был 28 октября 1948 года.</p>		
	<p>Председатель Верховного суда СО АССР <i>П. Дзиджаханов</i> /П. ДЗИДЖАХАНОВ/</p>	

Сын бедного крестьянина Кудзаг Дзесов, родившийся в 1905 году, рано обнаружил литературное дарование и в 1926 году был направлен Северо-Осетинским обкомом ВКП(б) на учебу в Московский государственный институт журналистики. Это было время бушующих политических страстей и общепартийной дискуссии.

Будущий писатель из Осетии изучает не только «принципиальную партийную линию», он задумывается над идеями оппозиционеров, несколько раз посещает их нелегальные собрания и приходит к выводу, что разделяет некоторые их взгляды. Это не прошло незамеченным: студент Кудзаг Дзесов через два года учебы в Москве был откомандирован в распоряжение республиканской партийной организации Северной Осетии, где уже были свои оппозиционеры, и к тому же находящиеся под «колпаком» Владикавказского отдела ГПУ. Разумеется, заместитель редактора осетинской газеты, сочувствующий московским оппозиционерам, не мог не заинтересовать органы, и его... арестовали.

Дзесова обвинили в «активном участии в нелегальной антисоветской организации, в хранении с целью распространения нелегальной антисоветской литературы». Часть «вины» Дзесова была в том, что при обыске у него нашли ленинское письмо-завещание, записку о том, что он уплатил пять рублей в фонд помощи ссыльным оппозиционерам. К тому же он совершенно откровенно признался, что не разделяет линию партии по вопросу внутрпартийного режима и в отношении к кулаку. Так К. Г. Дзесов, заместитель

редактора газеты «Растдзинад», вместе с несколькими другими оппозиционерами был обвинен в «создании нелегальной фракционной организации, по характеру являющейся явно антисоветской». Видя столь крутой поворот в рассмотрении уголовных дел, некоторые обвиняемые «покаялись» и были освобождены.

Кудзаг Дзесов от покаяния отказался. А раз так, на основании меморандума, несвойственного процессуальному закону документа, он был выслан на три года в Среднюю Азию как убежденный троцкист.

Появление «меморандума» в деле Дзесова — неслучайный факт: для обвинительного приговора не было достаточных оснований. Во время следствия и заседания Контрольной комиссии обкома ВКП(б) он вел себя откровенно, искренне рассказывая о своих сомнениях, убеждениях и действиях. Ни в чем другом он не изобличался и не обвинялся. Очные ставки с ним не проводились — не было для этого оснований.

О том, является ли он убежденным троцкистом, в материалах дела не упоминается. Такая фальсификация сути материалов уголовного дела объясняется еще и тем, что решения внесудебных органов по уголовным делам стали выноситься не в соответствии с законом, а по указке следственных органов и других инстанций. Потому и появился в уголовном деле «меморандум», решивший судьбу Кудзага Габреловича Дзесова.

В Ташкент вместе с ним были отправлены многие оппозиционеры со всех концов страны, и они, естественно, общались между собой.

В конце 1929 года ссыльным было предложено подать в Центральную контрольную комиссию ВКП(б) декларацию о своем отказе от оппозиционных взглядов и осуждении фракционной деятельности — взамен на освобождение от ссылки и прекращение политического преследования. Группа ссыльных, в том числе и Дзесов, подали декларации... 3 января 1930 года дело К. Г. Дзесова было пересмотрено, и он, реабилитированный, свободный, возвращается во Владикавказ.

Следующий этап общественной жизни начинается на отделении осетинского языка и культуры Горского педагогического института. В 1932 году Дзесов как одаренный и перспективный научный работник зачисляется в аспирантуру Северо-Осетинского научно-исследовательского института, где отлично учится и продолжает свою литературную деятельность. В 1934 году его принимают в члены Союза писателей Северной Осетии, избирают делегатом I Всероссийского съезда советских писателей. Он награжда-

ется грамотами Северо-Осетинского областного исполнительного комитета, обкома ВКП(б) и облсовпрофа, а также научно-исследовательского института.

Казалось, все стало логично в жизни Кудзага Дзесова. Кто был способен видеть и ценить талант молодого писателя, ясно осознавал: началось восхождение еще одной звезды осетинской национальной культуры. Ему прочили блестящее будущее, но яркие личности притягивали внимание и НКВД тоже. Тем более там никогда не забывали о своих бывших «клиентах», неусыпно следили за ними и при малейшем проявлении неординарности возвращали их в ГУЛАГ. Вот и тогда, в августе 1936 года, начальник следственного отдела Управления госбезопасности НКВД СОАССР Шестаков без возбуждения уголовного дела выносит постановление об избрании меры пресечения, и Дзесов — снова под арестом. На этот раз блюститель закона «нашел», что беспартийный писатель и журналист Кудзаг Дзесов «после возвращения из ссылки не прерывал связи с контрреволюционным троцкистским подпольем, продолжал оставаться на позициях троцкизма и вел нелегальную контрреволюционную троцкистскую работу до последнего времени». А раз так, его арестовывают и вновь начинают по его делу следствие. Со всем этим согласен давно уже обогривший себя невинной кровью осетинской интеллигенции капитан госбезопасности Миркин. При обыске на квартире Дзесова (ул. Советов, 9, кв. 3) обнаруживают и изымают паспорт арестованного, его удостоверение члена Союза писателей, сотрудника газеты «Растдзинад», СОНИИ, книги, переписку, записки, литературные труды, ключи от кабинета.

Началась серия допросов. От Кудзага требуют «искренних показаний» о троцкистских убеждениях Коста Фарниона, Косирати, Дзамурзы Дзесова, Бено Колантадзе... Ради того, чтобы хоть как-то «уличить» писателя в его связях с группировкой Кулаевой (бывший прокурор области), НКВД продлил срок следствия по его делу.

Ничем не прикрытая грубая фальсификация — вот что такое причисление Дзесова к активным участникам контрреволюционного подполья и его участие в выдуманных «группировках» Косирати, Фарниона и других. Если бы такое подполье существовало, оно было бы ликвидировано как единая организация. Косирати и Фарнион были репрессированы каждый в отдельности по различным сфальсифицированным мотивам. Косирати, в частности, был расстрелян как «агент берлинской доцентуры», и в его архивном уголовном деле нет слова «троцкист», и нигде не упоминается

фамилия Дзесова. Более того, Косирати и Фарнион не допрашивались в отношении Кудзага Дзесова, а продление срока ведения следствия стало актуальным, так как даже сфальсифицировать какие-то мнимые доказательства вины Дзесова следователи не сумели, а воля обвиняемого была неодолимой.

Казалось, чистая совесть пленника бесила палачей, и чем он был выше нравственно, тем сильнее было их желание упрятать его в Сибири. Им нужны были хотя бы призрачные доказательства «враждебной антисоветской деятельности» писателя, и они «нашли» их. Неизвестно, случайно или с помощью кого-то из «доброжелателей», но на глаза следователя попались два коротких рассказа Кудзага Дзесова — «Бюрократ» и «Рапорт», опубликованных в югоосетинском журнале «Фидиуаг» в 1935 и 1936 годах. Не имея даже текста этих рассказов, оперуполномоченный Городниченко 8 сентября 1936 года вынес постановление о предъявлении обвинения К. Г. Дзесову о совершении преступления, предусмотренного ст. 58, пункт 10, то есть в проведении пропаганды или агитации, содержащих призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений.

Такое тяжкое обвинение необходимо было как-то и чем-то обосновать. Младший лейтенант Городниченко в своем постановлении о «вражеской деятельности» Кудзага Дзесова отмечает, что писатель «протасил контрреволюционные клеветнические установки на ВКП(б) и мероприятия советской власти» в упомянутых уже рассказах.

Автор этого постановления, конечно же, хорошо понимал, что игнорирование процессуальных законов и фальсификация материалов уголовных дел стали нормой, и действовал так, как хотел и как от него требовали. Но и Дзесов знал свою правоту и неизменно утверждал: «Виновным себя не признаю».

На очередном допросе следователь настойчиво требует от Дзесова признать, что его рассказы «Бюрократ» и «Рапорт» носят явно контрреволюционный троцкистский характер, «клеветают на ВКП(б), советскую власть и их мероприятия». Но в ответ: «Нет, не подтверждаю. Я не считаю их контрреволюционными и виновным себя в контрреволюционной троцкистской пропаганде в печати не признаю».

Следователь, не владевший осетинским языком и, естественно, незнакомый с содержанием этих рассказов, категорично утверждает, что они контрреволюционного содержания. Автор просил, чтобы приобщили к делу переводы его рассказов на рус-

ский язык, но истина не нужна была следователю, и просьба обвиняемого была проигнорирована.

Здесь я считаю нужным отметить, что правом оценки политической направленности и выявления противоправности вменяемого в вину документа обладает только следователь, а он голословно утверждает, что в рассказах Кудзага Дзесова «Рапорт» и «Бюрократ» «есть прямая контрреволюционная троцкистская клевета на большевистские колхозы, на большевистскую партию» и что автор, написав эти рассказы, «выполнил свою контрреволюционную троцкистскую задачу».

Трудно даже предположить, на основании чего пришел следователь к таким выводам, ведь даже простое одноразовое прочтение подстрочного перевода этих рассказов не оставляет никаких сомнений в их актуальности и сегодня, а 55 лет назад, когда бюрократическая система стала уверенно утверждаться в обществе, они были просто злободневны, и надо было только восхищаться смелостью и принципиальностью молодого автора.

Вероятно, именно в этих коротких рассказах Кудзаг Дзесов окончательно заявил о своей непримиримой позиции к любой лжи и несправедливости. Можно с уверенностью утверждать, что молодой, но прошедший ссылку писатель отчетливо предвидел печальные последствия бюрократизации жизни нашего общества и потому четко определил к ней свое отношение.

Велик соблазн воспроизвести полные тексты заключений, а также подстрочных переводов рассказов и заявление жены писателя Е. А. Абаевой, чтобы читатели имели представление об авторе, следователе и «рецензенте». Жена Кудзага Дзесова обратилась в особое совещание при НКВД СССР с письмом, в котором отметила, что фрагменты переводов рассказов мужа не могут дать полного и правильного представления о его творчестве. Упомянув и о других литературных трудах супруга, его переводческой деятельности, она попросила приобщить к уголовному делу Дзесова копию грамоты, выданной ему во время учебы в аспирантуре СевосНИИ, копию почетной грамоты, выданной ему как писателю в честь десятилетия автономии Северо-Осетинской автономной области за лучшие произведения (рассказы и очерки), печатавшиеся в периодической печати — газете «Растдзинад» и журнале «Мах дуг».

А теперь предлагаю читателям заключение-анализ рассказа «Бюрократ» Кудзага Дзесова. Стиль и орфография сохраняются:

«В рассказе "Бюрократ" автор Дзесов полностью вскрывает свое троцкистское нутро, забрасывая грязью и клеветой

советские учреждения снизу доверху, представляя советские учреждения в самом черном свете, выставя их как направленные против бедных крестьян.

Автор в своем рассказе "Бюрократ" рисует бедного крестьянина горца Тего, который жалуется на неправильное обложение его сельхозналогом. Не найдя разрешения своего дела в сельсовете, Тего отправляется в районные учреждения, где также не может добиться решения своего дела, не может добиться даже того, чтобы его выслушали. Здесь, в районе, он, однако, находит своего односельчанина, который после долгих уговоров направил его в областное учреждение к своему другу, имя которого будто бы Бюрократ.

Тего направляется в область и ищет в учреждении Бюрократа. Служащие направляют его друг к другу: "Не я, а вот он..."

Так Дзесов представляет всех советских работников сплошь бюрократами.

К. Дзесов выполнил в этом рассказе свою контрреволюционную задачу.

Нач. СЕВОС ОБЛ. ЛИТО (Козырев)».

А вот заключение-анализ другого рассказа — «Рапорт»:

«На всем протяжении рассказа автор старается протащить контрреволюционное троцкистское утверждение о бюрократичности партийного аппарата.

Руководителей парторганизации автор показывает как бездельников, бюрократов, осуществляющих руководство из кабинета мерами администрирования и запугивания.

По автору выходит, что низовые звенья парторганизации заняты составлением очковтирательских рапортов, а вышестоящие парторганизации этих отчетов только и ждут из карьеристических целей.

Рисуя секретаря парторганизации Бадтчери как карьериста, очковтирателя, ставшего на обманный путь, автор без стеснения приписывает этот путь обмана не только отдельным низовым организациям, но и районным, областным и вышестоящим организациям, создавая таким образом у читателя впечатление порочности большевистского руководства, порочности отдельных его представителей в лице низовых парторганизаций.

Дзесов К. порочит не только партию, но и трудовое колхозное крестьянство в лице его передовиков — председателей колхозов и бригадиров.

Здесь прямое обвинение в бездельничании, бюрократизме руководителя парторганизации...

... Судьба человека сравнивается автором в нашей стране с судьбой жучка, который не может выползти из чернильного круга. И эта клевета на советского человека, который считается самым ценным капиталом в мире (Сталин) и когда человек в нашей стране показывает чудеса на каждом участке нашей великой социалистической Родины.

И далее у автора идет рассуждение о необходимости перешагнуть роковую черту, которую надо расценить как призыв к решительным действиям против генеральной линии нашей партии, против советской власти».

И вот уже начальник облито Козырев делает вывод о том, что творчество Дзесова клеветает на большевистскую партию.

Судьбу Кудзага Габреловича окончательно решило бюро Северо-Осетинской партийной организации, обсудившее рассказы писателя и давшее им резко отрицательную оценку. Свое постановление бюро направило в Юго-Осетинский обком ВКП(б). В нем, в частности, было указано на публикации К. Дзесова в журнале «Фидиуаг» — «рассказы “Рапорт” и “Бюрократ” носят явно контрреволюционный троцкистский характер, клеветущий на ВКП(б), соввласть и их мероприятия». Было и предложение «поручить органам НКВД расследовать это обстоятельство и виновных лиц привлечь к ответственности».

Заочно, без всякой проверки материалов уголовного дела, особое совещание при народном комиссаре внутренних дел СССР 9 апреля 1937 года приговорило Кудзага Дзесова к лишению свободы сроком на пять лет. Узника должны были этапировать в исправительно-трудовой лагерь, но его заключили в печально известную Вологодскую тюрьму, где заключенные наказывались по всякому поводу и без повода... И никто не торопился исправлять эту «ошибку».

Не столько тяжелые тюремные условия, сколько несправедливое осуждение и клеймо «врага народа» мучили Кудзага Дзесова. Пытаясь восстановить справедливость, он писал заявления, в которых приводил бесспорные доказательства своей невиновности, подсказывал, где, когда и какая допущена судебная «ошибка» или фальсификация, но получал отказ в пересмотре решения особого совещания.

После двухлетнего пребывания в Вологодской тюрьме Кудзага Дзесов был этапирован в норильские лагеря, где находились

убийцы, воры и другие уголовные элементы. В начале Великой Отечественной войны Кудзаг Дзесов, отбыв срок наказания, официально был освобожден от дальнейшего пребывания в системе ГУЛАГа, но, хотя считался свободным человеком, ему было отказано в добровольном выезде на фронт. Писателя обязали заключить «трудовой договор», в силу которого он мог безвыездно проживать и работать только в Норильске и не менее трех лет. Так освобожденные заключенные и ссыльные становились «принудительно-договорными» узниками исправительно-трудовой системы ГУЛАГа.

По зову сердца трудились они, считая долгом выполнение производственных заданий. «Враги народа» ковали победу над опаснейшим врагом, спасали Родину. Среди них находился и дважды «враг народа» Кудзаг Дзесов, удостоенный «благодарности» самого генерального комиссара государственной безопасности Берии.

Закончилась война, но автор «Бюрократа» и «Рапорта» все еще находился в путях ГУЛАГа, там он получил и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В 1947 году он вернулся на родину, стал работать бухгалтером в журнале «Мах дуг».

В планах писателя были переводы на осетинский язык творений Пушкина, Катаева, Горбатова... Уже были заключены договоры с Госкомиздатом, как нагрянул новый арест — волей министра госбезопасности и прокурора СОАССР. На этот раз «поработал» майор Прибытков, «установивший», что Кудзаг Дзесов, «возвратившись в 1947 г. в Северную Осетию, установил связи с троцкистами и продолжает антисоветскую работу». Снова начались допросы, требования уточнить свои политические взгляды...

Не имея никаких доказательств вины Кудзага Дзесова, следствие в ноябре 1948 года предъявляет ему обвинение в том, что... в 1927–1929 годах он якобы входил в антисоветскую организацию, за что и был сослан, эта деятельность писателя «продолжалась и в ссылке, и после освобождения из мест заключения».

11 ноября 1948 года Кудзага Дзесова допрашивают с особым пристрастием, требуют рассказать о его знакомстве с осужденными в прошлом за троцкистскую деятельность, в том числе и о тех, с кем он не был знаком. Ничего преступного Дзесов и его знакомые не совершали, вот потому и не удалось никому победить волю допрашиваемого, заставить его пойти на самооговор и, более того, оклеветать невинных людей.

Допросы обвиняемого проводятся только после 12 часов ночи. На допросах ставится один и тот же вопрос: «Какую антисо-

ветскую деятельность вы проводили после 1929 года?» Вопрос повторялся. Повторялся и ответ: «Никакой антисоветской деятельности после 1929 года я не проводил... Весь последующий период, вплоть до настоящего ареста, я никакой антисоветской работы не проводил».

Не находя выхода из созданного ими же тупика, следователи утверждают, что обвиняемый говорит «неправду», и ссылаются на его прежние судимости. На голословные, ничем не аргументированные утверждения, что якобы «следствие располагает данными, что, возвратившись из ИТЛ в 1947 году, он в кругу своих знакомых выражал ненависть к советской власти, проводил антисоветскую агитацию», Кудзаг Дзесов отвечал: «Я это категорически отрицаю. Никаких преступлений я после прибытия из ИТЛ не совершил и дать какие-либо показания по этому поводу не могу».

21 января 1948 года в час ночи последний допрос Кудзага Дзесова закончился провалом для следствия. Три месяца ночных допросов не помогли следствию собрать хотя бы клеветнические доказательства вины необоснованно арестованного и обвиненного в преступлении человека. Однако вынести постановление о прекращении уголовного преследования и просить прощения у жертвы произвола у них было не принято. Утром следующего дня вместо составления документов об освобождении обвиняемого из-под ареста следователь допрашивает в качестве свидетеля Сергея Зурабовича Хугаева, осужденного в 1928 году и находившегося в ссылке вместе с Кудзагом Дзесовым. Хугаеву на допросе рассказали о судимостях Дзесова, напомнили о его с ним встречах и задали вопрос: «Какие антисоветские разговоры вел Дзесов при встречах с вами?» Ответ был прост: «Никаких антисоветских разговоров с моей и Дзесова стороны при этих встречах не было. Мы говорили о здоровье, о том, кто как живет, о материальной стороне. Словом, вели разговоры на личные и бытовые темы. На политические темы вообще разговоров не было».

Так лопнула надежда следователей найти лжесвидетелей среди бывших осужденных. Поиски их продолжались среди сослуживцев и собрались по перу. 24 января был допрошен в качестве свидетеля Григорий Дзамболатович Плиев. Допрос начался с выяснения обстоятельств его знакомства с Кудзагом Дзесовым и закончился вопросом: «Что вам известно о политических настроениях Дзесова?» И снова разочарование: «Что-либо отрицательного в политических настроениях Дзесова я никогда не замечал, никаких троцкистских убеждений Дзесов при мне также не высказывал».

ОРГКОМИТЕТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО

Протокол № 10 от _____ 18 - янв 1958 г.

СПЕЦИАЛИ: О восстановлении в правах члена Секза писателей СССР Дзесова Кудзага Габреловича

/Ходатайство Правления Секза писателей Северной Осетии и заявление Дзесова К.Г./

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Восстановить в правах члена Секза писателей СССР т. Дзесова Кудзага Габреловича с 1934 года
2. Поручить Всероссийскому отделению Литфонда СССР выплатить реабилитированному писателю Дзесову К.Г. зарплату за два месяца, исходя из установленного среднемесячного лимита 3.000 /трех тысяч/ рублей в месяц

Копия верна:

ПО С Л А Н О: Литфонд РСФСР, ОК СП СССР, Правление СП Северной Осетии, т. Дзесову К.Г.

г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР, ул. Маркуса, 4 кв. 57

Лит. - 122

Провал следствия был очевиден. Трижды «враг народа» мог не состояться, а такой скандал сказался бы на престиже могущественного ведомства. Нужна была передышка, и заместитель наркома республики продлевает срок ведения следствия, так как «на следствии Дзесов подтвердил свою прошлую троцкистскую деятельность, однако отрицает антисоветскую работу, проводимую им в последние годы».

Но в январе 1949 года было сфальсифицировано обвинительное заключение, в котором значится, что обвиняемый Дзесов является убежденным троцкистом, за что в прошлом дважды привлекался к уголовной ответственности. И писатель вновь сослан на поселение в Красноярский край, Туруханский район, Дудинский, Норильск... Здесь узнику был уготован рабский труд до самой середины 1954 года. Освободила Кудзага Дзесова и его товарищей по несчастью амнистия от 27 марта 1953 года.

...Снова возвращение на родину. Безрадостная жизнь под настороженными взглядами своих же сограждан. Кудзаг Габрелович пишет заявление на имя тогдашнего председателя СП СОАССР и просит его ответить, почему из номера журнала «Мах дуг» сняли

его рассказ «Евдадзы хос», который уже был прочитан автором в гранках. Молчание было красноречивей слов. Еще одно заявление — в прокуратуру республики с просьбой о реабилитации. «Оснований к пересмотру дела, по которому вы были осуждены в 1936 году, не усматриваем», — отвечает помощник прокурора СОАССР по спецделам Бондаренко.

...5 июня 1958 года Кудзагу Дзесову была вручена справка, в которой значилось, что дело, по которому он был осужден 23 февраля 1949 года Особым совещанием при НКГБ СССР к ссылке на поселение, производством прекращено по постановлению Президиума Верховного суда Северо-Осетинской АССР, и он признан реабилитированным.

Кудзаг Габрелович был удовлетворен: реабилитирован полностью за все три судимости. О том же говорило постановление бюро оргкомитета Союза писателей РСФСР, восстановившее Кудзага Дзесова в правах члена Союза писателей СССР.

Прошли годы. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению жертв репрессий, имевших место в 30–40-х и начале 50-х годов» решения Особого совещания при НКВД СССР и НКВД СОАССР 1928 и 1937 годов постановлениями прокурора СССР от 11 мая и 8 июня 1989 года были отменены. Кудзаг Габрелович Дзесов был полностью реабилитирован.

Газета «Северная Осетия». 1991. № 238. 29 ноября. С. 3

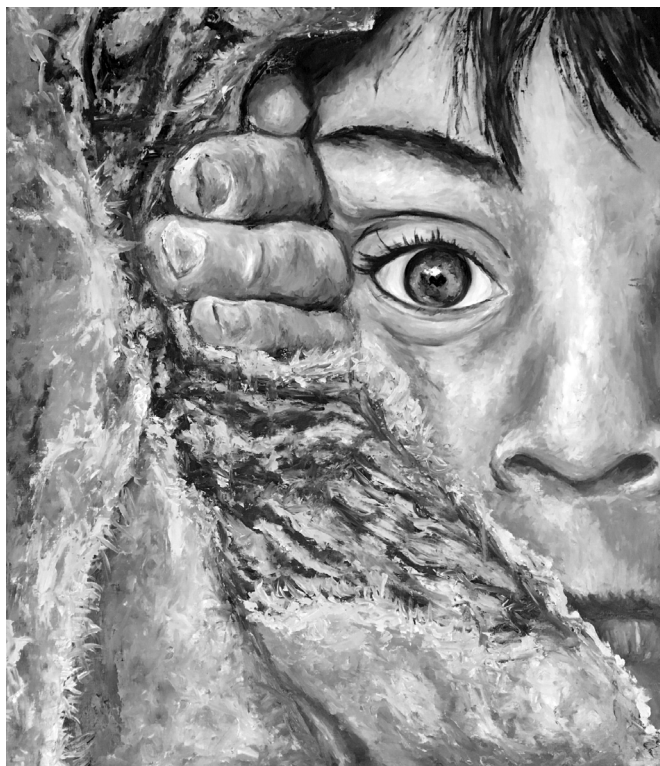

Ги де МОПАССАН

СТРАХ

РАССКАЗЫ

В оформлении использована картина Н. Маринич

РУКА¹

Все окружили судебного следователя, г-на Бермютье, излагавшего свое мнение о таинственном происшествии в Сен-Клу. Уже целый месяц это необъяснимое преступление волновало Париж. Никто ничего не понимал.

Г-н Бермютье стоял, прислонившись к камину, и говорил об этом деле, приводя одно за другим доказательства, обсуждая различные мнения, но не делая никаких выводов.

Несколько женщин поднялись с места и подошли ближе, не сводя взгляда с выбритых губ судебного чиновника, произносивших важные, веские слова. Дамы содрогались, трепетали от мучительного любопытства, страха и ненасытной потребности ужасного, которая владеет женской душой и терзает ее, как чувство голода.

Когда наступило минутное молчание, одна из слушательниц, самая бледная, произнесла:

— Это ужасно. Это граничит с чем-то сверхъестественным. Здесь никогда и ничего не узнают.

Судейский чиновник повернулся к ней:

— Да, сударыня, весьма вероятно, что никто ничего не узнает. Однако слово «сверхъестественное», которое вы употребили, тут совсем ни при чем. Мы столкнулись с преступлением, очень ловко задуманным, очень ловко приведенным в исполнение и так умело окутанным тайной, что мы не можем постигнуть загадочных обстоятельств, при которых оно совершилось. Но мне однажды пришлось вести такое дело, в которое как будто действительно

¹ Печатается по изданию: Мопассан Ги де. Рука: рассказ / пер. с фр. Н. Костовской // Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Ю. И. Данилина. М.: Огонек; Правда, 1958. Т. 4. С. 352–358.

замешалось что-то фантастическое. Это дело пришлось, впрочем, бросить из-за полной невозможности внести в него какую-либо ясность.

Несколько женщин произнесли одновременно и так быстро, что их голоса слились:

— Ах, расскажите нам об этом.

Г-н Бермютье важно улыбнулся, как подобает улыбаться судебному следователю, и продолжал:

— Не подумайте, однако, что я сам, хоть на минуту, мог предположить участие в этом деле чего-то сверхъестественного. Я верю только в реальные объяснения. Поэтому будет гораздо лучше, если мы вместо слова «сверхъестественное» употребим для обозначения того, что для нас непонятно, просто слово «необъяснимое». Во всяком случае, в деле, о котором я собираюсь вам рассказать, меня взволновали прежде всего побочные обстоятельства, обстоятельства подготовки преступления.

Вот как это произошло.

Я был тогда судебным следователем в Аяччо, маленьком белоснежном городке, дремлющем на берегу чудесного залива, у подножия высоких гор. Чаще всего мне приходилось там вести следствие по делам вендетты. Попадались замечательные дела, драматичные до последней степени, жестокие, героические. Мы встречаемся там с самыми поразительными случаями мести, какие только можно себе представить, с вековой ненавистью, по временам затихающей, но никогда не угасающей совершенно, с отвратительными хитростями, с убийствами, похожими то на бойню, то на подвиг. Целых два года я только и слышал, что о цене крови, об этом ужасном корсиканском предрассудке, заставляющем мстить за всякое оскорбление и самому виновнику, и всем его потомкам и близким. Я сталкивался с убийством стариков, детей, дальних родственников, и голова у меня была полна таких происшествий.

Однажды я узнал, что какой-то англичанин снял на несколько лет маленькую виллу, расположенную в глубине залива. Он привез с собою лакея-француза, наняв его по дороге, в Марселе.

Вскоре этот странный человек, который жил в полном одиночестве и выходил из дома только на охоту и на рыбную ловлю, привлек общее внимание.

Он ни с кем не разговаривал, никогда не показывался в городе и каждое утро час или два упражнялся в стрельбе из пистолета и из карабина.

Вокруг него создавались легенды. Говорили, что это какое-то высокопоставленное лицо, бежавшее со своей родины по политическим причинам, затем стали утверждать, что он скрывается, совершив страшное преступление.

Даже приводили ужасающие обстоятельства этого преступления.

По обязанности судебного следователя я счел нужным навести справки об этом человеке, но так ничего и не узнал. Он называл себя сэром Джоном Роуэллом.

Я ограничился поэтому тщательным наблюдением, но, по правде говоря, за ним не было замечено ничего подозрительного.

Однако, поскольку толки о нем не умолкали, а, наоборот, росли, ширились, я решил попробовать лично повидаться с иностранцем и для этого начал регулярно охотиться неподалеку от его владения.

Я долго ждал благоприятного случая. Он представился наконец, когда я подстрелил куропатку под самым носом у англичанина. Собака принесла мне дичь, но я тотчас же извинился за свою невежливость и попросил сэра Джона Роуэлла принять убитую птицу.

Это был очень высокий, широкоплечий человек, с рыжей шевелюрой и рыжей бородой, — нечто вроде смиренного и воспитанного Геркулеса. В нем совсем не было так называемой британской чопорности; за мою деликатность он горячо поблагодарил меня по-французски, но с сильным английским акцентом. В течение месяца мне случилось разговаривать с ним пять или шесть раз.

Как-то вечером, проходя мимо его виллы, я заметил, что он курит трубку в саду, сидя верхом на стуле. Я поклонился, и он пригласил меня зайти выпить стакан пива. Я не заставил себя просить.

Он принял меня с педантичной английской любезностью, расхваливал Францию и Корсику и заявил, что очень любит «этот страна и эта берег».

Тогда я чрезвычайно осторожно и с видом живейшего участия задал ему несколько вопросов о его жизни, о его намерениях. Он отвечал без всякого замешательства и сообщил, что много путешествовал по Африке, по Индии и Америке. Он добавил со смехом:

— У меня был много приключений. О, yes!

Затем я перевел разговор на охоту, и он поведал мне немало интереснейших подробностей об охоте на бегемота, на тигра, на слона и даже на гориллу. Я сказал:

— Какие это опасные животные!

Он улыбнулся.

— О, нет! Самый скверный животное это есть человек.

И он рассмеялся довольным смехом здоровяка-англичанина.

— Я много охотился на человек тоже.

Потом он заговорил об оружии и предложил зайти в дом посмотреть ружья разных систем.

Его гостиная была затянута черным шелком, расшитым золотом. Большие желтые цветы, разбросанные по черной материи, сверкали, как пламя.

Он объявил:

— Это есть японская материя.

Но тут мое внимание привлек странный предмет, висевший посередине самого большого панно. На квадрате красного бархата выделялось что-то темное. Я подошел ближе: это была рука, человеческая рука. Не рука скелета, белая и чистая, но черная, высохшая рука, с желтыми ногтями, с обнаженными мускулами и следами запекшейся крови, похожей на грязь, причем кости были обрублены посередине предплечья как бы ударом топора.

Вокруг запястья обвилась толстая железная цепь, заклепанная, запаянная на этой грязной руке, которую она приковала к стене с помощью кольца, достаточно прочного, чтобы удерживать даже слона.

Я спросил:

— Что это такое?

— Это был моя лучший враг. Он приехал из Америка. Рука был рассечен саблей, и его кожа сорван острым камнем, и он сушен на солнце один недель. А-о! Это есть очень хорошо для меня эта рука.

Я прикоснулся к этому обрубку человеческого тела, принадлежащему, должно быть, какому-то великану. Неимоверно длинные пальцы держались на огромных сухожилиях, и на них еще висели лоскутья кожи. На эту ободранную руку было страшно смотреть, и, естественно, она вызывала мысль о какой-то мести дикаря.

Я сказал:

— Этот человек был, наверное, очень силен.

Англичанин скромно ответил:

— А-о! Yes. Но я был более сильный, чем он. Я надел на него эта цепь, чтобы держать.

Я подумал, что он шутит, и сказал:

— Но теперь цепь не нужна, рука никуда не убежит.

Сэр Джон Роуэлл серьезно ответил:

— Она всегда хочет уходить. Эта цепь есть необходимая.

Я пристально взглянул на собеседника, спрашивая себя: «Что это — сумасшедший или зубоскал?» Но его лицо оставалось непроницаемо спокойным и любезным. Я заговорил о другом и начал расхваливать ружья.

Я заметил, однако, что на столе и на этажерке лежало три заряженных револьвера, точно этот человек жил в постоянном страхе, ожидая нападения.

Я заходил к нему еще несколько раз. Потом перестал бывать. Все привыкли к его присутствию и уже относились к нему с полнейшим равнодушием.

Прошел целый год. И вот однажды утром, в конце ноября, слуга разбудил меня и сообщил, что сэра Джона Роуэлла ночью убили. Через полчаса я уже входил в дом англичанина вместе с главным полицейским комиссаром и жандармским капитаном. Растерянный лакей в отчаянии плакал, сидя перед дверью. Сперва я заподозрил этого человека, но он был невиновен.

Преступника так и не удалось найти.

Войдя в гостиную сэра Джона, я сразу же увидел труп, лежавший на спине посреди комнаты.

Жилет был разодран, один рукав оторван совсем; все свидетельствовало, что тут происходила ужасная борьба.

Англичанина задушили! Его почерневшее, раздувшееся и страшное лицо выражало безмерный ужас, стиснутые зубы что-то сжимали, а шея, на которой виднелось пять небольших ран, как будто нанесенных железными остриями, была вся в крови.

Вскоре к нам присоединился врач. Он долго рассматривал отпечатки пальцев на теле и произнес странную фразу:

— Можно подумать, что его задушил скелет.

Дрожь пробежала у меня по спине, и я взглянул на стену, где когда-то видел ужасную руку с ободранной кожей. Ее там больше не было. Висела только разорванная цепь.

Тогда я наклонился над мертвецом и увидел в его сведенном рту один из пальцев этой исчезнувшей руки, который он отгрыз или, вернее, перепилил зубами как раз на втором суставе.

Затем началось следствие. Оно ничего не дало. Не были взломаны ни двери, ни окна, ни столы, ни шкафы. Обе сторожевые собаки не просыпались.

Вот в нескольких словах показания лакея.

В течение последнего месяца его хозяин казался взволнованным. Он получал много писем и сжигал их.

Часто он брал хлыст и в ярости, чуть ли не безумной, неистово бил им эту иссохшую руку, прикованную к стене и неизвестно как исчезнувшую в самый момент преступления.

Он ложился очень поздно и тщательно запирался. Оружие всегда было у него наготове. Нередко он громко разговаривал по ночам, словно с кем-то ссорился.

Но как раз в эту ночь у него в спальне не было никакого шума, и только утром, открывая окна, слуга нашел сэра Джона убитым. У него не было подозрений ни на кого.

Я сообщил судебским чиновникам и полиции то, что знал о покойном, и на всем острове произвели тщательные розыски. Однако ничего не нашли.

Но вот однажды ночью, месяца через три после преступления, у меня был страшный кошмар. Мне казалось, что я вижу эту ужасную руку, вижу, как она бежит по моим занавескам, по моим стенам, словно скорпион или паук. Три раза я просыпался, три раза засыпал снова, и три раза я видел, что этот отвратительный обрубок бежит в моей комнате, шевеля пальцами, как лапками.

На следующий день мне принесли эту руку, найденную на могиле сэра Джона Роуэлла, которого похоронили на кладбище в Аяччо, так как не могли разыскать его родственников. Указательного пальца на руке не хватало.

Вот, сударыни, и вся история. Больше я ничего не знаю.

Ошеломленные женщины были бледны и дрожали. Одна из них воскликнула:

— Но ведь это не развязка и не объяснение! Мы не будем спать, если вы нам не скажете, что же там, по вашему мнению, произошло.

Чиновник улыбнулся и сказал серьезно:

— О, сударыни, я могу только испортить ваши страшные видения. Я просто-напросто думаю, что законный владелец руки не умер, что он явился за нею и отнял ее единственной оставшейся у него рукой. Но как он это сделал, этого я не мог дознаться. Это своего рода вендетта.

Одна из женщин пробормотала:

— Нет, быть этого не может, тут что-нибудь не так.

А судебный следователь, улыбаясь, заключил:

— Я же говорил вам, что мое объяснение вас не удовлетворит.

СТРАХ²

Поезд мчался в темноте на всех парах.

В купе никого не было, кроме меня и старого господина, который сидел напротив и смотрел в окно. В этом вагоне поезда Париж — Лион — Марсель, прибывшем, вероятно, из Марселя, остро пахло карболкой.

Ночь стояла безлунная, душная, жаркая. Звезд не было видно, и мчащийся поезд обдавал нас горячим, влажным, тяжелым дыханием.

Уже три часа, как мы выехали из Парижа. Теперь мы проезжали по центральной части страны, ничего не видя кругом.

Вдруг перед нашими глазами мелькнули, точно фантастическое видение, два человека, стоявшие в лесу у большого костра.

Они вынырнули из темноты лишь на миг. Это были, как нам показалось, двое бродяг; костер бросал красноватый отблеск на их лохмотья. Они повернулись к нам бородатыми лицами. Вокруг, словно декорации в драме, высились деревья. Зелень была яркая и сочная, отчетливо выделялись стволы, освещенные пламенем; листва вся сквозила, пронизанная и как бы омытая светом.

Затем все снова погрузилось во мрак.

Поистине это была странная картина. Что делали в лесу эти бродяги? Зачем они развели костер в такую жаркую ночь?

Мой сосед поглядел на часы и сказал:

— Ровно полночь, сударь! Мы видели странное зрелище.

Я согласился, и мы разговорились, стараясь угадать, кто же были эти люди: преступники, уничтожавшие следы злодеяния, или знахари, готовившие волшебное зелье? Не зажигают же такой костер в лесу летом в полночь, чтобы сварить похлебку. Что же они делали?

Мой сосед оказался общительным. Это был старик, род занятий которого я никак не мог определить. Без сомнения, большой оригинал, человек очень образованный, но как будто со странностями.

² Печатается по изданию: Мопассан Ги де. Страх: рассказ / пер. с фр. В. Дмитриева // Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Ю. И. Данилина. М.: Огонек; Правда, 1958. Т. 10. С. 336–343.

Впрочем, разве скажешь, кто мудр, а кто безумен в этой жизни, где рассудок часто следовало бы назвать глупостью, а безумие — гениальностью?

Он заговорил:

— Я доволен, что увидел это. В течение нескольких минут я испытывал давно исчезнувшее ощущение.

Какой жуткой была, должно быть, земля в те времена, когда она хранила столько тайн!

По мере того как с неведомого срывают покровы, воображение людей истощается. Не находите ли вы, сударь, что ночь опустела и мрак стал довольно скучным с тех пор, как исчезли призраки?

Говорят: нет больше ничего фантастического, забыты суеверия, все необъяснимое стало объяснимым. Сверхъестественное иссыхает, как озеро, из которого отводят каналом воду; наука день за днем отодвигает границы чудесного.

Но я, милостивый государь, принадлежу к старому поколению, которому нравится верить. Я принадлежу к наивному старому поколению, к тому поколению, которое привыкло не понимать, не знать, не доискиваться причин; оно примирилось с тем, что его окружают тайны, и отвергает простые, ясные истины.

Да, сударь, наша фантазия оскудела с тех пор, как перестали верить в невидимое, теперь мир кажется нам покинутым, пустым и голым. Исчезли верования, делавшие его поэтичным.

Когда я выхожу ночью, мне так и хочется вздрогнуть от страха, от того жуткого страха, который заставляет старух, проходящих мимо кладбищенской ограды, креститься, а суеверных людей — убегать от причудливых болотных туманов и капризных блуждающих огней! Как мне хотелось бы верить во что-нибудь таинственное, устрашающее, что как будто проносятся во мраке...

Каким угрюмым, пугающим должен был казаться вечерний сумрак в те времена, когда его населяли выдуманные, неведомые существа, блуждающие, злобные, способные принять любой образ! Страх перед ними леденил сердце, их тайная власть выходила за пределы нашего разума, избежать их было невозможно.

Вместе со сверхъестественным с лица земли исчез и настоящий страх, ибо по-настоящему боишься лишь того, чего не понимаешь. Видимая опасность может взволновать, встревожить,

испугать. Но что это по сравнению с той дрожью ужаса, которая охватывает вас при мысли о встрече с блуждающим призраком, об объятиях мертвеца, о появлении одного из чудовищ, порожденных напуганной фантазией людей? Мрак кажется мне уже не таким темным с тех пор, как он стал пуст.

Вот вам доказательство: если бы мы сейчас очутились одни в этом лесу, то нас больше тревожила бы мысль об этих странных людях, только что виденных нами у костра, чем страх перед какой-нибудь реальной опасностью.

Он повторил:

— По-настоящему боишься только того, чего не понимаешь.

И вдруг я вспомнил историю, которую как-то в воскресенье у Гюстава Флобера рассказал нам Тургенев.

Не знаю, записана ли она им или нет.

Никто лучше великого русского писателя не умел пробудить в душе трепет перед неведомым, показать в причудливом таинственном рассказе целый мир пугающих, непонятных образов.

Он умел внушить нам безотчетный страх перед незримым, боязнь неизвестного, которое притаилось за стеной, за дверью, за видимой жизнью. Он озарял наше сознание внезапными проблемами света, отчего страх только возрастал.

Порою, слушая его, мы постигали смысл странных совпадений, неожиданных стечений обстоятельств, на вид случайных, но на самом деле руководимых какой-то скрытой, тайной волей. Общение с ним помогало найти незаметную нить, таинственным образом ведущую нас сквозь жизнь, как сквозь смутный сон, смысл которого все время ускользает от нас.

Он не вторгался смело в область сверхъестественного, как Эдгар По или Гофман, в его простых рассказах жуткое и непонятное сплетались в одно.

В тот день он тоже сказал: «Боишься по-настоящему лишь того, чего не понимаешь».

Он сидел или, скорее, лежал в глубоком кресле; руки его свисали, ноги были вытянуты; седые волосы и борода, струившаяся серебристым потоком, придавали ему вид бога-отца или овидиевского речного божества³.

³ Имеется в виду, вероятно, Ахелой, речной бог, упоминаемый в сборнике поэм древнеримского поэта Овидия «Метаморфозы» (кн. VIII, стихи 546–611).

Он говорил медленно, несколько лениво, — что сообщало его речи особую прелесть, — чуть-чуть запинаясь, как будто с трудом подбирая слова, но это только подчеркивало точность и красочность его выражений. Светлые, широко раскрытые глаза отражали, словно глаза ребенка, все движения его мысли.

Вот что он нам рассказал.

Будучи еще молодым, он как-то охотился в русском лесу. Он бродил весь день и к вечеру вышел на берег тихой речки.

Она струилась под сенью деревьев, вся заросшая травой, глубокая, холодная, чистая.

Охотника охватило непреодолимое желание окунуться в эту прозрачную воду. Раздевшись, он бросился в нее.

Он был высокого роста, силен, крепок и хорошо плавал.

Он спокойно отдался на волю течения, которое тихо его уносило. Травы и корни задевали тело, и легкое прикосновение стеблей было приятно.

Вдруг чья-то рука дотронулась до его плеча.

Он быстро обернулся и увидел страшное существо, которое разглядывало его с жадным любопытством.

Оно было похоже не то на женщину, не то на обезьяну. У него было широкое морщинистое гримасничающее и смеющееся лицо. Что-то неопишное — два каких-то мешка, очевидно, груди, болтались спереди; длинные спутанные волосы, порыжевшие от солнца, обрамляли лицо и развевались за спиной.

Тургенев почувствовал дикий страх, леденящий страх перед сверхъестественным.

Не раздумывая, не пытаясь понять, осмыслить, что это такое, он изо всех сил поплыл к берегу. Но чудовище плыло еще быстрее и с радостным визгом касалось его шеи, спины и ног. Наконец молодой человек, обезумевший от страха, добрался до берега и со всех ног пустился бежать по лесу, бросив одежду и ружье.

Страшное существо последовало за ним; оно бежало так же быстро и по-прежнему взвизгивало.

Обессиленный беглец — ноги у него подкашивались от ужаса — уже готов был свалиться, когда прибежал вооруженный кнутом мальчик, пасший стадо коз. Он стал хлестать отвратительного человекоподобного зверя, который пустился наутек, крича от боли. Вскоре это существо, похожее на самку гориллы, исчезло в зарослях.

Оказалось, что это была сумасшедшая, жившая в лесу уже свыше тридцати лет; ее кормили пастухи. Половину своей жизни она проводила, плавая в речке.

И великий русский писатель добавил:

— Никогда в жизни я так не пугался, потому что не мог понять, что это было за чудовище.

Мой спутник, которому я рассказал это приключение, согласился:

— Да, боишься только того, чего не понимаешь. Дикую судорогу души, называемую ужасом, испытываешь лишь тогда, когда к испугу примешивается суеверный страх, свойственный людям минувших столетий. Я ощутил этот ужас во всей его полноте, и притом из-за такого пустяка, из-за такой чепухи, что мне стыдно об этом и рассказывать.

Я путешествовал по Бретани, пешком, один. Я уже обошел Финистер, пустынные обнаженные ланды, где растет лишь терновник вокруг огромных камней, священных и часто посещаемых. Накануне я побывал на угрюмом мысе Раз, оконечности Старого света, о которую непрерывно разбиваются волны Атлантики и Ламанша, и мой ум был полон прочитанными или услышанными легендами и сказаниями об этой стране преданий и суеверий.

Я шел ночью из Пенмарша в Пон-л'Аббе. Знаете ли вы Пенмарш? Это плоский, отлогий берег, такой низкий, что кажется ниже уровня моря. Море видно отовсюду, седое, грозное; оно усеяно рифами, покрытыми пеной, как пасти разъяренных зверей.

Я поужинал в рыбацкой харчевне и шел теперь прямой дорогой, пролежавшей по ландам. Было очень темно.

Время от времени попадались высокие друидические камни⁴, похожие на призраки, следившие за мною, и мало-помалу в мое сердце закрадывался смутный страх. Чего я боялся? Я не знал и сам. Бывают вечера, когда кажется, что тебя обступают духи, когда душа беспричинно трепещет, а сердце бьется сильнее от непонятного страха перед чем-то необъяснимым, об исчезновении которого из нашей жизни я сожалею.

Путь казался мне долгим, нескончаемо долгим. Дорога была пустынна.

⁴ Имеются в виду менгиры и дольмены, культовые камни древних кельтов.

Ни звука, только плеск волн за спиной. Иногда этот монотонный грозный шум казался близким, таким близким, как если бы волны, увенчанные пенистыми гребнями, преследовали меня по пятам, катясь по равнине; и я испытывал желание помчаться со всех ног, спасаясь от них.

Ветер дул порывами, свистя в терновых кустах. И хоть я шел очень быстро, мне было холодно, противный холодок страха пробежал по рукам и ногам.

О, как хотелось кого-нибудь встретить!

Стало так темно, что я с трудом различал дорогу.

Вдруг послышался далеко впереди стук колес. Я решил: «Ага, повозка!»

Затем все смолкло.

Через минуту тот же звук раздался ясно и теперь уже ближе.

Правда, огней не было видно, но я подумал: «Они ездят без фонарей, и это не удивительно в таком захолустье».

Шум то затихал, то возобновлялся. Он был слишком слаб для телеги; к тому же я не слышал звука копыт; это меня удивило, так как ночь была очень тихая.

Я старался угадать: что бы это могло быть?

Звуки приближались быстро, очень быстро. Но слышался только стук колес: ни шагов, ни звяканья подков — ничего. Что же это такое?

Теперь шум был совсем близко. В порыве инстинктивного страха я бросился в канаву и увидел, как мимо прокатилась... тележка. Она двигалась сама собой... никто ее не толкал. Да, тележка... совершенно одна...

Сердце у меня забилося так сильно, что я опустился на траву и долго слушал стук колес, удалявшихся по направлению к морю. Я не решался ни подняться, ни идти, ни даже шевельнуться. Если бы она вернулась и стала преследовать меня, я бы умер от страха!

Я не скоро пришел в себя, очень не скоро. И в течение остального пути меня томил такой страх, что от малейшего шороха дыхание у меня прерывалось.

Ну, не глупо ли? А как я испугался! Позднее, думая об этом, я понял, что тележку, без сомнения, толкал босой ребенок, а я искал человеческую голову на обычной высоте.

Вы понимаете, когда в душу уже закрался страх перед сверхъестественным... так страшно увидеть тележку, которая катится сама собой... какая жуть!

Он помолчал, затем продолжал:

— Знаете ли, сударь, мы присутствуем при любопытном и ужасном зрелище — вторжении холеры.

Слышите запах карболки, которым пропитаны вагоны? Это значит, что холера близка.

Побывать бы сейчас в Тулоне! Ясно чувствуется, что она там. И вовсе не от страха перед болезнью обезумели люди. Холера — нечто иное, это Невидимка, это бич древних времен, что-то вроде злого духа, возвращение которого и удивляет и ужасает нас, ибо он явился из глубины минувших столетий.

Мне смешны доктора с их микробами. Не эти козявки так пугают людей, что они готовы прыгать из окон, а Холера — непонятная, ужасная гостья, пришедшая с Востока.

Поезжайте в Тулон: там на улицах пляшут.

Зачем плясать в дни смерти? На равнине вокруг города зажигают фейерверк, все горит огнями; в местах общественных гуляний оркестры играют веселые мотивы.

Зачем все эти безумства?

Потому что Она здесь, и люди бравировуют своим отношением — не к микробам, а к ней, к Холере, хотят казаться бесстрашными, как перед лицом врага, скрывающегося, подстерегающего. Вот почему танцуют, смеются, кричат, зажигают огни, играют вальсы — все из-за этого несущего смерть злого духа, чье незримое грозное присутствие ощутимо повсюду. Холера подобна одному из тех гениев зла, которых заклинали в древности языческие жрецы.

Елизавета ЗАЛИ

ДЕВОЧКА И ВОЛК

РАССКАЗЫ

МАМА

Правая рука... Она все время вытаскивает ее из рукава. Зачем?

Часто думаю о том, какие мысли у нее в голове, какое настроение. Осознает ли, что, сняв рукав, она оказывается в «односторонней» смирительной рубашке?

Всматриваясь в ее глаза, я ощущаю, что она, как и ее мысли, просто перетекают из одного состояния в другое, как вода послушно течет, не сопротивляясь силе тяжести, по только ей известным путям.

Это похоже на то, что я испытываю под воздействием наркоза во время операции. Я отчетливо помню, как стала маленьким сгустком света, оказавшимся в трубочках лампы надо мной. Не было уже такой личности, как я. Лишь маленькая частичка света, перетекающая по каким-то дорожкам в лампе, которая в тот момент стала моей вселенной. И вся моя жизнь была в этом. Я не управляла своим движением. Оно текло, текло, свободно и плавно. Непонятным образом я оказывалась то в одной трубочке, то попадала в другую. Это было так легко, так незнакомо доселе, словно бы я стала невесомой, освободившейся от всего, что меня беспокоило и отягощало раньше. Ни прошлого, ни будущего, лишь этот миг завораживающего существования.

Думаю, именно так же легко и безмятежно мама путешествует по своей, непонятной другим жизни. Периодически в нее врывается мы. То заставляем передвигать ногами, идти через незнакомую комнату, где ей нужно все посмотреть и потрогать, но мы упорно тащим ее дальше, в какое-то помещение с холодным белым стулом, на который она не хочет садиться. То заставляем открывать рот, чтобы успеть положить туда еду. Это насилие с моей стороны, грубое вмешательство в понятное только ей одной существование.

Сейчас, со снятым правым рукавом, она стоит у стены и с кем-то разговаривает. Кого она видит и что ей отвечает этот кто-то, мне не дано узнать.

Где твоя страна, мама? Ты рядом, но тебя нет. Где ты, какая ты? Я — частичка тебя. Я — частичка мироздания. Мы — пылинки вечности, забывшие друг друга. Я смотрю тебе в глаза и ничего не вижу. Ничего! Из ничего получается только боль.

Мама, мама! Возьми меня на ручки! Мы спрячемся в пещере, и никто нас никогда не найдет. Мы тихо-тихо заснем... А потом начнется зима. Безмолвная, погребально-торжественная вечная зима, которая станет нашим сном.

Недавно мой сводный брат по отцу рассказывал мне, какой у нас замечательный был папа. Это был человек, общению с которым радовались все. Они были счастливы, если он приходил в гости и готовы были сделать для него все. А самое главное — он был прекрасным, добрым и внимательным отцом. Мой брат говорил, что получил от него много тепла и поддержки и он заложил в нем твердое основание для будущей жизни. Теперь он тот, кто есть, благодаря моему отцу. Он прожил с ним двенадцать удивительных лет до самой его случайной и нелепой смерти.

Мне приходилось верить в это только на слово. Это то, чего я была лишена. Я осталась на руках у потерянной по жизни женщины, у которой на первое место встала работа. И она была в ней асом. Она была прекрасным хирургом. Ее уважали и ценили. Но мы так и остались потерянными.

Я помню тот шахтерский поселок, в котором мы жили с папой. Там были очень высокие деревья и широкие улицы. Помню, как сильно я не хотела уезжать оттуда, а мама складывала мои сандалики в сумку и обещала, что мне будет хорошо у бабушки. Если бы я знала, что творится в сердце мамы, прежде счастливой, а с того времени и до конца своей жизни несчастной и потерянной. Но что я могла? Мне было три года.

СОН

Я на незнакомой улице. Оглядываясь по сторонам, понимаю: и город, и расположение гор мне незнакомы. Дома вокруг словно выросли из зыбкого, непонятного мгновения, застывшего в моей памяти. А может, чужая память рождает эту химеру?

Я вижу тротуары, дороги, машины. Вроде все как положено, но все чужое, словно появившееся для того, чтобы увести меня далеко от моего мира, не дать шансов обрести покой, растворить.

Вокруг люди, лица их знакомы, некоторые знакомы до боли. Но я понимаю: это маски. Они делают вид, что не замечают меня. Или в самом деле я для них невидимка?

Я оказываюсь на распутье — не знаю, по какой из дорог мне двигаться. Ведь должна же какая-то привести меня к знакомому переулку, а затем и к дому, где я могла бы укрыться? Делаю шаг, потом другой. Лучше идти — так хоть куда-то придешь. Но чем дальше, тем страшнее от того, что все становится еще более чужим. Вырастают вдали незнакомые горы. Дома становятся какими-то инопланетными миражами. А люди... А люди — это роботы. Они вычисляют чужих и охотятся на них. Я осознаю это четко и стараюсь спрятаться в подъехавшем неизвестно откуда поезде, а может, трамвае. Он полон. Я прячусь в толпе в конце вагона.

Осмотревшись, понимаю, что отличаюсь от людей, стоящих рядом. Оказывается, в отличие от них, я почти раздета: на мне только маленькая коротенькая маечка. Она ничего не прикрывает. Я тяну ее вниз, пытаюсь прикрыть хотя бы бедра. Мне очень стыдно. Странно, люди совсем не замечают моей наготы.

Пытаюсь найти свой телефон, чтобы позвонить близкому, но телефона нет. Вдруг вижу в вагоне небольшую очередь людей. Это очередь к лифту. Я подхожу и тоже становлюсь в нее. Отметаю всякую мысль о нереальности движения вверх или вниз в вагоне. Но, может, этот лифт окажется спасением и перенесет меня домой? Когда я оказываюсь в нем, то понимаю, что независимо от моего желания могу попасть куда угодно. Даже туда, откуда никогда не смогу вернуться не только домой, но даже в этот трамвай и то место, где я в него села. Лифт открывается, и вот я уже на странной остановке в пустынной местности. Кругом степь, железная дорога и одинокая скамья, на которую я сажусь в ожидании... чего — не знаю.

Вечер, луна, я на скамье, и больше ничего.

Проходит время. Не знаю сколько: минуты, часы, дни... Мгновения одиночества в бесконечной вселенной. Я, скамья, степь, планета, галактика, и вот уже маленькая частичка мироздания на забытой остановке, которая по законам гравитации вращается где-то в космосе среди звезд, пыли и пустоты.

И вот в эту тишину врывается знакомый звук. Постепенно он становится громче и в какой-то момент, задыхаясь, как зверь, встает передо мной подъехавшим поездом. Я вижу в окнах людей. Несколько человек выходят и тут же суетливо расходятся по своим делам. Куда? Какие дела могут быть в этой пустыне?

Я робко иду вслед за двумя. Оказывается, в этой степи есть тропинки, ведущие куда-то. Через некоторое время различаю вдали огоньки. Это светящиеся окна в домах. Чем ближе, тем отчетливее очертания сельских построек. И вот я уже вблизи этих домов, заборов, дорожек. Там люди, они на улице. Силуэты других видны

в свете окон. Я стучусь в один из домов. Никто не отвечает. Я толкаю дверь, она открывается, и я вхожу внутрь. Шаг вперед, и дверь за мной закрывается. Прихожая, кухня, столовая... За столом сидят двое мужчин и женщина. У них встревоженные лица. Думаю, это потому, что я нарушила их обыденную жизнь. Но, взглядевшись, понимаю, что они меня не замечают. Они смотрят на часы, висящие на стене. В окнах мелькают огни, они приближаются, наполняют комнату странным зелено-желтым светом. Люди, сидящие за столом, вдруг вскакивают и начинают бегать по комнате. Кажется, что они хотят спрятаться. Так и есть. Они снимают со столешницы что-то вроде фанеры и, поставив краем на пол, прикрывают путь свету из окна под стол. Затем залезают туда и затихают. Я не знаю, что делать, и, спрятавшись между открытой дверью и стеной, тоже затихаю.

Вдруг появляется странный, очень неприятный звук. От него волнами к горлу подкатывает тошнота, сильно ломит виски. По стене начинают бегать лучики света, своей силой и назойливостью перекрывающие желто-зеленое свечение, заполнившее до того комнату. Лучи эти заглядывают во все уголки, словно ищут кого-то. Я прижимаюсь к двери и совсем перестаю дышать. Неприятный звук не прекращается. Сквозь него я различаю приближающиеся шаги. Идут нескольких человек и вскоре оказываются в доме. Я не понимаю, что творится, и от этого мне вдвойне жутко. Какое-то время люди бродят туда-сюда по комнате, затем уходят.

Когда прекращается шум и гаснет странный свет, я выглядываю из своего убежища. Все в комнате перевернуто. С улицы доносятся пронзительные крики и женский плач. Ноги у меня отнимаются, я опускаюсь на стул и зажимаю уши руками. Никто в дом больше не заходит.

Когда начинает светать, я медленно встаю, выхожу из дома идвигаюсь прочь из этой деревни. Иду по той же тропинке, по которой попала сюда, и очень надеюсь вернуться на ту скамью в степи, дожидаться поезда и ехать на нем, никуда не приезжая...

ДЕВОЧКА И ВОЛК

Совсем недалеко от меня, на соседней улице, в этом городе, в этой загадочной вселенной, живет девочка с голубыми глазами. И то ли потому, что глаза у нее такие голубые, то ли потому, что вселенная настолько загадочна, то ли еще почему-то, она дружит с волком, которого никто кроме нее не видел.

Знакомство их состоялось немного необычно. Но необычным оно было для других, а для девочки с голубыми глазами в этом знакомстве не было ничего странного. Однажды ночью, когда в доме все спали, она услышала тихий стук в дверь — легкий, как прикосновение, обращенное только к ней.

Девочка жила на втором этаже многоквартирного дома с мамой, папой, сестрой и братом. Тот, кто постучал, выбрал именно этот подъезд, этот этаж и эту самую дверь, не говоря уже об улице, городе и вселенной.

Не оставалось никаких сомнений, что тот легкий стук-прикосновение был только для нее, девочки с невероятно голубыми глазами.

Она встала с кровати и тихо, чтобы никого не разбудить, вышла в прихожую. Поднялась на цыпочки, заглянула в дверной глазок и совсем не удивилась открывшейся картине. Ей видны были только краешки серых ушек — таких, какие бывают у собак, когда они к чему-то прислушиваются. Девочка без раздумий открыла дверь, и в комнату вошел... волк. Да, серый волк с желтыми глазами и теми самыми ушками. Он посмотрел на нее, потерся головой о ее ногу и стал оглядываться. Нисколько не боясь, девочка погладила его по мягкой шерсти и шепотом предупредила, что нужно вести себя очень тихо, а то родители могут проснуться и прогнать его. И, чтобы волку было понятнее, приложила указательный палец к губам. Но волк и так все понимал и вел себя безупречно. Они, не сговариваясь, пошли в ее комнату. Она села на кровать. Волк приблизился и, немного покрутившись, улегся у нее в ногах так, словно уже давно это было его любимым местом. Девочка опустила голову на подушку, и почти одновременно они уснули.

Под утро, когда стало светать, она проснулась. Волк по-прежнему спал у нее в ногах. Она очень нежно разбудила его, чтобы он мог уйти, пока все спят, чтобы никто не обидел его и не причинил вреда. Но волку ничего не нужно было объяснять. Он все понимал с полуслова. Они вышли в прихожую. Девочка открыла дверь. Волк на прощание посмотрел в ее голубые глаза, лизнул руку и, переступив порог, исчез в темноте лестничной площадки — так, словно его тут и не было.

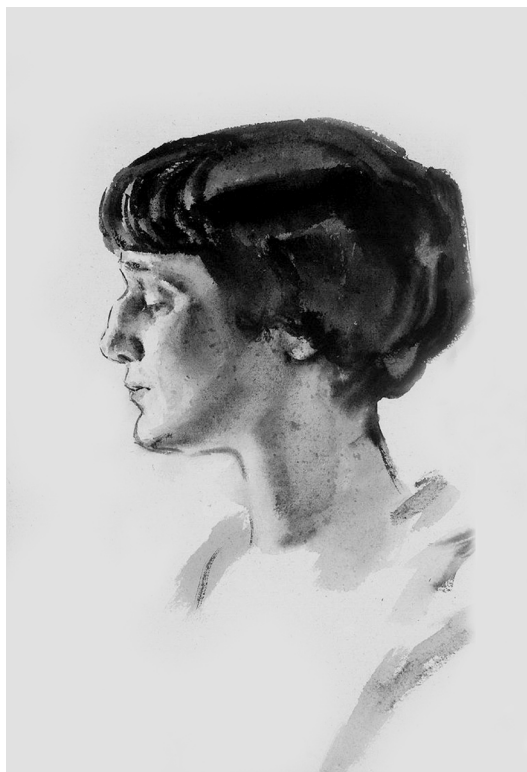
Отец проснулся от звука закрывающейся двери. Он стал спрашивать девочку, что она в это время делает в коридоре, да еще босиком. Но она стояла и молча улыбалась, глядя своими необыкновенно голубыми глазами на дверь, за которую куда-то в эту загадочную вселенную ушел ее новый друг.

Анна АХМАТОВА

ПЕРЕВОДЫ
С ОСЕТИНСКОГО

СТИХИ

В оформлении использован портрет Анны Ахматовой художника Н. Тырсы

Коста ХЕТАГУРОВ

КТО ТЫ?

Не спрашивай, кто я!
О, я не уздень.
Не так я прекрасен,
Как радостный день.

Рубашка — холстина,
Бешмет — полотно,
И выткано дома
Черкески сукно.

Ношу я арчита¹,
И пояс мой — прут,
Но кто я, — послушай
Внимательно тут.

В горах я родился,
Тот хлев еще цел,
Где друг твой впервые
На свет поглядел.

И мать родила там
В грязи и в пыли,
Но место почище
У нас не нашли.

Доселе то место —
Позора печать,
Больным я не смею
Здоровья желать, —

---

¹ Арчъи (*осет.*) — обувь из сыромятной кожи.

А чем еще может
Им бедный помочь,
Всегда нависала
Над матерью ночь.

Отец мой суровый
Неласков был с ней,
Его покаравшей
Кончиной своей.

Чужая младенца
В свой дом приняла,
И грудью кормила,
И доброй была.

Дитя баловала
Заботой своей,
Те ранние годы
Всего мне милей.

И так подрастал я
В беспечности там,
То с песней, то с пляской
Бродя по пирам.

Хаматом зову я
Отца своего...
И мне не припомнить
Заботы его.

Он снова женился, —
Пришел я домой.
Всего натерпелся
От мачехи злой.

Подарки — побои,
И ласки — пинки,
Изведал я тяжесть
Жестокой руки.

Отец на охоте
В далеких лесах,

Жена побиралась
В соседних дворах.

Как часто охотник
На смерть обречен,
Но труп его редко
В земле погребен.

За туром гоняясь,
Был смел мой отец...
Он в пропасти горной
Свой принял конец.

Вдова для поминок
Луга продала
И все промотала,
Что в доме нашла.

Такой же беспечный,
Что мог я сказать?
Кто мать свою смеет
В делах поучать!

Я понял, что в мире
Я все потерял.
Уже не малец я,
Хоть взрослым не стал.

А мачеха в доме
Отца прожила
Недолго, и к мужу
Другому ушла.

Сека ГАДИЕВ

ЧЕРМЕН

Тулатовы зло слукавили,
Разделяя поля просторные:
Они Чермену оставили
Болота да скалы черные.

Сказала мать его грустная:
— Не верь ты их клятве княжеской,
Пусть речь у кобанцев искусная,
Душа их осталась вражеской.

Тебе твоей доли не дали
И дурнем тебя ославили,
Как будто они не ведали,
Что нищим Чермена оставили.

— Гляди, нана, что я сделаю,
Мне на это легко отважиться,
Распашу себе поле целое,
Где земля мне мягче покажется.

Разве я не Чермен прославленный?!
Если б я с князьями не справился,
То, твоим молоком отравленный,
Лучше б я на тот свет отправился.

И пашет Чермен неистовый
Спокойно, страха не ведая,
Тулатовы смотрят издали,
Его сражены победою.

И ищут князья спасения
Пред силой его могучею...
А гордый Чермен без смущения
Всю землю вспахал наилучшую.

Георгий КАЙТУКОВ

РЕБЕНКУ ИСПОЛНИЛСЯ ГОД

Вырос сынок ненаглядный, —
Время ходить самому.
Мир перед ним неоглядный.
Счастья желаем ему.

Каждый его поздравляет,
В доме царит торжество,

Но годовалый не знает,
С чем поздравляют его.

Крепкий, румяный, нарядный,
У материнской груди...
Смех его звонок отрадный,
Живчик! Совсем не сидит!

И о еде забывают
Мать и счастливый отец,
Вещи пред ним расставляют —
Схватит какую малец?

Выбрать игрушку он хочет—
Радует близких своих.
В ладошки бьет и хохочет,
И уползает от них.

Первое детское слово
Всякому радостно... Вот
Набок свалился, но снова
С той же отвагой ползет.

«Падает — пусть, не держите!
Сядемте все по местам! —
Кто-то сказал. — Отойдите,
Пусть поднимается сам.

Слишком лелеять не надо —
Должен выносливым быть.
Пусть приучается падать,
Чтоб научиться ходить!»

Каждый, смеясь и любуясь,
За мальчуганом следит.
Силу его молодую
Родина наша взрастит.

Пусть ему выше, чем горы,
Ныне родимый порог, —
Все он узнает просторы
Ближних и дальних дорог.

К книге малец потянулся —
Будет ученым потом.
Вот к молотку прикоснулся —
Станет он славен трудом!

Будет достойно меж нами
В крае возлюбленном жить,
Будет большими делами
Матери юность хранить.

Гриш ПЛИЕВ

* * *

Будто сразу присмирел
Причитаний хор.
Будто с неба поглядел
Нежный лунный взор
И осыпал все вокруг
Серебром своим —
И моя кручина вдруг
Скрылась перед ним.
Друг мой, то не присмирел
Причитаний хор,
И на нас не поглядел
Нежный лунный взор, —
Это смолк на краткий миг
Смертоносный бой.
И в глазах моих возник
Светлый облик твой.

Борис МУРТАЗОВ

НОЧЬ

Ночь замолчала. Село прикорнуло
Мирно в объятиях горных.
Отзвук речного слышался гула
Где-то в ущелиях черных.

В небо на буром коне выезжает
 Всадник дорогой высокой,
 И над уснувшей долиной блистает
 Светоч его одинокий.

Вея прохладю, лоб мне целует
 Ласково ветер душистый.
 Снежных вершин тишина торжествует
 В свете луны золотистой.

Птицы еще не проснулись, но рано
 Завтра с воскресшей зарею
 Труд возвратится на наши поляны,
 Песнь зазвонит над странюю.

Александр ЦАРУКАЕВ

ОСЕНЬ В УРСДОНЕ

Берег речки инеем сверкает,
 Часовой на каменном горбу,
 Тяжело волы переступают,
 Из оврага вывозя арбу.

Сено в копнах. Скрыт овраг туманом.
 Черные кусты обнажены,
 Сылтанык стоит рябым курганом...
 Озимии отрадно зелены.

И укатаны дороги гладко.
 Стебли кукурузные шуршат.
 Зерна крупных золотых початков —
 Как зубов ослабившихся ряд...

Снежных гор холодные вершины —
 Как шатры гигантские вдали,
 И высоко в небе цепью длинной
 Улетают к югу журавли.

Питер ХОРН

«И ЛИШЬ ЗАТЕМ
ОБРЕТАЮТ
БЛАГОДАТЬ»

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО А. ЗОЛОНОВА

ВОЗБУЖДЕНИЕ

Я стою у самого начала,
В окружении пустых аналогий,
Падая, пробегаю по масляным разводам
Грязной лужи.
Кружа в зловещем танце, сквозь нечистоты памяти,
Пролетают слова. Вижу —

Изуродованную девчонку, которой
Отрубили крылья, а затем
Изнасиловали во имя Порядка и Правосудия
Всей бандой приспешники полиции.
Ее кровь застыла не отмщенной и забытой
На душной, пыльной улице
Под едким дымом
От догорающих старых стульев. Мы
Упускали мгновенье дважды: любое
Начало — ересь в голосе
Нечистой совести — возможность
Отвернуться от того, что происходит в реальности.

Балки заменят слова,
Прибитые ржавыми гвоздями и
Копьями, которых достаточно для ничтожества,
Чтобы дотянуться до неведомого зла

В театре с фантазмагорическими конструкциями, —
Проникая в живую плоть.

Слова вместо пуль и снарядов
Не достигают цели, —
Разве что слизывают пыль,
Поднимаемую коваными ботинками,
Пока не захлебнутся в обильном слюновыделении.

Завершит игру последняя химера:
Горгона в роли ангела
Или в роли папаши-великана, который,
Вгрызаясь острыми клыками в мозги
Собственного сына,
Жадно высасывает его мудрость...

ШЕСТАЯ ЭЛЕГИЯ

Кто они, лишённые этой страны, которых
В ссылках и в изгнании гораздо больше, чем нас?
Кто они, изгнанные по Воле Предопределения,
Чтобы полюбить ненависть;
По воле, ими же извращенной;
По воле, кидающей их от одного берега к другому?
Кто они, которых эта самая воля
Настоятельно зазывает обратно? Они
Каждое утро, дымя сигаретами, стоят,
Прислонившись к порогу нашей страны:
В глазах их — ожидание, в руках — бомбы.
Их тени пересекают эту страну — страну потерь, когда
Окровавленное Солнце поднимается из бумажных
Топей, а ветер, как кнутом, поднимает
Пыль над мертвыми, опустевшими улицами.
Пулеметы захлеб поют
Утренний гимн: механические птицы
Парят в небе, охраняя свои владения: «Izwe lethu»¹.

Сейчас их уже много, — тех, кого привлекают
Поступки;

¹ Наша страна (зулусский).

Тех, кто расцветает довольно рано —
Горячих и нетерпеливых.
Героев и тех, кто погибает рано, но этих,
Пожалуй, бывает видно сразу.
Они, идущие впереди фронта, всегда
Рассчитывают на то, что увлекут
И остальных — туда, где затопило улицы
И в воде не видно шагов, замеряющих
Воображаемые границы страны —
Этого пристанища легионов развалившейся великой империи, —
Ее последних осколков, давно уже
Отвернувшихся от заморской метрополии,
Но при этом твердо и гордо стоящих
Над бурными водами приливов, —
Плавучих обломков корабля,
Убийственной отваги и устрашающего мужества.

Да, но ведь и они не были героями, когда рождались
Среди зловония и нестиранных пеленок
Или когда росли с неправдоподобно круглыми огромными
животами.
Их героизм от отчаяния и
Бесконечных поражений в борьбе за пару
Лишних пфеннигов — чтобы выжить.
Они борются за то, чтоб научиться говорить как люди;
За то, чтобы растормошить народ, ежеминутно
Избиваемый и получающий от этого
Даже некоторое наслаждение. Они
Мужали в тюрьмах и на судебных процессах,
Готовые хитрить, чтобы избежать
Участи борцов, но логика борьбы
Выводит их на шаг вперед, но они
От этого ничего не теряют, ибо
Страх перед смертью в них сменяется
Смертельным страхом. Порою
В утренней дымке я слышу их пение —
Они поют громче всех.
Холодная стена познания: едва ли
Хотя бы одно слово подходит для нашей речи, —
Новые символы, рожденные за колючей проволокой,
Еще не вышедшие из чрева народа,

Но уже вколотенные в стены нашей крепости,
Наполняют нас надеждой и страхом.

Но также и сердца тех, кто ничего не делает,
Не замечает, не чувствует;
Тех, кто нашпигован осторожностью
И здравым смыслом;
Тех, у кого кроме умильного осознания
Собственной вины нет ничего;
Тех, кто любое смущение или тревогу
Привык смывать со своих белых ладоней. Они
Пытаются убедить себя в одряхлевших
Благих намерениях и, вытаращив глаза,
Всматриваются в Двуглавый Ужас, который
Уже грядет. Но даже и те, кто проходил
Маршем сквозь сны, не разбирая дорог, —
Даже им пока неведом синдром вины,
Но они уже не позволят сбить себя с толку
Покорности и раболепию.
Их лица в испарине, и они
Раскрывают ладони, как чаши цветов,
Набирают в них влаги и утоляют свою жажду,
И лишь затем обретают Благодать...

ИЗ СБОРНИКА «ПЕСНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»

Песнь вторая

Молчание подстрекает подростков
Бойкотировать школы.
Молчание вынуждает рабочего отложить
Инструменты и молча отойти от окошка расчетной кассы.
Молчание проходит маршем по улице
Ленивых гадюк
Длинной процессией безмолвных товарищей.
Незримо реют красные флаги и молчат
На ветру.
Молчание лишает новобранца мужества,
Мешая ему братья за оружие.
Молчание садится на ступени Парламента
И ждет.

Молчание препятствует заморским инвестициям
 И ускоряет бегство перепуганных капиталов.
 Молчание позволяет рэнду² падать:
 Цент за центом.
 Молчание порождает слухи,
 И те шуршат по углам.
 Молчание толкает речи от имени
 Полицейского государства и Закона
 О чрезвычайном положении.
 Молчание потворствует ANC³ и UDF⁴,
 Молчание разрушает.
 В тюрьмы молчание!
 Арестуйте молчание!

Песнь третья

Ты — призрак, со сгустками крови на лбу и
 Пробитым черепом, сбежавший из склепа.
 Ты бежишь через дымящиеся развалины
 Нашей гражданской войны: не сломленный и
 Не побежденный. Рожденный
 В годы молчания, ты
 Дождался своего часа, —
 И у тебя есть алые стяги из горящих домов
 И покрышек, сорванных с «кадиллаков» и «мерседесов».
 Ты, подняв кулак, идешь навстречу бронемашинам и
 Тебе их скоро уже раздавят
 Тяжелыми колесами. Насколько же человеческая плоть
 Слабее стали: человек,
 Каким бы он ни был, всегда опасается
 Мужчин, ослепших от вида крови, и
 Их стальных чудовищ. Но все-таки нет,
 Ну конечно же, нет ничего сильнее
 Этой самой плоти, когда
 Она, распевая песни, проходит маршем
 Перед жерлами орудий, сеющих смерть.

² Южноафриканский рэнд (ранд) — национальная валюта ЮАР.

³ ANC — Африканский национальный конгресс.

⁴ UDF — Объединенный демократический фронт (Южная Африка) — политическая организация, направленная против апартеида.

А ты идешь, ты мертв, но ты идешь.
И твоя растерзанная плоть вселяет ужас и страхи
В души власть предержавших.
На умиротворенных стенах домов белых предместий
ты распыляешь

Черной краской:
«Освободите Манделу!»,
«Освободите всех заключенных!»,
«Борьба продолжается!»
Вместе с тобой гимны революции пробираются
На футбольные стадионы. Когда ты
Проходишь по аудитории, школьники
Начинают кое-что соображать в экономике и
В истории тоже. Словно ледяной вихрь, ты
Проносишься по главному этажу и причудливым
Боковым пристройкам Прибыли и
Выворачиваешь где-то внизу, ты
Заходишь к рабочим, которые вечерами
Устало возвращаются в свои хижинки, и говоришь
С ними откровенно и смело. Ты
Становишься уважаемым гостем в бедняцких кварталах —
В домах с металлическими переборками, и они делятся с тобой
Последним чаем, угощают
Тебя кашей с остывшими лепешками.
Ты, в тюремной камере твердо решив
Свести счеты с жизнью, советуешь
Нам не отчаиваться, а продолжать борьбу. Ты,
Избитый, с пробитым черепом, продолжаешь
Руководить нами.
Кто вас накормит, если вы голодны?
Не обещания богачей, я полагаю. Они
Вас уже предавали. Никто
Не даст вам еды, если
Ваш труд не впишется в реальную
Экономическую круговерть.
Думаю, накормят лишь тех,
У которых ничего нет. Тех,
Которым нечего отдать взамен. Они
Дадут вам еду, я полагаю,
Но лишь тем, которые уже отсидели в тюрьмах.
Или тем, которым наверняка придется
Освобождать вас оттуда...

Песнь восьмая

Я смотрел на огни нашего города. А они, одетые в туман,
Словно только что мягко опустились на асфальт
Вместе с дождем. Они
Так и лежали: мужчина, ребенок и женщина.
Над ними рыдал только дождь, ветер
Вгрызался им в кости. В зрачках их застыл уже лед.

Я смотрел на огни нашего города, в котором
Даже автомобилям уютнее
В их теплых боксах, чем этой плоти, недавно еще живой, —
Здесь, на мокром тротуаре. И огни,
Слезы, туман и плач тонули в командах,
В криках и во лжи.

Я смотрел на огни нашего города и видел
Ладони, сжимавшиеся в кулаки. Внезапно
К небесам взмыли голоса, заглушая проклятья:
Это была песня. Рассеяв толпу и загрузив из нее
Кое-кого в грузовики, степенно расхаживали
Военные. Они коллекционировали певцов борьбы, —
Песня звучала все громче и громче...

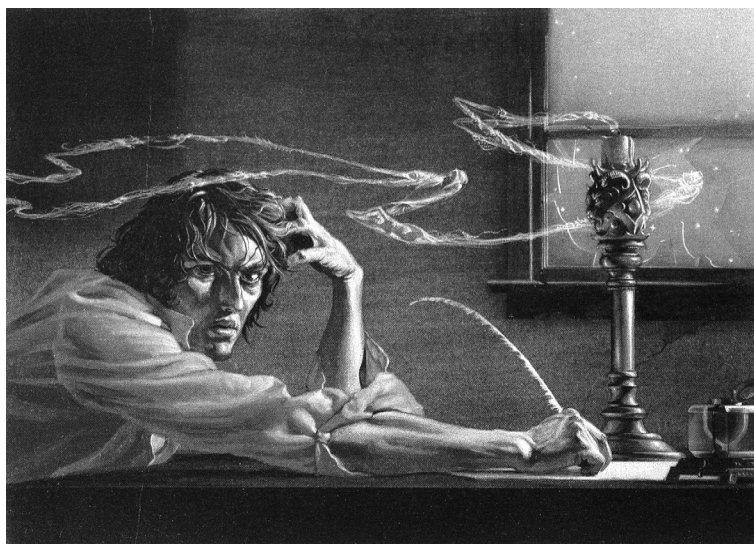

Шеймас ХИНИ

«ДОВЕРЯЙСЯ ТОМУ,
ЧТО НА ОЩУПЬ
НАШЕЛ ТЫ»

СТИХИ
ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО Г. КРУЖКОВА,
В. ЧЕРЕШНИ

МЫС

Когда все сказано, садись за руль
и поезжай на мыс.
И небо, и шоссе стремятся ввысь,
земля безвидна, бесприютна даль,

но мимо, мимо. Наблюдай, вникай.
Темнеет. Горизонт глотает море, сушу,
поля съедают сливки белых крыш.
И вот ты в темноте. Припоминай

зализанный песок с занозою бревна,
терзанье волн у лап скал-кружевниц,
застывших длинноногих птиц,
в тумане тонущие острова.

И возвращайся, полный до краев
молчанием и знанием окраин:
ты ищешь формы, смутую измаян,
но не земля с водою — им она мала.

ИДУЩИЙ СЛЕДОМ

Отец идет за плугом, пригибаясь
и понукая потных лошадей.
Его спина белеет, словно парус
пустившейся по пахоте ладьи.

Умелец, как он ловко налегает,
как лемех входит в черные пласты,
какой волной земля над ним вспухает.
Дойдя до края, как, без суеты

одним движением, меняет курс
команды потной. Глазом смерив
уклон земли, ее покатый торс,
он борозду ведет, руке доверив.

Малец, я ковылял за ним, как мог,
по комьям взрезанной земли сползая,
порою на плечах его, как Бог,
вздымался ввысь и падал, замирая.

В мечтах я видел пахарем себя
с таким же глазомером и уменьем.
Тогда я мог лишь следовать, любя,
быть тенью его стелющейся тени.

Я ныл и падал, бороздой петляя,
я лип, подобно банному листу, но
теперь он сам, неверно ковыляя,
бредет за мною следом неотступно.

РАЗМЕРОМ ОДЕНА

Памяти Иосифа Бродского

Джозеф, помнишь этот ритм?
Оден, твой любимый бритт,
Брел под гул таких же стоп,
Провожая Йейтса в гроб.

Ать-и-два! Под этот счет
В этот распроклятый год,
В день твой, дважды роковой,
Января двадцать восьмой,

Я шагаю вам вослед,
Зажимая боль в куплет,
Меря им — твои слова —
Скорбь и разум — ать-и-два!

Ни фантазий, ни химер —
Скорби скованный размер;
Шаг за шагом учит он:
Повторение — закон.

Повторится без конца —
Стужа, вьюга, смерть певца.
Как корабль, во льдах затерт
Дублинский аэропорт.

Этот жесткий, твердый лед
Не отпустит, не пройдет:
Лед кладбищенских шагов,
Лед архангельских снегов.

В нем не сделаешь пролом
Ни пером, ни топором;
Адской бездны глубина
Проморожена до дна.

Заморожен, как ледник,
Сердца твоего родник.
Уж его не прошибет
Ни бокал, ни анекдот.

Помнишь, как ты мне в бокал
Водку с перцем наливал
В массачусетской глуши —
Для согрева, для души?

Как любил ты шулки звон —
Брысь, политкорректный тон!
Гладил ты не по шерсти
С вечным кэмелом в горсти.

Помнишь финский наш вояж,
Треп совместный, смех и блажь,
Схлест насмешек и сатир —
Переkreщенных рапир?

В Тампере лежал наш путь:
Ты не мог не помянуть:
Дескать, мы с тобой идем
Верным, ленинским путем.

Не вернуть ни смех, ни пыл —
Как стихи ты важно выл!
Как с авианосца ввысь
Шутки с грохотом неслись!

Не вернуть твоих чудных
Каламбуров заводных,
Рвущийся стихов поток
Сквозь анжембеманы строк!

Как ты бешено пылил
На английском! Как любил
Гнать на нем аж миль под сто,
Как на угнанном авто!

Лишь язык боготворя,
Верил в слово ты. А зря.
Копы времени, озлясь,
Лихача вдавили в грязь.

Так смирись, как Гильгамеш,
И лепешки праха ешь,
Помня Одена завет:
Только этим сыт поэт.

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ОСТРОВ

Едва мы свыклись с тем, что обживать
Придется этот каменистый брег,
И, продрожав и промолившись ночь,

Собрали топливо и над костром
Повесили котел, как небосвод, —
Распался этот остров, как волна.

Твердь, за которую схватились мы,
Лишь в миг отчаянья казалась твердью.
На самом деле это был мираж.

СЕВЕР

Я вернулся туда,
где в подкову залива
бьет Атлантики вал —
мерно и терпеливо.

Я глядел в эту даль,
где скрывался исландский

скучный берег... И вдруг
из глубин океанских

те свирепые воины,
что под дюнами Дублина
спят в ладьях погребальных —
иль, врагами изрублены,

упокоились рядом
с обломком меча, —
ярим взором сверкая
в талой влаге ручья,

эти викинги мертвые,
в запоздалой печали
из тумана воззвали ко мне
и вещали:

«Молот грозного Тора —
о стыд, о бесчестье! —
откачнулся к торговле,
блудодействию и мести,

к лицемерью в совете,
заросшему жиром,
к передышкам резни,
величаемой миром...

Так заройся, певец,
в свою норку, свернись там
мозговитым клубком,
горностаем пушистым.

Сочиняй в темноте,
где живут только тени.
От полярных сияний
не жди озарений.

Зренье не оскверни
светом ярким и желтым,
доверяйся тому,
что на ощупь нашел ты.

О МАТЕРИИ ЯЗЫКОМ МАТЕРИИ

*Искусствоведы о творчестве
Руслана Гудиева*

Московский музей современного искусства (ММОМА) представляет выставку Руслана Гудиева «Фрагмент большой диагонали» — одну из частей тотального проекта, которым, по сути, является творчество художника на протяжении всей его жизни. Почему диагональ? Сам мастер не даст ответа на этот вопрос, как, впрочем, и на любой другой вопрос по поводу расшифровки созданных им абстрактных полотен, так что, как и подобает зрителям современного искусства, возьмем на себя смелость непредвзято переживать и по необходимости самостоятельно интерпретировать представленные на выставке произведения. Возможно, нам удастся различить и проследить траекторию творческого пути живописца, и в качестве отправной точки для этой мысленной диагонали возьмем биографические сведения о художнике.

Руслан Гудиев родился в горном селе Коби в Грузии, затем учился в художественном училище города Цхинвали и на подготовительном отделении Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой. Позволим себе предположить, что величественные пейзажи южных склонов Кавказского хребта, цветастые холмы высокогорья, циклопическая кладка древних родовых крепостей — все это сформировало вкус художника, напитало его глаз разнообразием фактур и цветовых сочетаний, определило витальную живописную манеру. А юношеское увлечение авиамоделированием дало ощущение свободного, не ограниченного ничем, кроме громадных гор, пространства космического масштаба и навык ручного труда, который, несомненно, пригодился не только во время учебы в Ленинграде, но и далее в работе дизайнером и архитектором. До сих пор для большинства своих работ Руслан Гудиев изготавливает обрамление собственноручно.

Годы обучения живописи были прерваны армейской службой, во время которой художник освоил гитару и бас-гитару. Новое увлечение переросло затем в многолетнюю работу в Москонцерте и нескольких музыкальных коллективах. К живописи как к основному занятию Гудиев возвращается в середине 1980-х и довольно

Материал взят из альбома «Руслан Гудиев, 2023: живопись, графика», подготовленного издательством Национального фотоархива ГеоФото и Московским музеем современного искусства (ММОМА).

скоро находит свой основной стиль, который можно охарактеризовать как абстрактный экспрессионизм. В этот период, совпадающий с началом перестроечных перемен в стране, появляются монументальные композиции, построенные на сочетании крупных живописных форм, исполненных темпераментной свободной кистью и кажущихся фрагментами дикой первобытной природы. Эти образы трансформируются в дальнейшем в большие монохромные полотна, походящие на изображения расколотой земной коры и космические инопланетные ландшафты («Лунный пейзаж» из собрания ММОМА), и окажутся удивительно адекватным выражением всего спектра эмоций и ощущений, который возникнет в период тектонических сдвигов в жизни российского общества в 1990-е годы. В резонансе с событиями тех лет на картинах Гудиева будут сталкиваться свет и тьма, структура и хаос, статика и динамика, ясные контуры и пятна-кляксы. Дефицит материалов продиктует художнику выбор специфической техники: красочный пигмент будет смешан с цементом и песком, в результате чего на картинах этого времени будут буквально разверзаться земные недра, а сама манера автора неволью превратится в «живопись действия» — полученная краска будет наноситься на холст руками.

Новые времена поставят художника перед новыми профессиональными вызовами, и так же основательно, как он осваивал музыкальные инструменты, Руслан Гудиев примется за проекты в области архитектуры и дизайна. На какое-то время станковая живопись отойдет на второй план, но как только у художника появится возможность вернуться к своему излюбленному занятию, он вновь возьмется за кисть и станет создавать работы с энергичностью и упорством, присущими ему во всех его творческих начинаниях. Большинство работ нового периода появились в 2010–2020-х годах. Теперь произведения, обогащенные опытом дизайнерских и архитектурных проектов, тяготеют к геометрической абстракции и иногда кажутся близкими к искусству оп-арта: композиции линейно сложны и продуманы, четкие контуры нивелируют ощущение рукотворного рисунка, а яркие цветовые сочетания поражают своей комбинаторикой. Если раннее творчество Гудиева можно было расценивать как зримое воплощение глубинных переживаний и подсознательных процессов, как выражение иррациональной первобытной силы, то работы последнего десятилетия описывают совершенно иной смысловой полюс — современную урбанистическую цивилизацию с ее многомерными структурами, множеством типовых переменных, обилием информации и стимулов. Не случайно появляется несколько работ с названиями «город-день», «город-ночь» — хотя художник, скорее,

позволяет своим близким дать им такие названия, предпочитая все же никак не называть свои произведения, но нумеровать их.

«Цифровизация» названий, не только удобная для автора, но и призванная уберечь картины от излишних попыток найти в них зрительные аналогии с привычным нам миром, также оказывается созвучна нашей цифровой эпохе. Особое место в экспозиции занимает графика — по сути, авторский дневник и лаборатория духа. Не такой монументальный формат, как в станковой картине, и материал — бумага — все это располагает к тому, чтобы проявлять себя спонтанно, не проектируя изображение, а следуя за своим интересом и потребностью в определенном пластическом выражении. Некоторые из графических листов художника похожи на исследование сочетаний форм и цветов, другие подобны символическим видениям — в них проступает то самое неопишное трансцендентное начало, которое под силу «изобразить» только абстракции. Несмотря на стилистические различия картин Гудиева разных периодов, в них реализуется одно общее стремление говорить о мироздании, его устройстве, переживать и отражать универсум с помощью языка абстрактного искусства. Этот язык оказывается адекватным для описания как ничем не ограниченной стихии, так и математически строгой модели вселенной. Очувтившись в концентрированном окружении произведений художника, мы, возможно, и не достигнем уровня носителя этого языка, но наверняка начнем тем или иным образом считывать сообщения, приходящие из мира абсолютов.

Катерина Зайцева

*Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века...*

В. Брюсов

Жизнь полна жестов. Мы учим их язык. Вот жест Вселенной, зажигающей звезды в бездне. Вот жест природы, порождающей кристаллы, горы, стволы деревьев, листву на них. Знаем, что жест тела — танец. Жест звука — песня. Значителен жест руки, держащей кисть. След краски на холсте — память о пробуждении желания творить, о стремлении соприкоснуться с великой немотой Вечности, пребывающей в хаосе, в движении и мраке. Краски могут дать этой тайне голос. Вечность, обретающая жизнь, а следовательно, для

нас — время, обретает и краски, мы же — зрение, чтобы различать их; художники берут холсты, палитры и кисти, чтобы показать этот гигантский и прекрасный процесс.

Мы еще вернемся и напишем историю жестов, оставивших о себе память на холстах. Историю мазков, пятен, фактурных шумов. Вычитаем, наподобие графолога, из таинственных письмен, значков, линий и точек, зигзагов и ромбов, иероглифов и эмблем, спиралей там всяких и магических кругов судьбу мастера. Его страхи, надежды, любовь, его муки, веру, жажду свободы. Мы поймем живопись Гудиева. Живопись, рождающуюся в промежутке между тварным и нетварным, цветом и нецветом, формой и неформой, образом и необразом. Между страхом и надеждой. Живопись, которая трепещет, живет, пульсирует в ритмах Вселенной и в ритмах бесконечного «танца» художника у холста. Он регистрирует реальность неиллюзорным путем, когда материя являлась во всех своих превращениях также и единственной темой.

Не всякому мастеру удается создать ощущение временных полей в картине. Тут мы и начинаем понимать, точнее, уже чувствовать, что во Вселенной время и пространство неоднородны, многомерны. Художественная имитация на холсте или бумаге неровностей, шероховатости бытия создает разрушаемую и восстанавливаемую временем аристическую фактуру-материю. Симметрия дополнена асимметрией: пространственно и физически неподвижные сгустки красок, взаимодействуя между собой и с паузами — интервалами, цезурами, — уже не выглядят зрительно столь «прикрепленными» к своим местам. Неровные ритмы их краев заставляют формы нервно пульсировать. Строгой ориентации линий нет. Тут из пункта «А» не обязательно можно прибыть в пункт «Б». В живописных структурах не господствует математика и геометрия. Господствуют, как в Космосе, силы притяжения и отталкивания, сложное взаимодействие разных величин, больших и малых. Нейтрального, пустого места нет. Как нет и фона в традиционном понимании этого элемента для европейской традиции живописи (так как нет, понятно, перспективы). Зебристые формы, как карты в колоде шулера, сознательно умело перепутаны. Тактильные ценности фактуры проявлены через «пузырящиеся» крохотные точки-лакуны, пупырышки кожи неведомого существа. Если же это некая субстанция, то температура кипения поверхности не определена. Материя одухотворена, дух рвется вон из плена. Царствует торжественная лаконичность. Все как-то неожиданно и вместе с тем продуманно. Одни «швы» и «раны» как бы затягиваются, иные открываются. Словно чернильные пятна распускают свои венчики формы-цветы на поверхности темных вод, под которой мутно посверкивает толченый изумруд.

Такая живопись двухслойна — как в эпоху модерна, когда имелся фон и укрупненные формы. Это свидетельствует о том, что художественные идеи рубежа XIX–XX столетий не утратили своей актуальности, тем более в абстрактном искусстве, самом символическом среди всех символических направлений. Здесь более мощные формы словно движутся, подобно бесконечной киноленте по экрану холста. Почти черно-белые, они колорируются нашим художественным сознанием, тем более что художник в своих «монохромах» дает толчок такому цветному воображению. Его формы, возникая из небытия, или только-только обретают цветность, почти призрачную, или же они, эти формы, отпадают от бытия, теряя цвет на ходу. Гудиеву интересны эти переходные состояния: ставшего — становящегося — исчезающего.

В картинах есть какая-то особенная атмосферичность серого, черного, темно-синего, коричневого, темно-фиолетового и густо-зеленого; это — пленэр Вечности, вечный ноктюрн. Мгла безумствует, но не побеждает. Молнии сплетаются в арабески, вершины гор смыкаются, стволы деревьев мчатся по склонам сознания в небытие, ночь пролетает мимо в черной мантии, магма остывает, коркой покрывая твердь... Матовая поверхность живописных фактур не излучает свет в пространство, а втягивает его из «нашего» пространства в себя. Крадет, если хотите. Тьма фосфоресцирует, играет огнями угасших радуг. В «Помпеях сознания» исчезают силуэты надгробий и мавзолеев («археологией» их увлечен художник). Музыка Вагнера рушит гармонические мелодии хрустальных сфер пифагорейцев. Один хаос, едва организованный, побеждает другой, на мгновение являясь нам благодаря воле художника. Акт дематериализации, фантомизации, какого-то «опризрачивания» — наш, по чувствам, по мыслям. Обретая — теряем. И наоборот.

Активное взаимодействие фактур дает ощущение рождения хаоса из хаоса. Поверхность живописи неровна; пусть рельеф ее невысок, но дает чувство объединения картинного пространства и окружающего. Похищая свет из среды, картины компенсируют это своим физическим вхождением в пространство. Неправильные конфигурации набросаны смелой, если не сказать дерзкой, кистью. Уверенной кистью. Профессиональной кистью, когда кажущаяся случайность попадания краски «наугад» на определенное место холста продиктована громадным опытом работы. В этом и секрет работы мастера, что опыт и импульс составляют одно. Зритель приобщен к открытому процессу созидания. Процесс созидания — процесс восприятия надо рассматривать как единый. Зритель увлечен, точнее завлечен. Он словно присутствует при таинственных метаморфозах, неких ритуальных действиях, смысл

которых ему вовсе не обязательно понимать. Загадочные силы покоряют сами по себе. Художник освобождает от пут себя, но стремится заколдовать зрителя.

Грубо-наивное, эстетски-рафинированное искусство Гудиева является философией вместо философии. Это искусство для читателей Кьеркегора, Ницше, Шпенглера, Хайдеггера, Сартра и Камю, но при этом вовсе не иллюстрация к эзотерике, к учениям дзен-буддизма, средневековой алхимии и каббале. Хотя и провоцирует к медитации, к углублению в мир трансцендентных отношений. То искусство, которое в 1951 году французский критик Мишель Тапье назвал *L'art informel*, искусство «других форм» (буквально «искусство внеформ»). Основу ему закладывали такие мастера, как испанец Антони Тапиес, французы Жан Дюбуффе и Жан Фотрие, итальянец Альберто Бурри. Искусство «психических импровизаций», «спонтанных техник», «открытой формы» (У. Эко), интуитивного и импровизационного понимания «мифологического подсознательного». Оно развивалось параллельно ташизму, лирической абстракции, абстрактному экспрессионизму. Не стоит задумываться, какая традиция привела к развитию стиля творчества Гудиева. Скорее, никакая. Точнее, и многая, и разная. Важно другое, когда в определенном месте, в определенное время возникает некая ситуация безверия в технизм, бездумный урбанизм, псевдоэкологию, социальный прогресс, знание и мудрость, человек обращается к Вечности, учит ее язык, начинает жестикулировать, тревожиться, говорить о материи на языке материи...

Живопись Гудиева описывает не объекты, а среду. Все композиции его, при всей внутренней построенности, кажутся фрагментами гигантского ансамбля; чувство масштаба гудиевским композициям присуще изначально, так что тяге к большим форматам тут не приходится удивляться. Такие размеры должны воздействовать на зрителя физически, а живопись — заражать его своей энергией. Двухслойность живописи, когда пятна и величественные арабески «плывут» словно черные или белые облака над вспаханной темно-серой, темно-коричневой и изумрудной (это краски «фаустовские», трансцендентные; они — оплот духовного на палитре) земель, создает у зрителя ощущение не предстояния перед полотном, а некоего парения, взгляда сверху. Так что тут иная картография ландшафта Вселенной; не Юг и Север, Запад и Восток, не «слева» или «справа», «сверху» или «снизу», а выше или ниже, вглубь или в высоту. Есть ощущение, что живопись эта, как некий омут, затягивает; в нее «ныряешь с головой», безрассудно и доверчиво.

Валерий Турчин

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Цомак ГАДИЕВ

ПЛАЧ ПОЗАБЫТОЙ СТРАНЫ

Элегия

Плач позабытой страны жалобой льется текучей,
Длится преданьем о предках, о доблести, великолепье,
Головы наши окутавши черною тучей,
От очага ледяного уходит в унылые степи.

И водопады утесам вещают о времени давнем,
И ледники вечно плачут над скорбью народа,
Рушатся башни от грохота — камень за камнем,
Как журавлям, внемлет жалобам ширь небосвода.

Глупые грезы ударили сердце, как волны.
Волны напрасно угрюмые моют утесы...
Горькие речи, родясь в сердцевине безмолвной,
Выйдя из сердца, разносятся грустноголосы.

Перевод с осетинского
М. Синельникова

ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ

ПЕРЕВОД С АККАДСКОГО И. ДЬЯКОНОВА

«Эпос о Гильгамеше» — одно из старейших художественных произведений, дошедших до наших дней. Это ключевой текст всей вавилоно-ассирийской литературы; с него, собственно, начинается развитие эпической поэмы как жанра, а в более широком смысле — развитие литературы вообще.

Самое раннее упоминание Гильгамеша датируется 2500 г. до н. э., самое позднее — XI в. н. э. По мнению исследователей, на начальных этапах поэма складывалась в виде изустных, не связанных друг с другом «былин», которые в дальнейшем использовались в качестве исходного материала для создания законченной истории, объединенной сквозным сюжетом.

До нас эпос дошел в виде текстов, записанных клинописными знаками на глиняных таблицах на четырех древних языках Ближнего Востока — шумерском, аккадском, хеттском и хурритском. Наиболее полная версия эпоса, называемая условно ниневийской, представлена четырьмя группами источников: фрагменты таблиц, найденные в библиотеке царя Ашшурбанапала в Ниневии; фрагменты, найденные в городе Ашшур; ученческая копия 7 и 8-й таблиц, найденная в городе Султан-Тепе; фрагменты, найденные в городе Урук (ныне Варка). На основе этих данных и была реконструирована окончательная редакция эпоса, хотя о полном, каноническом варианте истории говорить не приходится: его просто не существует.

Главным героем эпоса является царь Гильгамеш, правящий городом Урук. Однажды он решает обнести город оборонной стеной, и начинается большая стройка. Все работоспособные жители города обязаны «вставать по барабану» и выходить на работу. Многим это не по душе: у юношей не остается сил и времени

на общение с возлюбленными; пожилые родители опасаются, что никогда не понянчат внуков. Тогда горожане взывают к богам, чтобы те утихомирили своенравного царя. Боги слышат эту жалобу и просят богиню-мать Аруру сотворить героя, равного по силе Гильгамешу. Аруру создает Энкиду — получеловека-полузверя, наделенного огромной силой. Предполагается, что Гильгамеш, растрачивая пыл на соперничество с Энкиду, прекращает угнетать своих подданных. В итоге так и происходит: встретившись в бою, никто из противников не может одержать верх, и два воителя становятся лучшими друзьями. Под влиянием этой дружбы деспотичный характер Гильгамеша смягчается: он больше не помыкает подданными, но жажда великих свершений не дает ему покоя. И начинается череда опасных приключений, в результате которых друзья насылают на свои головы гнев богов. Посоветовавшись между собой, боги решают убить Энкиду, а Гильгамеша оставить в живых. Приговоренный Энкиду занемогает и через двенадцать дней испускает дух. Гильгамеш, с трудом пережив эту утрату, проникается страхом смерти — ведь рано или поздно и ему уготована та же участь. Он не находит себе места, все оплакивает погибшего друга, а потом вспоминает о некоем Утнапишти — единственном из смертных, кто, по слухам, знает секрет вечной жизни. Гильгамеш немедленно отправляется на его поиски, чтобы тоже обрести бессмертие.

Об этом странствии повествуют три последние таблицы ниневийской версии эпоса.

Журнал «Дарьял» публикует их целиком.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Дьяконов И. М. Эпос о Гильгамеше: вступ. ст. // Эпос о Гильгамеше («О все издавшем») / пер. с аккадского, вступ. ст. и коммент. И. М. Дьяконова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Серия: Литературные памятники. С. 91–218.

Янковский-Дьяконов А. И. Кто увидел истоки: вступ. ст. // Эпос о Гильгамеше / пер. И. М. Дьяконова, Р. М. Нуруллина; ст., примеч. А. Янковского-Дьяконова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.

ТАБЛИЦА IX

Гильгамеш об Энкиду, своем друге,
 Горько плачет и бежит в пустыню:
 «И я не так ли умру, как Энкиду?
 Тоска в утробу мою проникла,
 Смерти страшусь и бегу в пустыню.
 Под власть Утнапишти¹, сына Убар-Ту²,
 Путь я предпринял, иду поспешно.
 Перевалов горных достигнув ночью,
 Львов я видал, и бывало мне страшно, —
 Главу подымая, молюсь я Сину,
 И ко всем богам идут мои молитвы:
 Как прежде бывало, меня сохраните!»
 Ночью он лег, — от сна пробудившись,
 Видит, львы резвятся, радуясь жизни.
     Боевой топор он поднял рукою,
     Выхватил из-за пояса меч свой, —
 Словно копье, упал между ними,
 Ударял, повергал, убивал и рубил он.

*(Далее недостает приблизительно
30 стихов.)*

Он слышал о горах, чье имя — Машу,
 Как только к этим горам подошел он,
 Что восход и закат стерегут ежедневно,
 Наверху металла небес достигают³,

Печатается по изданию: Эпос о Гильгамеше / пер. И. М. Дьяконова, Р. М. Нуруллина; ст., примеч. А. Янковского-Дьяконова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.

¹ Утнапишти — по верованиям вавилонян, единственный из людей, принятый в собрание богов и тем самым снискавший божественное существование для себя и своей жены. Является вавилонским прообразом библейского Ноя, легендарный царь города Шуруппака (совр. Фара), который по совету бога Эя построил ковчег и спас в нем свою семью, домашний скот, диких зверей и «всех мастеров».

² Убар-Ту — правитель города Шуруппака, около 50 км к северу от Урука.

³ По представлениям вавилонян, земля окаймлена круговым хребтом гор — Плотиной небес; на ней покоятся металлические небесные своды

Внизу — преисподней их грудь достигает, —
 Люди-скорпионы стерегут их ворота:
 Грозен их вид, их взоры — гибель,
 Их мерцающий блеск повергает горы —
 При восходе и закате Солнца они охраняют Солнце, —
 Как только их Гильгамеш увидел —
 Ужас и страх его лицо помрачили.
 С духом собрался, направился к ним он.

Человек-скорпион жене своей крикнул:
 «Тот, кто подходит к нам, — плоть богов — его тело!»
 Человеку-скорпиону жена отвечает:
 «На две трети он бог, на одну — человек он!»

Человек-скорпион Гильгамешу крикнул,
 Потомку богов вещает слово:
 «Почему идешь ты путем далеким,
 Какою дорогой меня достиг ты,
 Реки переплыл, где трудна переправа?
 Зачем ты пришел, хочу узнать я,
 Куда путь твой лежит, хочу узнать я!»

Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:
 «Младший мой брат, гонитель онагров в степи,
 пантер на просторах,
 Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров горных,
 пантер на просторах,
 С кем мы, встретившись вместе, подымались в горы,
 Вместе схвативши, Быка убили,
 В кедровом лесу погубили Хумбабу,
 Друг мой, которого так любил я,
 С которым мы все труды делили,
 Энкиду, друг мой, которого так любил я,
 С которым мы все труды делили, —
 Его постигла судьба человека!

(три, пять или семь), а позади нее находится Мировой Океан, мыслившийся то пресноводной рекой, то водами смерти. Земля плавает на поверхности Океана или прикрывает его, как крышка. В Океане — острова блаженных. В той же Плотине Небес имеются горы-близнецы — Машу, и между ними медные ворота, охраняемые людьми-скорпионами. Через них Солнце-Шамаш ежедневно проходит из преисподней на небеса и обратно уходит с небес длинным ходом, поперек пересекающим гору Плотины Небес и выходящим к Мировому Океану, по-видимому сообщаемому с преисподней.

Шесть дней миновало, семь ночей миновало,
 Пока в его нос не проникли черви.
 Устрашился я смерти, не найти мне жизни:
 Мысль о герое не дает мне покоя!
 Дальней дорогой бегу в пустыне:
 Мысль об Энкиду, герое, не дает мне покоя —
 Дальним путем скитаюсь в пустыне!
 Как же смолчу я, как успокоюсь?
 Друг мой любимый стал землею!
 Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
 Так же, как он, и я не лягу ль,
 Чтоб не встать во веки веков?
 Теперь же, скорпион, тебя я встретил, —
 Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!
 [.....] [.....]
 К Утнапшти, отцу моему, я иду поспешно,
 К тому, кто, выжив, в собрание богов был принят
 и жизнь обрел в нем:
 Я спрошу у него о жизни и смерти!»

Человек-скорпион уста открыл и молвит,
 вещает он Гильгамешу:

«Никогда, Гильгамеш, не бывало дороги,
 Не ходил никто еще ходом горным:
 На двенадцать поприщ⁴ простирается внутрь он:
 Темнота густа, не видно света —
 При восходе Солнца закрывают ворота,
 При заходе Солнца открывают ворота,
 При заходе Солнца опять закрывают ворота.
 Выводят оттуда только Шамаша боги,
 Опаляет живущих он сияньем, —
 Ты же — как ты сможешь пройти тем ходом?
 Ты войдешь и больше оттуда не выйдешь!»

(Далее недостает более 50 стихов.)

Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:
 «[.....] [.....]

⁴ Поприще — расстояние двух часов ходу по ровной дороге.

В тоске моей плоти, в печали сердца,
И в жар и в стужу, в темноте и во мраке,
Во вздохах и плаче — вперед пойду я!
Теперь открой мне ворота в горы!»

Человек-скорпион уста открыл и молвит,
вещает он Гильгамешу:

«Иди, Гильгамеш, путем своим трудным,
Гóры Мáшу ты да минуешь,
Леса и горы да пройдешь отважно,
Да вернешься обратно благополучно!
Ворота гор для тебя открыты».
Гильгамеш, когда услышал это,
Человеку-скорпиону был послушен,
По дороге Шамаша стопы он направил.
Первое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Второе поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Третье поприще пройдя, он вспять обратился.

*(В следующих недостающих 18 стихах,
вероятно, объяснялось, почему Гильгамеш решил
вновь предпринять путь сквозь подземелье
на краю света.)*

С духом собрался, вперед зашагал он.
Четвертое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Пятое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Шестое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Седьмое поприще пройдя, он прислушался к мраку:
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.

Восьмое поприще пройдя, в темноту он крикнул:
 Темнота густа, не видно света,
 Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
 На девятом поприще холодок он почувал —
 Дыхание ветра его лица коснулось, —
 Темнота густа, не видно света,
 Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
 На десятом поприще стал выход близок —
 Но как десять поприщ поприще это.
 На одиннадцатом поприще пред рассветом брезжит,
 На двенадцатом поприще свет появился,
 Поспешил он, рощу из каменьев увидев:
     Сердолик плоды приносит,
 Гроздьями увешан, на вид приятен.
     Лазурит растет листвою —
 Плодоносит тоже, на вид забавен.

*(Далее недостает 34 стихов. Сохранились отрывки
 дальнейшего описания волшебного сада.)*

Гильгамеш, проходя по саду каменьев,
 Очи поднял на это чудо.

ТАБЛИЦА X

Сидури — хозяйка богов⁵, что живет на обрыве у моря,
 Живет она и брагой их угощает:
 Ей дали кувшин, ей дали золотую чашу —
 Покрывалом покрыта, незрима людям.
 Гильгамеш приближается к ее жилищу,
 Шкурой одетый, покрытый прахом,
 Плоть богов таится в его теле,
 Тоска в утробе его обитает,
 Идущему дальним путем⁶ он лицом подобен.
 Хозяйка издали его увидала,
 Своему она сердцу, помыслив, вещает,

⁵ Сидури — «шинкарка богов», держательница божественной пивной, перевод «хозяйка» это подразумевает.

⁶ «Идущий дальним путем» — т. е. мертвец.

Сама с собою совет она держит:
 «Наверное, это убийца буйный,
 Кого хорошего тут увидишь?»
 Увидав его, хозяйка затворила двери,
 Затворила двери, засов заложила.
 А он, Гильгамеш, тот стук услышал,
 Поднял лицо и к ней обратился.

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

«Хозяйка, ты что увидала, зачем затворила двери,
 Затворила двери, засов заложила?
 Ударю я в дверь, разломаю затворы!»
 [.....] [.....]
 [.....] [.....]

Сидури-хозяйка крикнула Гильгамешу,
 Потомку богов вещает слово:

«Почему идешь ты путем далеким,
 Какою дорогой меня достиг ты,
 Реки переплыл, где трудна переправа?
 Зачем ты пришел, хочу узнать я,
 Куда путь твой лежит, хочу узнать я!»

Гильгамеш ей вещает, хозяйке Сидури:

«Я — Гильгамеш, убивший стража леса,
 В кедровом лесу погубивший Хумбабу,
 Сразивший Быка, что спустился с неба,
 Перебивший львов на перевалах горных».

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:

«Если ты — Гильгамеш, убивший стража леса,
 В кедровом лесу погубивший Хумбабу,
 Сразивший Быка, что спустился с неба,
 Перебивший львов на перевалах горных, —
 Почему твои щеки впали, голова поникла,
 Печально сердце, лицо увяло,
 Тоска в утробе твоей обитает,
 Идущему дальним путем ты лицом подобен,
 Жара и стужа лицо опалили,
 И марева ищешь, бежишь по пустыне?»

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
 Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
 Тоске в утробу мою не проникнуть,

Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне?
Младший мой брат, гонитель онагров в степи,
пантер на просторах,
Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи,
пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, подымались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
Энкиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!
Шесть дней, семь ночей над ним я плакал,
Не предавая его могиле, —
Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос?
Пока в его нос не проникли черви!
Устрашился я смерти, не найти мне жизни!
Словно разбойник, брожу в пустыне:
Слово героя не дает мне покоя —
Дальней дорогой бегу в пустыне:
Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя —
Дальним путем скитаюсь в пустыне:
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею!
Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?
Теперь же, хозяйка, тебя я встретил —
Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!»
Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,

Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омойся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!»

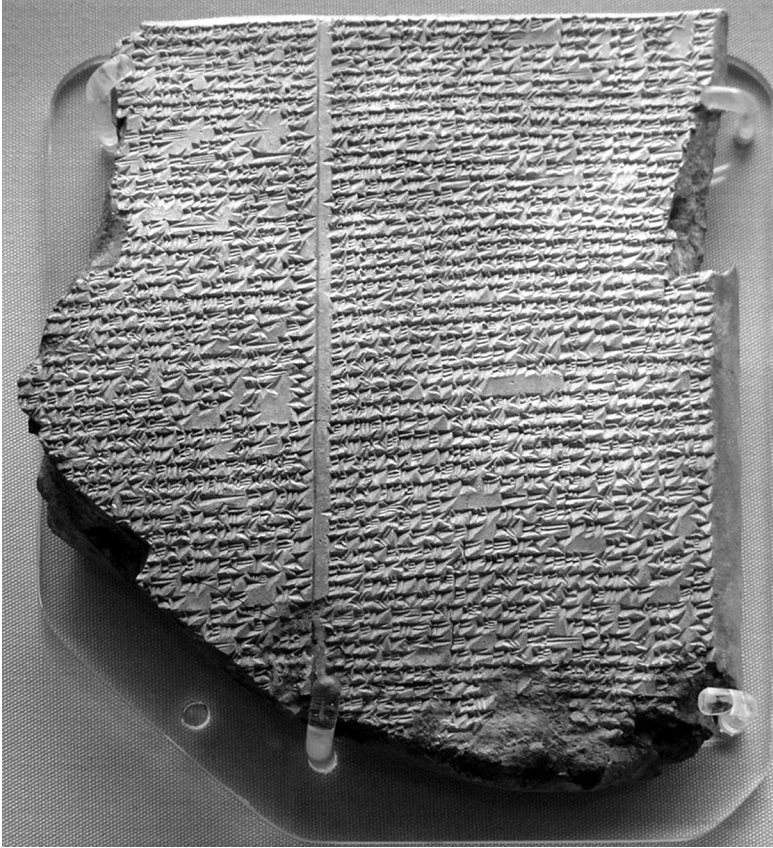
Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

«Теперь, хозяйка, — где путь к Утнапишти?
Каков его признак, — дай ты его мне.
Дай же ты мне пути того признак:
Если возможно — переправлюсь морем,
Если нельзя — побегу пустыней!»

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:

«Никогда, Гильгамеш, не бывало переправы,
И не мог переправиться морем никто, здесь
бывавший издревле, —

Шамаш-герой переправится морем, —
Кроме Шамаша, кто это может?
Трудна переправа, тяжела дорога,
Глубоки воды смерти, что ее преграждают.
А что, Гильгамеш, переправившись морем —
Вод смерти достигнув, — ты будешь делать?
Есть, Гильгамеш, Уршанаби, корабельщик Утнапишти,
У него есть идолы, в лесу он ловит змея;
Найди его и с ним повидайся;
Если возможно — с ним переправься,
Если нельзя, то вспять обратися».
Гильгамеш как услышал эти речи,
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,
Меж деревьев углубился в заросль,
Словно копье, упал между ними,
Идолов разбил во внезапном буйстве,
Змея волшебного нашел среди леса,
Удушил его своими руками.
Когда же Гильгамеш насытился буйством,
В его груди успокоилась ярость,
Сказал он в своем сердце: «Не найти мне лодки!
Как одолею воды смерти,
Как переправлюсь чрез широкое море?»

Обломок клинописной таблички из библиотеки
Ашшурбанапала. VII в. до н. э.

Гильгамеш удержал свое буйство,
 Из лесу вышел, к Реке спустился.
 По водам Уршанаби плыл на лодке,
 Лодку к берегу он направил.
 Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
 «Я — Гильгамеш, таково мое имя,
 Что пришел из Урука, дома Ану,
 Что бродил по горам путем далеким с восхода Солнца».
 Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
 «Почему твои щеки впали, голова поникла,
 Печально сердце, лицо увяло,

Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Теперь, Уршанаби, — где путь к Утнапишти?
Каков его признак — дай его мне ты!
Дай же ты мне пути того признак:
Если возможно — переправлюсь морем,
Если нельзя — побегу пустыней!»

Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
«Идолы те, Гильгамеш, мне оберегом были,
Чтобы я не прикоснулся к водам смерти;
В ярости твоей ты идолы разрушил —
Без тех идолов тебя переправить трудно,
Возьми, Гильгамеш, топор в свою руку,
Углубися в лес, наруби шестов там,
Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен,
Осмоли, сделай лопасти и мне принеси их».
Гильгамеш, услышав эти речи,
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,
Углубился в лес, нарубил шестов там,
Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен, —
Осмолил, сделал лопасти, к нему принес их.
Гильгамеш и Уршанаби шагнули в лодку,
Столкнули лодку на волны и на ней поплыли,
Путь шести недель за три дня совершили,
И вступил Уршанаби в воды смерти.

Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
«Отстанись, Гильгамеш, и шест возьми ты,
Воды смерти рукою не тронь, берегися!
Второй, третий и четвертый, Гильгамеш, возьми ты,
Пятый, шестой и седьмой, Гильгамеш, возьми ты,
Восьмой, девятый и десятый, Гильгамеш, возьми ты,
Одиннадцатый и двенадцатый, Гильгамеш, возьми ты».
На сто двадцатом кончились шесты у Гильгамеша,
И развязал он препоясанье чресел,
Скинул Гильгамеш одежду, ее развернул он,
Как парус, ее руками поднял.
Утнапишти издали их увидел,
Помыслив, сердцу своему вещает,
Сам с собою совет он держит:

Не предавая его могиле,
 Пока в его нос не проникли черви.
 Устрашился я смерти и бегу в пустыне —
 Слово героя не дает мне покоя,
 Дальней дорогой брожу в пустыне —
 Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя!
 Как же смолчу я, как успокоюсь?
 Друг мой любимый стал землею,
 Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
 Так же, как он, и я не лягу ль,
 Чтоб не встать во веки веков?»⁷

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
 «Я же, чтоб дойти до дальнего Утнапишти,
 Чтоб увидеть того, о ком ходит преданье,
 Я скитался долго, обошел все страны,
 Я взбирался на трудные горы,
 Через все моря я переправлялся,
 Сладким сном не утолял свои очи,
 Мучил себя непрерывным бдением,
 Плоть свою я наполнил тоскою,
 Не дойдя до хозяйки богов, сносил я одежду,
 Убивал я медведей, гиен, львов, барсов и тигров,
 Оленей и серн, скот и тварь степную,
 Ел их мясо, их шкурой ублажал свое тело;
 При виде меня хозяйка заперла двери,
 Смолой и киром обмазал шести я;
 Когда плыл на ладье, не тронул воды я, —
 Да найду я жизнь, которую ищу я!»

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
 «Почему, Гильгамеш, ты исполнен тоскою?
 Потому ль, что плоть богов и людей в твоём теле,
 Потому ль, что отец и мать тебя создали смертным?
 Ты узнал ли — когда-то для смертного Гильгамеша
 Было ль в собрание богов поставлено кресло?
 Даны ему, смертному, пределы:
 Люди — как пахтанье, боги — как масло,
 Человеки и боги — как мякина и пшеница!

⁷ Здесь ожидалась бы реплика Утнапишти, однако она отсутствует в имеющихся списках.

Поспешил ты шкурою, Гильгамеш, облечься,
 И что царскую перевязь ее ты носишь, —
 Потому что — нет у меня для тебя ответа,
 Слова совета нет для тебя никакого!
 Обрати лицо свое, Гильгамеш, к твоим людям:
 Почему их правитель рубище носит?
 [.....] [.....]

*(Далее недостает приблизительно
 25 стихов.)*

Ярая смерть не щадит человека:
 Разве навеки мы строим дома?
 Разве навеки ставим печати?
 Разве навеки делятся братья?
 Разве навеки ненависть в людях?
 Разве навеки река несет полые воды?
 Стрекозой навсегда ль обернется личинка?
 Взора, что вынес бы взоры Солнца,
 С давних времен еще не бывало:
 Пленный и мертвый друг с другом схожи —
 Не смерти ли образ они являют?
 Человек ли владыка? Когда Эллиль благословит их,
 То собираются Ануннаки, великие боги,
 Мамет⁸, создавшая судьбы, судьбу с ними вместе судит:
 Они смерть и жизнь определили,
 Не поведали смертного часа,
 А поведали: жить живому!»

ТАБЛИЦА XI

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
 «Гляжу на тебя я, Утнапишти,
 Не чуден ты ростом — таков, как и я, ты,
 И сам ты не чуден — таков, как и я, ты.
 Не страшно мне с тобою сразиться;
 Отдыхая, и ты на спину ложишься —
 Скажи, как ты, выжив, в собрание богов был принят
 и жизнь обрел в нем?»

⁸Мамет — древнейшая богиня-мать.

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:

«Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
 И тайну богов тебе расскажу я.
 Шуруппак, город, который ты знаешь,
 Что лежит на бреге Евфрата, —
 Этот город древен, близки к нему боги,
 Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
 Совещались отец их Ану, Эллиль, герой, их советник,
 Их гонец Нинурта, их мираб Энну́ги⁹.
 Светлоокий Эйа с ними вместе клялся,
 Но хижине он их слово поведал:
 “Хижина, хижина! Стенка, стенка!
 Слушай, хижина! Стенка, запомни!
 Шуруппакиец, сын Убар-Туту,
 Снеси жилище, построй корабль,
 Покинь изобилье, заботься о жизни,
 Богатство презри, спасай свою душу!
 На свой корабль погрузи все живое.
 Тот корабль, который ты построишь,
 Очертаньем да будет четырехуголен,
 Равны да будут ширина с длиною,
 Как Океан, покрой его кровлей!”
 Я понял и вещаю Эйе, владыке:
 “То слово, владыка, что ты мне молвил,
 Почтить я должен, все так и исполню.
 Что ж ответить мне граду — народу и старцам?”
 Эйа уста открыл и молвит,
 Мне, рабу своему, он вещает:
 “А ты такую им речь промолви:
 “Я знаю, Эллиль меня ненавидит, —
 Не буду я больше жить в вашем граде,
 От почвы Эллиля стопы отвращу я.
 Спущусь к Океану, к владыке Эйе!
 А над вами дождь прольет он обильно,
 Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
 На земле будет всюду богатая жатва,
 Утром хлынет ливень, а ночью
 Хлебный дождь вы узрите воочью”.

⁹ Энну́ги — прозвище бога подземного царства и подземных вод.

Едва занялось сияние утра,
По зову моему весь край собрался,

[.....] [.....]
[.....] [.....]

Всех мужей я призвал на повинность —
Домá сносили, разрушали ограду.

Ребенок смолу таскает,

Сильный в корзинах снаряжение носит.

В пятеро суток заложил я кузов:

Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотой,
По сто двадцать локтей края его верха¹⁰.

Заложил я обводы, чертеж начертил я:

Шесть в корабле положил я палуб,

На семь частей его разделивши ими;

Его дно разделил на девять отсеков,

Забил в него колки водяные¹¹,

Выбрал я руль, уложил снаряжение.

Три меры кира¹² в печи расплавил;

Три меры смолы туда налил я,

Три меры носильщики натаскали елея:

Кроме меры елея, что пошла на промазку,

Две меры елея спрятал кормчий.

Для жителей града быков колол я,

Резал овец я ежедневно,

Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным и белым

Народ поил, как водой речною,

И они пировали, как в день новогодний.

Открыл я благовонья, умастил свои руки.

Был готов корабль в час захода Солнца.

Сдвигать его стали — он был тяжелым,

Подпирали кольями сверху и снизу,

Погрузился он в воду на две трети.

Нагрузил его всем, что имел я,

Нагрузил его всем, что имел серебра я,

¹⁰ Площадь ковчега была равна 1 «ику» — около 1/3 га, высота «стен» (бортов) 10 «гар» — около 60 м; каждая сторона также 60 м.

¹¹ Что такое «водяные колки» («клинья вод») — неясно.

¹² Кир — название группы природных битумов. Битум широко применялся в постройке тростниковых судов на юге Ирака.

Нагрузил его всем, что имел я злата,
 Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
 Поднял на корабль всю семью и род мой,
 Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.

Время назначил мне Шамаш:

“Утром хлынет ливень, а ночью
 Хлебный дождь ты узришь воочью, —
 Войди на корабль, засмоли его двери”.

Настало назначенное время:

Утром хлынул ливень, а ночью
 Хлебный дождь я увидел воочью.

Я взглянул на лицо погоды —

Страшно глядеть на погоду было.
 Я вошел на корабль, засмолил его двери —
 За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри
 Чертог я отдал и его богатства.

Едва занялось сияние утра,
 С основанья небес встала черная туча.

А́дду гремит в ее середине,
 Шу́ллат и Ха́ниш¹³ идут перед нею,
 Идут гонцы горой и равниной,

Э́рагаль¹⁴ вырывает жерди плотины,

Идет Нинурта, гать¹⁵ прорывает,
 Зажгли маяки Анунна́ки¹⁶,
 Их сияньем они тревожат землю.

Из-за Адду цепенеет небо,
 Что было светлым, во тьму обратилось,
 Вся земля, как горшок, раскололась.

Первый день бушует Южный ветер,
 Быстро налетел, затопляя горы,
 Словно войною, настигая землю.

Не видит один другого,

¹³ Адду — бог дождя и грозы, Шуллат и Ханиш — его гонцы.

¹⁴ Эрра — бог чумы и войны.

¹⁵ Имеется в виду так называемый водослив, гидротехническое сооружение (в древности из вязанок тростника), часто использующееся для контроля за стоком рек и каналов в древнем и современном Двуречье.

¹⁶ Считалось, что большинство богов из рода Ануннаков обитали на земле и под землей, поэтому-то они и пытаются спасти землю. А Нергал принадлежал к небесному роду богов — Игигам.

И с небес не видать людей.
Боги потопа уstraшились,
Поднялись, удалились на небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.
Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
“Пусть бы тот день обратился в глину,
Раз в совете богов я решила злое,
Как в совете богов я решила злое,
На гибель людей моих войну объявила?
Для того ли рожаю я сама человеков,
Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!”
Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.
Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.
Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море — тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
Я пал на колени, сел и плачу,
По лицу моему побежали слезы.
Стал высматривать берег в открытом море —
В двенадцати поприщах поднялся остров,
У горы Ницир корабль остановился.
Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
Один день, два дня гора Ницир держит корабль,
не дает качаться.
Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль,
не дает качаться.
Пять и шесть гора Ницир держит корабль,
не дает качаться.
При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:

Места не нашел, прилетел обратно.
 Вынес ласточку и отпустил я;
 Отправившись, ласточка назад вернулась:
 Места не нашла, прилетела обратно.
 Вынес ворона и отпустил я;
 Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
 Не вернулся; каркает, ест и гадит.
 Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
 На башне горы совершил воскуренье:
 Семь и семь поставил курильниц,
 В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
 Боги почуяли запах,
     Боги почуяли добрый запах,
 Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.
 Как только прибыла богиня-мать,
     Подняла она большое ожерелье,
 Что Ану изготовил ей на радость:
 “О боги! У меня на шее лазурный камень —
 Как его воистину я не забуду,
 Так эти дни я воистину помню,
 Во веки веков я их не забуду!
 К жертве все боги пусть подходят,
 Элليلь к этой жертве пусть не подходит,
 Ибо он, не размыслив, потоп устроил
 И моих человек обрек истребленью!”
 Элليلь, как только туда он прибыл,
 Увидев корабль, разъярился Элليلь,
 Исполнился гневом на богов Игигов¹⁷:
 “Какая это душа спаслася?
 Ни один человек не должен был выжить!”
 Нинурта уста открыл и молвит,
 Ему вещает, Элليلю, герою:
 “Кто, как не Эйа, замыслы строит,
 И Эйа ведает всякое дело!”
 Эйа уста открыл и молвит,
 Ему вещает, Элليلю, герою:
 “Ты — герой, мудрец меж богами!

¹⁷ Игиги — боги шумеро-аккадского пантеона, обитающие на небесах, в отличие от Анунаков, действовавших преимущественно на земле и под землей. Однако Нергал, бог преисподней, тоже относился к Игигам.

Как же, как, не размыслив, потоп ты устроил?
 На согрешившего грех возложи ты,
 На виноватого вину возложи ты, —
 Удержись, да не будет погублен, утерпи, да не будет
 повержен!

Чем бы потоп тебе делать,
 Лучше лев бы явился, людей поубавил!
 Чем бы потоп тебе делать,
 Лучше волк бы явился, людей поубавил!
 Чем бы потоп тебе делать,
 Лучше голод настал бы, разорил бы землю!
 Чем бы потоп тебе делать,
 Лучше мор настал бы, людей поразил бы!
 Я ж не выдал тайны богов великих —
 Многомудрому¹⁸ сон я послал, и тайну богов постиг он.
 А теперь ему совет посоветуй!”

Поднялся Эллиль, взошел на корабль,
 Взял меня за руку, вывел наружу,
 На колени поставил жену мою рядом,
 К нашим лбам прикоснулся, встал между нами,
 благословлял нас:

“Доселе Утнапишти был человеком,
 Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен,
 Пусть живет Утнапишти при устье рек, в отдаленье!”
 Увели меня вдаль, при устье рек поселили.
 Кто же ныне для тебя богов собрал бы,
 Чтоб нашел ты жизнь, которую ищешь?
 Вот шесть дней и семь ночей не поспи-ка!»
 Только он сел, раскинув ноги, —
 Сон дохнул на него, как мгла пустыни.

Утнапишти ей вещает, своей подруге:
 «Посмотри на героя, что хочет жизни!
 Сон дохнул на него, как мгла пустыни».
 Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
 «Прикоснись к нему, человек да проснется!
 Тем же путем да вернется спокойно,
 Через те же ворота да вернется в свою землю!»
 Утнапишти ей вещает, своей подруге:
 «Лжив человек! Тебя он обманет:

¹⁸ Многомудрый — *акк. atra hasis, здесь: Утнапишти.*

Вот, пеки ему хлеба, клади у изголовья,
 И дни, что он спит, на стене помечай-ка».

Пекла она хлеба, клала у изголовья,
 И дни, что он спит, на стене отмечала.
 Первый хлеб его развалился,
 Треснул второй, заплесневел третий,
     Четвертый — его побелела корка,
 Пятый был черствым, шестой был свежим,
 Седьмой — в это время его он коснулся, и тот пробудился.

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
 «Одолел меня сон на одно мгновенье —
     Ты меня коснулся, пробудил сейчас же».

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
 «Встань, Гильгамеш, хлеба сосчитай-ка,
 И дни, что ты спал, тебе будут известны:
     Первый твой хлеб развалился,
 Треснул второй, заплесневел третий,
     Четвертый — его побелела корка,
 Пятый был черствым, шестой был свежим,
 Седьмой — в это время ты пробудился».

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
 «Что же делать, Утнапишти, куда пойду я?
 Плотью моей овладел Похититель¹⁹,
 В моих покоях смерть обитает,
 И куда взор я ни брошу — смерть повсюду!»

Утнапишти ему вещает, корабельщику Уршанаби:
 «Не тебя пусть ждет пристань, перевоз тебя пусть забудет;
 Кто на берег пришел, тот к нему и стремися²⁰!
 Человек, которого привел ты, — рубище связало его тело,
 Погубили шкуры красоту его членов.
 Возьми, Уршанаби, отведи его умыться,
 Пусть свое платье он добела моет,
 Пусть сбросит шкуры — унесет их море.
     Прекрасным пусть станет его тело,

¹⁹ Похититель — бог судьбы, приходящий за умирающим.

²⁰ Этими загадочными словами Утнапишти намекает Гильгамешу на волшебные свойства воды у берега моря; они способны все обновлять. Но Гильгамеш понимает его буквально и обновляет только свою одежду, а не самого себя! Объяснение принадлежит А.-Л. Оппенгейму.

Новой повязкой главу пусть повяжет,
Облаченье наденет, наготу прикроет.
Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым!»
Взял его Уршанаби, отвел его умыться,
Добела вымыл он свое платье,
Сбросил шкуры — унесло их море,

    Прекрасным стало его тело,
Новой повязкой главу повязал он,
Облаченье надел, наготу прикрыл он.
Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым.
Гильгамеш с Уршанаби шагнули в лодку,
Столкнули лодку на волны и на ней поплыли.

Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Гильгамеш ходил, уставал и трудился, —
Что ж ты дашь ему, в свою страну да вернется?»
А Гильгамеш багор уже поднял,
Лодку к берегу он направил.

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш, ты ходил, уставал и трудился, —
Что ж мне дать тебе, в свою страну да вернешься?
Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок — как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколуют.
Если этот цветок твоя рука достанет —
    Ты к юности опять возвратишься».
Когда Гильгамеш услышал это,
Открыл он крышку колодца,
Привязал к ногам тяжелые камни,
Утянули они его в глубь Океана²¹.
Он схватил цветок, уколов свою руку;
От ног отрезал тяжелые камни,
Вынесло море его на берег.

Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:

²¹ С Океаном может сообщаться достаточно глубокий колодец.

«Уршанаби, цветок тот — цветок знаменитый,
Ибо им человек достигает жизни.
Принесу его я в Урук огражденный,
Накормлю народ мой, цветок испытаю:
Если старый от него человек молодеет,
Я поем от него — возвратится моя юность».

Через двадцать поприщ отломили ломтик,
Через тридцать поприщ на привал остановились.
Увидал Гильгамеш водоем, чьи холодны воды,
Опустился в него, окунулся в воду.
Змея цветочный учуяла запах,
Из норы поднялась, цветок утащила,
Назад возвращаясь, сбросила кожу.
Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
По щекам его побежали слезы;

Обращается к кормчему Уршанаби:
«Для кого же, Уршанаби, трудились руки?
Для кого же кровью истекает сердце?
Себе самому не принес я блага,
Доставил благо льву земляному!
За двадцать поприщ теперь уж качает цветок пучина,
Открывая колодец, потерял я орудья, —
Нечто нашел я, что мне знаменьем стало, да отступлю я!
И на берегу я ладью оставил!»

Через двадцать поприщ отломили ломтик,
Через тридцать поприщ на привал остановились,
И прибыли они в Урук огражденный.

Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Поднимись, Уршанаби, пройди по стенам Урука,
Обозри основание, кирпичи ощупай —
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецами?»

Андрей РАСТОРГУЕВ

ОСЕТИНСКИЕ МОТИВЫ

СТИХИ

Валерию Цариеву и Залине Басиевой

ПОКРОВ В АЛАГИРЕ

Влаги в достатке наверняка
не наморожено для засева...
Тихо идут на юга снега —
теплая осень по всей России.

Залит Урал, побелел Алтай —
вроде не поровну непогода.
Но всей воде приказать «Не тай!»
не позволяет себе природа...

А в Алагире листва пока
только позолотила скалы,
реку не выстудили облака —
тою водою не сводит скулы.

Но погляди — на груди хребтов
вечная белизна блеснула...
Вот и над этой землей покров
вновь Богородица распахнула.

«КАЗБЕК»

Новым утром вечный снег
в небесах засеребрился —
в странной близости Казбек
над горами проявился.

И тотчас без долгих фраз
догадался я, что с детства
мне достался по наследству
городок Владикавказ.

Не Кавказскою войной,
что поближе или дальней,
а историей иной —
ни серьезней, ни печальней.
Просто вспомнил наконец
я почти через полвека,
сколько этого «Казбека»
в жизни выкурил отец.

По две пачки папирос
в дым переводил табачный,
несказуемый вопрос
разрешая неудачно.
То ли -ши, а то ли -жи —
это в школе все понятно.
Отчего на солнце пятна —
почитай да расскажи.

Всё скурил он за меня,
выпил всё, наверно, тоже —
ничего не подытожил
до решительного дня...
Да собрался я пока
снова с темою вопросной —
над горою папиросной
задымились облака.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Не на серебре и хрустале
мать с отцом растили Заурбека.
Он и сам до окончання века
неизменно прожил на земле.
Было той землицы не с орех —
соток тридцать пять величиною.
Четверо детей да сам с женою —
управлялись, жаловаться грех.

Был хороший дом из кирпича —
словом, было что оставить сыну...
А сынок уехал на чужбину —
кровь была, наверно, горяча.

Хоть не за граница, а Москва,
осетину вроде не чужая —
проку нет с нее для урожая,
если роду сын не голова.
А в дому остались три сестры
по сюжету театральной пьесы,
но у них к столицам интересы
не совсем, наверно, остры.
Хоть ружье известное в пыли,
было из него стреляться в пору:
сын пошел в актеры-режиссеры,
вот и оторвался от земли...

Так и ныне. Три сестры в селе,
в гости брат наездами бывает.
Никого никто не забывает
на еще возделанной земле.
И от напряженья не дрожать
сил еще хватает — и пытаться
на земле и в небе удержаться,
устоять и небо удержать.

ОСЕТИНСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

Чаши доверху налиты —
небу возвестим...
Начинается с молитвы
пир у осетин.
У него есть не примерный —
непременный строй:
за Всевышнего — тост первый,
Уастырджи¹ — второй.
А решать, какие дальше
речи и дела, —

¹ Уастырджи — покровитель мужчин, путников и воинов в традиционной религии осетин, самое почитаемое божество в осетинской мифологии, один из героев нартского эпоса.

на пиру есть трое старших
во главе стола.

Не по собственному праву,
а по родовому,
как церковному уставу
или строевому,
длится стойко и не бойко,
а почти послушно
не унылая попойка —
храмовая служба.

Ни с соседом поругаться,
ни вразнос напиться...
А не хочешь напрягаться —
нечего садиться.

ПАНЦИРЬ

Целя хобот почти на зенит,
в ожиданье зимы ненапрасном
в Алагире зенитка стоит
не на танко- — лавиноопасном.

И в Дарьяльском ущелье не тыл:
на особенный случай тревоги
«Панцирь» узкое горло прикрыл
у Военно-Грузинской дороги.

Время снова рвануть норовит,
словно порох, зажатый в патроне...
И везде ожидай: прилетит.
И всегда будь готов к обороне.

СНЕГОПАД ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

Погода помешкала было —
и снежной водою на раз
засыпала, заволокла
подоблачный Владикавказ.

Когда не глядеть исподлобья
в дорожную топь невпопад —
такие веселые хлопья
из хляби небесной летят!

Скукоженный в тряской сидушке,
от долгой дороги угрюм,
едва различаемый Пушкин
еще не приехал в Арзрум.

В годах молодых одинаков,
хотя отдаленный на сто,
здоровьем рискуя, Булгаков
в расстегнутом вышел пальто.

Суровые до сердцевины,
но сердце держа нараспах,
спокойно стоят осетины
под копнами белых папах.

Старейшина с модной бородкой,
как будто сойдя из кино,
сгоняет сугробины щеткой
с выдавшего виды «Рено».

И, на проезжающих мимо
не поворотя головы,
над Терекком невозмутимо
лежат золоченые львы.

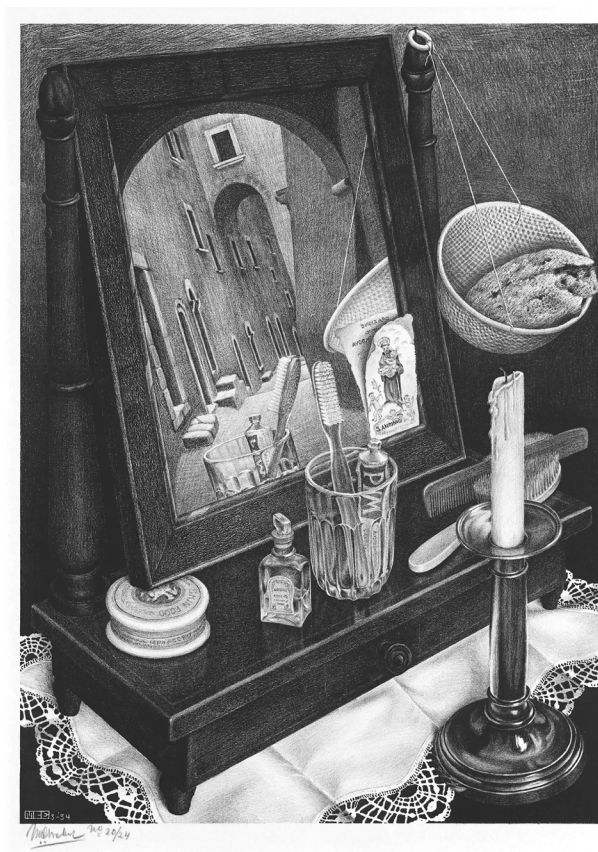
30 ноября 2024 г. — 18 ноября 2025 г.
Владикавказ — Екатеринбург

Дина ДРОНФОРТ

«НА ЧАСАХ
ПОЛОВИНА ЖИЗНИ»

СТИХИ

ТОПОЛЯ В ТОМИЛИНО

А если времени нарушу
закон, а если я вернусь?
Найду излом знакомой крыши,
в проулка реку окунусь.

Косые тени вольно лягут,
и в луже синего стекла
далекое хлопот и тягот
апреля солнце. Тополя

ветвятся золотом пролитым,
парит и стынет птичья трель.
Сугроб хрустальным сталактитом
струится в талую купель...

Там день без счета и обмана.
Там смех позволен ни о чем.
Бессмертны все. И ангел-мама
неутомима за плечом.

ФЛЮГЕР

Когда был жив мой папа, он поминок
из жизни не устраивал. Он умер
в библейском возрасте,
оставив только снимок
и двух детей на память маме-дуре.

И мамочка на жизнь сдавать экзамен
отправилась с протянутой рукою.
Хотя бы кто-то
        положил ей просто камень —
простила б все родному Подмосквью.

Кто рано, кто попозже — зреют чада,
плывут гурьбой на западную заводь.
Европа им была
        не скажешь чтобы рада,
но, поворчав, легла под русский лапоть.

Теперь я флюгер — ржавое коленце.
Все ветры дуют где-то на востоке.
— Кто ты теперь? —
        неисцелимо скрипнет сердце
и бьется оземь вдребезги на строки.

ВАМ

Подстрочья тайные ловлю,
следов цепочки разбираю
в надежде, что свою петлю
        вот-вот узнаю...

Напрасно. Поступью теней
бесследно я прошелестела
календарями ваших дней
        и не задела.

ЗВОНОК

На часах половина жизни.
Значит, жить еще половину.
Губкой, смоченной в оптимизме,
растворяю лица патину
и звоню. Зеркала, кувшины,
пополуденный сизый гам...

В ГОСТЯХ

Нега кресла в сумраке террасы,
ленное мерцание луны
скрасят неуют надбитой вазы
и гравюр, мертвящих со стены.

Теплятся истории чужие,
и часы отсчитывают вспять...
Здесь когда-то царь с царицей жили,
Их довеку стенам поминать.

Где твоя царица, хитрый старче?
Держишь на отшибе взаперти?
Молодую встретил, не иначе,
на греха истоптанном пути.

Ей на троне — ох, не усидится.
Перышки почистив от невзгод,
упорхнет, соскучившись в царицах,
и в цари тебя не позовет.

НЕПЛОХО

Неплохо жить и с маленьким приветом
витийствовать на общую луну.
А можно в полный голос — в рупор нета —
охаивать родимую страну.
Пока она трепещет, чуть живая,
молиться на рассвет и петуха,
спасителя вызванивать из рая,
пеньять отчизне, как она плоха.

Но лучше — издалёка, с гайд-пенёчка
вещать, не сведав суммы дважды двух,
о злой планиде родины порочной
и ждать, когда она испустит дух,
рифмуя обличительные речи,
проклятьем унавожены слегка...

А мне кобылку бурую запречь бы
и к Пушкину — по утренним снегам!

ХОККУ

ПЕРЕВОД В. МАРКОВОЙ

Уэдзима Оницура
(1661–1738)

Некуда воду из чана
Выплеснуть мне теперь...
Всюду поют цикады!

Ёса Бусон
(1716–1783)

Луна так ярко светит!
Столкнулся вдруг со мной
Слепец — и засмеялся...

Лишь вершину Фудзи
Под собой не погребли
Молодые листья.

Холод до сердца проник:
На гребень жены покойной
В спальне я наступил.

Ударил я топором
И замер... Каким ароматом
Повеяло в зимнем лесу!

К западу лунный свет
Двигется. Тени цветов
Идут на восток.

«Буря началась!» —
Грабитель на дороге
Предостерег меня.

Тиё из Кага
(1703–1775)

За ночь вьюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца...
У соседа воды возьму!

Полнолуния ночь!
Даже птицы не заперли
Двери в гнездах своих.

На смерть маленького сына

О мой ловец стрекоз!
Куда в неведомую даль
Ты нынче забежал?

Мацуо Басё
(1644–1694)

Вечерним вьюнком
Я в плен захвачен... Недвижимо
Стою в забытьи.

В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень:
Белеет свежий срез.

С треском лопнул кувшин:
Ночью вода в нем замерзла.
Я пробудился вдруг.

Аиста гнездо на ветру.
А под ним — за пределами бури —
Вишен спокойный цвет.

О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему —
В этом высший подвиг цветка!

На старом поле битвы

Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сновиденье.

Печального, меня
Сильнее грустью напои,
Кукушки дальний зов!

*Там, где когда-то высилась
статуя Будды*

Паутинки в вышине.
Снова образ Будды вижу
На подножии пустом.

Как свищет ветер осенний!
Тогда лишь поймете мои стихи,
Когда заночуете в поле.

Мукаи Кёрай
(1651–1704)

Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
А на поясе длинный меч!

Увы, в руке моей,
Слабея неприметно,
Погас мой светлячок.

Хаттори Рансэцу
(1654–1707)

Осенняя луна
Сосну рисует тушью
На синих небесах.

Цветок... И еще цветок...
Так распускается слива,
Так прибывает тепло.

Я в полночь посмотрел:
Переменила русло
Небесная река.

Такараи Кикаку
(1661–1707)

Мошек легкий рой
Вверх летит — плавучий мост
Для моей мечты.

Нищий на пути!
Летом вся его одежда
Небо и земля.

Ко мне на заре в сновиденье
Пришла моя мать... Не гони ее
Криком своим, кукушка!

Найто Дзёсо
(1662–1704)

С неба льется лунный свет.
Спряталась в тени кумирни
Ослепленная сова.

И поля и горы —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто.

Кабаяси Исса
(1768–1827)

Вот выплыла луна,
И самый мелкий кустик
На праздник приглашен.

Ах, не топчи траву!
Там светляки сияли
Вчера ночной порой.

На смерть маленького сына

Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и все же...

В зарослях сорной травы,
Смотрите, какие прекрасные
Бабочки родились!

Дерево — на сруб...
А птицы беззаботно
Гнездышко там вьют!

Чужих меж нами нет!
Все мы друг другу братья
Под вишнями в цвету.

Смотри-ка, соловей
Поет все ту же песню
И пред лицом господ!

Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!

Олег РУБАСОВ

НАШ АТАМАН НА МАНХЭТТЕНЕ

Константин Константинович Агоев

В самом сердце Нью-Йорка, на Манхэттене, расположен Центр по археологии и этнографии Колумбийского университета, первого и одного из самых престижных высших учебных заведений Америки.

Центр призван «объединить тех, кто интересуется археологическими исследованиями прошлого, его материальной составляющей и современным миром, нашим историческим наследием, музейным делом и другими смежными областями знаний». Речь, конечно, в первую очередь идет о преподавателях и студентах Колумбийского университета. Для них проводятся лекции, семинары и другие мероприятия, многие из которых доступны для широкой публики.

В отделе музея, посвященном народам Азии, специальная экспозиция рассказывает о российском казачестве, которое тут представлено слепым орудием распространения имперского господства над народами Сибири и Дальнего Востока. Более того, в экспозиции для особой наглядности имеется манекен, изображающий реальную историческую личность в подлинной черкеске — казачьего генерала Константина Константиновича Агоева. На черкеске — знаки высокой воинской доблести, которыми так дорожил Агоев: офицерский Георгиевский крест, знаки, свидетельствующие об окончании Николаевского кавалерийского училища и Главной гимнастическо-фехтовальной школы.

Интересна концепция создателей экспозиции, изложенная на сайте Колумбийского археологического центра:

«Этнографические музеи редко приводят факты из имперского прошлого. В виде исключения один из экспонатов в Зале народов Азии нашего музея представляет казачество — военное сословие, наиболее широко известное тем, что оно способствовало экспансии Российской империи. В то время как музейные манекены в большинстве своем анонимны и имеют минимальные черты сходства с оригиналом, макет в нашем случае был создан по образцу известного исторического деятеля по имени Константин Агоев, биография которого включена отдельно в обширный архивный фонд музея. В экспозиции также хранятся предметы, относящиеся примерно ко времени жизни Константина, в том числе карта, иллюстрирующая земли, которые казаки занимали во время экспансии России».

Персонаж манекена в образе казака

Представленная униформа, первоначально принадлежавшая генералу Константину Агоеву, была подарена музеем семьей Каугиллов из Коннектикута, которая в течение многих лет представляла Константину Константиновичу работу, искренне восторгаясь казаками — искусными наездниками.

Агоев был терским казаком с Кавказа, который добился значительных военных успехов во время Первой мировой войны, сражался вначале с австрийцами, а затем с большевиками. За время своей службы награждался Георгиевским крестом — высшей военной наградой России, которую прикрепил на его груди сам русский царь.

После революции и свержения царя в 1917 году Агоев бежал из России, опасаясь преследований со стороны большевиков. Он поселился в штате Коннектикут, недалеко от Нью-Йорка, и устроился на работу в компанию Sikorsky Aircraft. Компания была основана его соотечественником — бежавшим от революции Игорем Ивановичем Сикорским (речь идет о знаменитом российском и американском ученом-изобретателе и авиаконструкторе) — и служила достойным прибежищем для русских эмигрантов, покинувших Россию после революции. Как раз в то время, когда Агоев работал на фирме, майор Уильям Каугилл, который также был сотрудником компании Sikorsky Aircraft, искал человека, который мог бы заняться его конефермой. Он предложил эту работу Агоеву, который затем более 30 лет, оставаясь близким семье Каугиллов человеком, трудился на их конеферме вплоть до своей кончины в 1971 году.

Заслуга приобретения униформы Агоева для музея принадлежит научному сотруднику центра Лизе Уиттал, отвечавшей за костюмы для реставрационного зала народов Азии. В детстве она была дружна со своими сверстниками из семейства Каугиллов и смогла разыскать эту униформу через одного из внуков Уильяма Каугилла. И Лиза, и куратор зала, известный ученый-археолог Уолтер Файрсервис, считали, что униформа станет «интересным экспонатом» в зале народов Азии, где она будет представлена под императорским гербом Романовых, как бы прославляя исчезнувшую Российскую империю.

Информация об истории российского казачества, представленная на сайте Колумбийского археологического центра, несомненно,

сугубо тенденциозная и лишь отчасти соответствует действительности. Однако выбор, павший на личность казачьего генерала Константина Константиновича Агоева как на воплощение верного своему долгу служивого человека ушедшей в прошлое Российской империи, глубоко символичен. Ведь жизнь этого человека с непростой судьбой была богата на события, ратные подвиги. Его статус и его авторитет среди других героев-казаков были столь высоки, что именно Агоева избрали уже в Америке атаманом Терского казачьего войска, веками служившего надежной опорой верховной власти Российской империи.

Константин Агоев — один из самых ярких представителей той части осетинского народа, которая была солидарна с решением своих мудрых старейшин: они еще в 1774 году, во времена правления императрицы Екатерины Великой, объявили в Моздоке о своем желании войти в состав России.

Пройдет чуть более четверти века, и предки Константина Агоева и представителей других родственных фамилий, жители вновь образованной станицы Новоосетинской, которую они по-прежнему будут называть в своем кругу «Масуггъæу», будут с благодарностью вспоминать о том прозорливом решении, поскольку именно оно в прямом смысле этих слов спасло им жизни, обеспечило дальнейшее существование и благополучие их будущих поколений. Но это благополучие, воссозданное ими на новом месте, неизменно приходилось отстаивать в суровой борьбе, ценой упорного труда и огромных героических усилий.

Родные братья, будущие генералы Русской армии Владимир и Константин Агоевы, родились в станице Новоосетинской Моздокского района Терской области в семье урядника Константина Агоева. Благодаря стараниям и заслугам своего отца братья получили первоклассное образование в столице Российской империи Санкт-Петербурге. Константин Константинович Агоев воспитывался и получил среднее специальное образование в реальном отделении приюта принца Ольденбургского. Это было уникальное учебное заведение со своими многолетними традициями, целью которого было давать образование детям обою пола, лишенным возможности получать воспитание в семье. С 1891 года приюту были дарованы права казенных реальных училищ, приравнивающие его отделения по своему статусу к учебным заведениям Министерства народного просвещения.

Братя Агоевы — Владимир и Константин

Мужское и женское отделения включали в свои учебные программы не только общеобразовательные предметы. В приюте много времени уделялось обучению мастерству и рукоделию. С 60-х годов XIX века были «усилены отрасли знания, имеющие приложения к промышленной деятельности — математика и естествоведение», в мужских отделениях был введен курс химии и минералогии, усилено изучение иностранных языков. Большое внимание уделялось изучению ремесел: в мужских отделениях — исполнению переплетных и слесарно-механических работ. Таким образом, заведение приобрело характер технической школы.

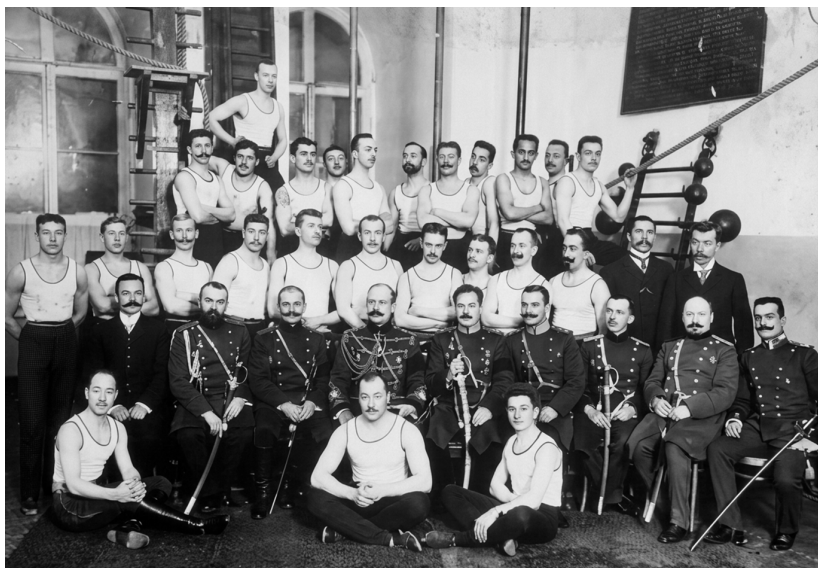
По окончании реального отделения приюта принца Ольденбургского Константин Агоев поступил в Николаевское кавалерийское училище, в котором готовили офицеров как для регулярной кавалерии, так и для казачьих войск. В соответствии с этим юнкера делились на эскадрон и сотню: 250 юнкеров в эскадроне, 120 — в казачьей сотне. Курс обучения составлял два года, и его конечной целью была подготовка выпускников к полковой службе. Основными учебными предметами были тактика, военное дело, топография, управление, артиллерия, фортификация, право, гигиена и черчение, из общеобразовательных предметов преподавались Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, математика, механика, физика, химия, история, экономика, государствоведение и психология.

В 1890 году при училище была сформирована казачья сотня — так называемая Царская сотня. В октябре 1917 года училище было расформировано. В феврале 1921 года оно было возрождено в Галлиполи на основе существовавшего в Крыму Учебного дивизиона. Впоследствии училище было эвакуировано в г. Бела Црква (Югославия), где действовало до 1923 года. Произведено было 4 выпуска (5 ноября 1922 года, 12 июля и 2 сентября 1923 года, перед закрытием — выпуск эстандарт-юнкеров, произведенных в корнеты 7 марта 1924 года) — всего 357 человек. Начальник — генерал-лейтенант А. В. Говоров. В Северной столице сохранилась домовая церковь училища с барельефом на фасаде, уникальность которого в том, что это единственный в Петербурге памятник погибшим в Первой мировой войне.

В училище принимали наиболее успешных выпускников кадетских корпусов: необходимо было иметь не менее 9 баллов по наукам и 8 баллов за поведение. Константина Агоева приняли, таким образом, вне конкурса.

Знания оценивались по двенадцатибалльной системе. Набранные не ниже 9 баллов могли служить в гвардии, получившие оценку ниже 9 баллов могли выйти только в армию. Отметка ниже 6 баллов по любому предмету считалась неудовлетворительной. Получившие 5 баллов исключались. Во время учебы в училище на состязаниях по верховой езде Константин Агоев завоевал первый приз, его имя было занесено на мраморную доску почета. 6 августа 1909 года он окончил полный курс училища портупей-юнкером по первому разряду. Высочайшим приказом он был произведен в хорунжие со старшинством и распределен в 1-й Волгский полк Терского казачьего войска и с этого момента всегда носил на своей черкеске нагрудный знак училища рядом с самыми высокими боевыми наградами.

В 1912 году Константин Агоев с отличием окончил гимнастическо-фехтовальные курсы Киевского военного округа, а затем и Главную гимнастическо-фехтовальную школу в Петрограде. Эта офицерская школа, созданная по инициативе генерала Бутовского, стала в начале XX века престижным военно-учебным заведением Русской императорской армии Вооруженных сил России. Там готовили офицеров-инструкторов высшей квалификации.

Офицеры-преподаватели и воспитанники Главной гимнастическо-фехтовальной школы в Петрограде

Продолжительность обучения составляла десять месяцев. Начальником школы был Александр Павлович Мордовин — личность легендарная, участник Олимпийских игр в Стокгольме, признанный авторитет в фехтовальном мире.

В 1913 году Константин Агоев как лучший фехтовальщик-сотник со старшинством принял участие в 1-й Всероссийской Олимпиаде в Киеве и завоевал первые призы в боях на эспадронах и штыках. А в следующем году его ожидала вторая Всероссийская Олимпиада в Риге. Она стартовала 6 июля 1914 года на нарядно украшенном ипподроме Бегового общества.

В десять часов утра над ипподромом прозвучал удар колокола, и под музыку духового оркестра начался торжественный марш участников турнира, одетых в клубные или спортивные костюмы, офицеры же были одеты в летнюю парадную форму. Наиболее представительными на 2-й Российской Олимпиаде были соревнования по легкой атлетике, начавшиеся 6 июля и продолжавшиеся в течение пяти дней.

В программу по фехтованию входили соревнования в таких видах оружия, как рапира, эспадрон, штык (сабля). Сотник Константин Агоев занял первое место в фехтовании на штыках, одержав семь побед в семи поединках.

Намеченные на 14–16 июля конные состязания, обещавшие быть интересными, пришлось отменить, поскольку из-за начала войны офицерам, входившим в число участников соревнований, потребовалось срочно явиться в свои воинские части.

Трагические события Первой мировой войны, Октябрьская революция в России и последовавшие за ними изменения в истории государства на несколько десятилетий стерли из общественной памяти грандиозное спортивное событие. Оказались практически забытыми участники и организаторы этого масштабного мероприятия, благодаря энтузиазму, патриотизму, трудолюбию и профессиональному мастерству которых в стране широко внедрялись олимпийские принципы развития спорта.

Вторая Всероссийская спортивная олимпиада не была доведена до конца. За несколько дней до ее завершения был объявлен царский указ о всеобщей мобилизации. Рига очень скоро стала прифронтовым городом...

Константин Агоев, прибыв в расположение своего полка, сразу же оказался на переднем крае боевых действий Первой мировой войны. 1-й Волгский Его Императорского Величества На-

следника Цесаревича полк Терского казачьего войска, входивший в состав 2-й Сводно-казачьей дивизии, единственный из терских полков находился вблизи западной границы, в городе Каменец-Подольском. Вечером 15 июля 1914 года полк двинулся к месту, указанному в мобилизационном плане, на следующий день прибыл в местечко Смотрич, а утром 17 июля уже было выслано два офицерских разъезда для наблюдения за границей. К моменту объявления всеобщей мобилизации в ночь с 18 на 19 июля две сотни полка уже несли сторожевую службу в пограничном районе. К началу боевых действий командирами трех сотен полка из шести были земляки Константина Агоева: первой — подъесаул Константин Лотиев; третьей — подъесаул Владимир Агоев (родной брат Константина); пятой — есаул Василий Бегиев.

В июле-августе 1914 года казаки прикрывали развертывание в Галиции русских армий. Начались боевые столкновения с разъездами австро-венгерских гусар, появились первые пленные и трофейные лошади. На 1-й Волгский полк была возложена охрана границы по реке Збруч от местечка Гусятин до местечка Скалат.

В ночь с 4 на 5 августа 1914 года, находясь в разведке с двенадцатью казаками, сотник Константин Агоев атаковал полускадрон венгерских гусар и, «порубив их целые горы, 27 человек с 26 лошадьми взял в плен. При возвращении из разведки с пленными наткнулся на лазарет венгерской конной дивизии, захватил его с собой вместе с ранеными, медикаментами и двенадцатью врачами». Как значилось в приказе (РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 487. Л. 16 об.), офицер 1-го Волгского полка Терского казачьего войска Константин Агоев награждается Георгиевским оружием «за то, что после боя у с. Городок в ночь с 4 на 5 августа 1914 года, будучи послан с разъездом в 12 человек для соприкосновения с противником и выяснения направления его отступления, вступил в перестрелку с разъездами противника значительной силы и, только благодаря своей храбрости и особенной лихости, оттеснил неприятельские разъезды и разведкой этой выяснил точное направление движения противника. При этом взял в плен 27 австрийских гусар и 26 лошадей. В последующих затем боях неоднократно отличался храбростью и увлекал за собою других» (Высочайший приказ от 24 февраля 1915 года).

Война — не спортивные состязания, и победа дается порой ценой собственной крови. 11 сентября 1914 года сотни волгцев

при поддержке Оренбургского артиллерийского дивизиона и сотен 16-го Донского полка под общей командой войскового старшины Г. А. Вдовенко сбили заслон австрийского пехотного полка, захватили 5 орудий с передками, упряжью и снарядами и взяли в плен более 300 австрийцев при нескольких офицерах. О том, насколько ожесточенно проходила схватка одной из сотен с австрийцами, свидетельствовал один из офицеров полка: «...все казаки были переранены. Подъесаул Негоднов ранен в плечо. У хорунжего Николая Зимина пуля разбивает клинок шашки и обжигает руку. Сотник Агоев ранен пулей в грудь... Хорунжий Зимин подбегает к сотнику Агоеву, помогает ему подняться и спуститься в овраг, в лес. При этом отходе сотник Агоев получает второе ранение в плечо, а у хорунжего Зимина пулей разбита ручка нагана». В том бою на перевале Ужок в Карпатах сотник Константин Агоев первым ворвался на батарею противника с десятью казаками. Награжден орденом Святой Анны с надписью «За храбрость», мечами и бантом к ордену Святого Станислава 3-й степени, орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами.

Уже в марте 1915 года, еще не полностью оправившись от ран, Константин Агоев вернулся в строй. В мае 1915 года он по собственному желанию перевелся во 2-й Волгский полк. В бою под селом Дарахов, командуя сотней, Константин Агоев под сильнейшим огнем противника ведет ее в атаку до удара в шашки и первым врывается в цепи австрийцев. Вот как кратко описывает этот бой сам генерал Агоев (записка найдена в его архиве): «Трубоч Клименко играет сбор 6-й сотне 2-го Волгско-

Жетон в виде миниатюрного погона казака Волгского полка Терского казачьего войска на имя сотника К. Агоева

го полка после конной атаки на (австрийскую) пехоту 25 августа 1915 года. Три взвода влево от моста и один — под командой ст. урядника И. Макарова (проживает в штате Нью-Джерси) — вправо. Пехота (три роты) была смята до болотистой речки, потом под огнем прошли мост и затем снова бросились в атаку на подходивший резерв. Трофеи: 4 пулемета и 418 пленных». (Один из пулеметов противника был лично взят командиром сотни подъесаулом Агоевым.) За этот бой он награждается орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени (приказ от 18 ноября 1917 года). Запись в приказе гласила: «Подъесаул К. Агоев награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. за то, что в бою 25 августа 1915 г. под с. Дарахов под сильнейшим огнем противника повел свою сотню в атаку, довел ее до удара в шашки, первым врезался в цепи австрийцев, частью уничтожив, а частью забрал их в плен. Не останавливаясь на первой позиции, он помчался на вторую и, несмотря на то что понес потери, сбил противника с труднодоступной позиции, отделявшейся болотистым ручьем, взял лично при этом пулемет. Результатом лихого и блестящего действия подъесаула Агоева был общий успех полка» (приказ по 9-й армии № 672 от 18 ноября 1917 года. РГВИА. Ф. 2247. Оп. 1. Д. 537. Л. 20).

Небывалая в истории конницы атака на укрепленные позиции противника! Подскакав к проволочным заграждениям австро-германцев, Константин Агоев спешил своих бойцов. Под шквальным огнем пулеметов и винтовок, шашками прорубив себе путь, всадники вновь вскочили на своих коней и, пронесясь через узкий мост, ворвались в окопы противника. Не только командир, но и все бойцы сотни Константина Агоева получили Георгиевские кресты!

26 октября 1916 года в Трансильвании, в бою у села Гельбор, есаул Агоев получил тяжелое ранение пулей в левое бедро с раздроблением кости. Позднее за этот бой он был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами.

1916 год, таким образом, вопреки ожиданиям мировой спортивной общественности, не стал годом триумфа добра и справедливости. Напротив, кровопролитная война продолжалась. А стремительно развивавшееся в начале XX века Российское государство с его последним императором стало «слабым звеном» в борьбе «империалистических хищников».

В феврале 1917 года православный царь из лучших, гуманных побуждений уступил напору своего тщеславного окружения и

отрекся от российского престола. Для лучших представителей российского офицерства, в частности для гвардейцев Собственного Его Императорского Величества Конвоя, в составе которого на регулярной основе несли службу и выходцы из осетинских станиц Новоосетинской и Чернойарской — соплеменники Константина Агоева, для тех, кто продолжал сражаться на полях брани с врагами России, это отречение хотя и было полной неожиданностью, но не стало поводом для собственного отречения от высших идеалов православия, добра и справедливости. Их благородство было врожденным качеством, унаследованным от далеких предков.

Первую мировую войну Константин Агоев окончил войсковым старшиной в должности помощника командира полка. В 1917 году, пройдя курс лечения в госпитале, он вернулся в родную станицу Новоосетинскую и, подобно своему земляку Лазарю Бичерахову, намеревался вести размеренную мирную жизнь, как те заслуженные ветераны, их предки, которые верой и правдой служили своей Отчизне, доблестно защищали родную землю от любых посягательств ее врагов. А затем предавались заботам о благополучии своих семей, обустройстве своей земли, согласно законам и обычаям многих поколений своих предшественников.

Однако судьба распорядилась иначе...

В длинном послужном списке Агоева прибавилось еще немало пунктов об участии в Гражданской войне. Кратко это выглядит так. С ноября 1917 года — в Терской области, участник Терского восстания: весной 1918 года формировал (как и Шкуро — по мандату советских властей) партизанский отряд в Терской области. С 18 июня 1918 года — начальник конницы Пятигорской линии, временно исполнял обязанности командующего линией. С 27 сентября 1918 года — командир 1-го Терского казачьего полка. Тяжело ранен 16 ноября 1918 года под станицей Солдатской. С ноября 1918 года — в Добровольческой армии. С 5 февраля 1919 года — командир 1-й бригады 1-й Терской казачьей дивизии, полковник, затем — 2-й бригады (ноябрь 1919 года). С 4 апреля по 4 мая и с 18 июня по 27 июля 1919 года временно исполнял должность начальника 1-й Терской казачьей дивизии. Командир Отдельной бригады. В 1919 году — начальник Терско-Астраханской дивизии. В Крыму в Русской армии генерала Врангеля воевал командиром Терско-Астраханской бригады, во главе которой участвовал во всех боях в

Северной Таврии, вплоть до эвакуации. Генерал-майор (с 4 мая 1920 года).

Сражения Гражданской войны были не менее кровопролитными и жестокими, требовали полной концентрации всех сил и умений. Известен, например, такой удивительный эпизод, относящийся к участию Константина Агоева в Белом движении. Он был описан много позже в журнале «Станица»:

«Без единого выстрела две конные массы неслись друг на друга, только земля дрожала от топота тысяч копыт. Первыми сошлись командиры, на полном ходу обменялись ударами шашек и разминулись. Повернули своих коней и снова вступили в поединок. Столь необычное зрелище приковало к себе внимание, и оба полка остановились как по команде, глядя на поединок. Разнuzданный, грубый и сильный предводитель красных яростно атаковал, осыпая своего противника площадной руганью и богохульствуя. Молчаливый белый рыцарь ловким ударом старинной шашки снес противнику полчерепа. Подавленный гибелью своего командира красный полк повернул и бросился бежать... Победителем в этой битве был один человек — К. Агоев»¹.

Тяжелые испытания выпали на долю Константина Агоева и многих других его соратников, которые вынуждены были защищать свою честь и достоинство, свою правду, а затем, поддавшись воле судьбы и обстоятельств, навсегда покинуть любимую родину, но сохранить при этом бодрость духа и волю к жизни.

И то было не бегство, а организованный отход за рубеж Русской армии, которым руководили такие доблестные командующие подразделениями, как Константин Агоев. Последние записи в его послужном списке за подписью начальника штаба Донского корпуса Генерального штаба полковника Хутиева и в соответствующей справке свидетельствуют о следующем:

- 27 июля 1919 года К. Агоев назначен командиром бригады.
- 4 декабря 1919 года вступил во временное командование 1-й Терской казачьей дивизией.
- 25 декабря 1919 года ранен ружейной пулей в правую голень, остался в строю.
- 30 декабря 1919 года произведен в чин генерал-майора (приказ Главнокомандующего на Юге России от 30 декабря 1919 года).

¹ Общеказачий журнал-газета «Станица». 2000. № 32. С. 26.

Генерал-майор К. К. Агоев (в центре) с чинами
Терско-Астраханского полка; за ним священник о. М. Арапов.
Лемнос, 1921 г.

- 2 апреля 1920 года назначен начальником Сводно-казачьей дивизии (приказ № 86 по 1-му Кубанскому корпусу).
- 25 апреля 1920 года назначен командиром Терско-Астраханской казачьей бригады 3-й конной дивизии.
- 7 июня 1920 года назначен начальником Отдельной Терско-Астраханской казачьей бригады.
- 30 июля 1920 года представлен к званию почетного казака Наурской казачьей станицы Астраханского казачьего войска (приказ № 206 по Астраханскому казачьему войску от 30 декабря 1920 года).
- 1 ноября 1920 года эвакуировался с бригадой во французский лагерь «Чаталджа» (Турция).
- 15 декабря 1920 года, по сведениям Отдельной Терско-Астраханской казачьей бригады, назначен командиром полка (приказ № 23 по Донскому корпусу от 15 декабря 1920 года).

УДОСТОВѢРЕНІЕ

№ 276

Въ ознаменованіе безграничной любви къ родинѣ и вѣрности русской арміи и величія духа, проявленнаго въ обстоятельствахъ исключительной трудности въ періодъ пребыванія донскаго корпуса на островѣ „Лемносъ“ предъводителю сего С. О. Т. Н. И. К. У. Терско-Астраханскаго полка Е. С. Е. Б. В. У. Владимиру Михайловичу выдано настоящее удостовѣреніе на право ношенія **особаго нагруднаго знака** съ надписью „Лемносъ 1920—1921“, что подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

Основание: Приказъ главнокомандующаго русской арміи отъ 15 Ноября 1921 года за № 369.

19^я Января 1922 года. Городъ Кизиль-Ягачъ (Болгарія).

Командиръ Терско-Астраханскаго полка,
Полковой Адъютантъ,

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ: Моел

ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНА: [Signature]

Удостоверение с подписью К. К. Агоева

- 25 декабря 1920 года переведен с полком в военный лагерь на острове Лемнос (Греция).
- 18 сентября 1921 года переведен с полком в Болгарию.
- С 17 декабря 1921 года имеет право на ношение нагрудного знака с надписью «Лемнос 1920–1921 гг.» (приказ № 369 Главнокомандующего Русской армией от 15 ноября 1921 года).

• 18 декабря 1924 года по приказанию Его Императорского Высочества Верховного Главнокомандующего утвержден в должности командира Терско-Астраханского казачьего полка (письмо № 13 начальника военной канцелярии от 18 декабря 1924 года).

В той же справке в разделе «Участие в походах и делах» подведен временный итог ратных действий Константина Агоева: «Против Австрии и Германии: с 17 июля 1914 года по 18 ноября 1917 года. Против красных: с 15 июня 1918 года по 31 октября 1920 года». То есть Константин Агоев, верный воинской присяге, до конца сражался против всех врагов Российской империи.

Хорошо известно, как непросто было нашим соотечественникам в эмиграции, на чужбине. Константин Агоев до конца поддерживал своих бойцов и во французском лагере «Чаталджа» (Турция), и на острове Лемнос, и в Константинополе, и в Болгарии, куда он вернулся в 1923 году и где проживал до 1930 года, оставаясь в должности командира Терско-Астраханского казачьего полка.

Наконец, в 1930 году Константин Константинович переехал в США, поселившись в имении Уильяма Каугилла в районе Фэрфилда (штат Коннектикут), где преподавал фехтование и верхо-

Памятник на могиле К. Агоева

вую езду. В Стратфорде он вошел в круг соотечественников, которые сплотились на базе фирмы гениального русского конструктора Игоря Сикорского, организовав большую русскую колонию. Построили православную церковь, основали школу, клуб, русскую оперу. Константин Агоев и Игорь Сикорский были ровесниками, людьми одних православных взглядов и убеждений.

В 1952 году терцы приняли решение об избрании преемника Войсковому атаману генерал-лейтенанту Г. А. Вдовенко, судьба которого долгое время оставалась неизвестной после его ареста органами СМЕРШ в Белграде в 1944 году и вывоза в СССР. Выборы провела комиссия под председательством генерал-майора В. И. Старицкого. И в начале 1953 года большинством голосов генерал-майор Агоев был избран заместителем Войскового атамана Терского казачьего войска, а в 1955 году — его постоянным атаманом.

4 апреля 1970 года в связи с ухудшением состояния здоровья генерал Агоев передал управление Терским войском своему заместителю генералу В. И. Старицкому. А через год, 31 апреля 1971 года, перестало биться сердце доблестного и верного сына России и Терека — генерала Константина Константиновича Агоева. Как и многие наши православные соотечественники, он был похоронен на русском кладбище в штате Нью-Джерси.

В послужном списке генерала Константина Агоева, так же как у моего прапрадеда, героя Кавказской войны Казьмы Агоева, сделана специальная запись о беспорочной службе. И это, пожалуй, высшая оценка их беззаветной преданности Родине.

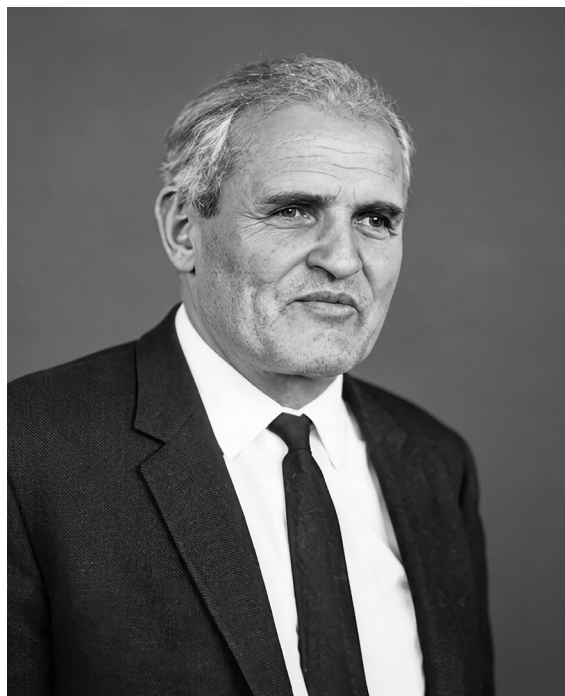

К 110-летию со дня рождения Бориса Александровича Калоева

Борис КАЛОЕВ

**ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
АБАЕВ И ЕГО ВКЛАД
В ЭТНОГРАФИЮ**

Б. А. Калоев

Василий Иванович Абаев — ученый-универсал мирового масштаба. Он внес неоценимый научный вклад в равной степени в языкознание, осетиноведение, иранистику, этимологию, фольклористику. Четырехтомный «Историко-этимологический словарь осетинского языка» снискал ему мировую славу — это подлинно научный подвиг ученого. 15 декабря 2000 г. исполнилось 100 лет со дня рождения В. И. Абаева. Эта дата торжественно отмечалась в ноябре во Владикавказе на сессии представителей смежных наук Северного Кавказа и Закавказья, а в декабре — в Москве в Доме ученых отделением языка и литературы РАН с участием президентов и членов правительства республик Северной и Южной Осетии. В переполненном приехавшими гостями — почитателями таланта ученого, многочисленными представителями московской осетинской общины — зале звучали доклады, выступления, обращения видных ученых и общественных деятелей в адрес юбиляра, который, к сожалению, по состоянию здоровья не мог присутствовать на заседании. Тогда Василий Иванович немного приболел, а 18 марта 2001 г. его не стало.

До самых последних дней он напряженно работал над научными и публицистическими статьями, интересовался происходящими событиями, поддерживал контакты с отечественными и зарубежными учеными, среди которых немало друзей и почитателей его таланта. Из числа таких укажу, например, сравнительно недавно ушедшего из жизни выдающегося французского ученого-кавказоведа Ж. Дюмезиля, с которым В. И. Абаев много лет находился

Печатается по изданию: Калоев Б. А. Василий Иванович Абаев и его вклад в этнографию // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 102–117.

в дружеских отношениях, бывал у него в гостях, постоянно обменивался научной информацией. Благодаря усилиям Василия Ивановича труды ученого по нартскому эпосу были переведены А. З. Алмазовой на русский язык¹.

Характеризуя В. И. Абаева как этнографа, особенно как этнографа-кавказоведа, я буду дополнять свой рассказ сведениями, которые получал от него во время многолетнего с ним общения и записывал в свой дневник. Впервые о В. И. Абаеве как известном ученом я услышал в далекие 1930-е годы от О. Н. Туаевой — первой осетинки-профессора, читавшей нам, студентам Северо-Осетинского госпединститута, курс лекций по осетинскому языку. Для подкрепления своей точки зрения она всегда ссылалась на авторитетное мнение ученого: «А вот Васо Абаев говорит то и то» или: «Он не согласен с тем-то» и т. д. Лично я познакомился с В. И. Абаевым лишь в 1949 г. в Ленинграде, будучи аспирантом Института этнографии АН СССР. Перед этим произошли следующие события: на одном из заседаний Ученого совета Института, где присутствовал и я, бурно обсуждалась вышедшая незадолго до этого монография В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» — многолетний фундаментальный труд ученого². Председательствующий на совете директор Института С. П. Толстов, размахивая книгой, обвинял ее автора в отходе от тогда еще господствовавшей в науке так называемой яфетической теории Марра.

Забегая вперед, отмечу, что тогда для меня, аспиранта второго года обучения, многое в этом выступлении было непонятно. Меня поразило лишь одно — резкий тон оратора. Позже я узнал, что оба ученых — С. П. Толстов и В. И. Абаев — изучали древние иранские народы и в чем-то не сошлись во взглядах, в частности в решении проблем, касающихся общей истории развития языков. Между ними возникла неприязнь, они перестали здороваться, что не раз приходилось замечать на научных форумах. Теперь, с выходом книги В. И. Абаева, у С. П. Толстова появилась возможность еще раз покритиковать своего оппонента. Дело в том, что оба ученых, будучи марристами, относились к учению Марра, который полностью отрицал сравнительное языкознание, каждый по-своему. В. И. Абаев, хотя и считался первым учеником Марра (что соответствовало действительности), в душе, как он поведал мне позднее в личной беседе, не воспринял новое учение своего учителя и следовал по пути других предшественников (А. Шёгрена, В. Миллера), для которых единственным методом изучения языков был сравнительный. На мой вопрос, знал ли Марр о его отношении к этой теории, Василий Иванович от-

ветил: «Конечно нет. Я не хотел обидеть его. Н. Я. Марр был выдающимся ученым, внесшим большой вклад в изучение древностей Кавказа. Но когда он отошел от кавказской тематики, перестал быть таковым».

Василий Иванович вспоминал: когда он был студентом второго курса Иранского отделения Ленинградского университета, где Н. Я. Марр читал лекции по кавказским и иранским языкам, Николай Яковлевич однажды после занятий остановил его и спросил, пойдет ли он работать к нему в Институт, который незадолго до этого был открыт. Для В. И. Абаева такое предложение, по его словам, было настолько неожиданным, что он не мог на него ответить, лишь пробормотав что-то вроде: «Может ли студент второго курса быть сотрудником Института?» Н. Я. Марр похлопал его по плечу, сказав: «Можете, для вас это будет полезно»³. С этого времени В. И. Абаев стал штатным сотрудником основанного Марром Института языка и мышления Академии наук СССР, не имевшего еще своего помещения, отчего заседания проходили в его квартире с участием таких ученых, как И. Ю. Крачковский, В. В. Струве, И. А. Орбели и др. С большим уважением вспоминает В. И. Абаев о супруге Марра, Александре Андреевне, гостеприимством которой пользовался много лет, женщине доброй, отзывчивой, простой в общении, всегда скромно одетой. Благодаря ее щедрой душе дом Марра был всегда открыт для его многочисленных доброжелателей.

Со слов В. И. Абаева я узнал и о манере чтения Марром лекций, вызывавших большой интерес у студенческой молодежи, на которые приходили даже студенты других факультетов. Василий Иванович рассказывал: «Марр, приходя на лекцию, садился, раскладывал перед собой написанные листки и тихо начинал читать. Мы, зная его, с нетерпением ожидали, когда же он войдет в азарт и начнет обвинять во всех грехах представителей сравнительного языкознания. И действительно, через некоторое время Марр начинал все больше возвышать голос, затем соскакивал со стула, листы летели в разные стороны, пенсне спадало и повисало на шнурке. В характере Марра преобладал грузинский темперамент, унаследованный от матери (отец его был шведом). После лекции можно было слышать такие разговоры студентов: «Все было очень интересно, но только ничего не понятно»⁴. И действительно, новое учение Марра о языках было мало постижимо даже для его заядлых поклонников.

Итак, хотя В. И. Абаев стал учеником Марра со студенческой скамьи, он не воспринял его учения, остался убежденным

сторонником метода сравнительного языкознания. Пользуясь именно этим методом, он написал книгу «Осетинский язык и фольклор», ставшую, напомним, предметом обсуждения на Ученом совете Института этнографии. Второй том книги, по замыслу автора, должно было составить переиздание его книги «Нартовский эпос» (Дзауджикау, 1945). Однако по инициативе С. П. Толстова В. К. Гарданов написал на эту книгу разгромный отзыв. По всей вероятности, не без участия С. П. Толстова во включении данного текста в новую монографию было отказано, набор рассыпан. Очевидно, по этой же причине монографии «Нартовский эпос» не была присуждена Государственная премия, на соискание которой она была выдвинута.

Развернувшийся на Ученом совете диспут по книге В. И. Абаева был для меня большим откровением, вызвал желание познакомиться с ученым. Осенью 1949 г. у меня появилась такая возможность. Нас, группу аспирантов, отправили в Ленинград, где я до того никогда не был, для знакомства с достопримечательностями города, его музеями и библиотеками. Известно, что до Отечественной войны Академия наук СССР со своими институтами и учреждениями компактно располагалась в Ленинграде на Васильевском острове. В годы войны президиум Академии наук перевели в Москву, отведя ему дворец в Нескучном саду, где до этого располагался Музей народов СССР. В Москву перевели гуманитарные и технические институты Академии (оставив в Ленинграде их филиалы), в то же время открывались новые научные учреждения. Институт этнографии был создан в 1943 г., в Ленинграде находился его филиал, где работали в числе других два известных кавказоведа — Л. Б. Панек и Л. И. Лавров.

Приехав в Ленинград, я прежде всего встретился с Лидией Борисовной Панек, которая сразу же повела меня в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра, где работал тогда В. И. Абаев, чтобы познакомиться с ним (покойный муж Л. Б. Панек, известный кавказовед А. Н. Генко, был большим другом В. И. Абаева). Войдя в продолговатую комнату, мы застали ее хозяйина за работой. Перед нами стоял мужчина около 50 лет, высокий, худощавый, в осетинской рубашке со стоячим воротником, застегнутым самодельными пуговицами из тесьмы, подпоясанный тонким кавказским ремнем, украшенным серебряными бляхами. Он встретил нас со свойственной ему мягкой улыбкой. Мы поздоровались. Л. Б. Панек представила меня, на что Василий Иванович, оглядев меня с головы до ног (я носил еще военную форму), сказал: «Теперь у нас будет и этнограф». Вскоре мы остались вдвоем. Я по-

здравил В. И. Абаева с выходом его новой книги, рассказал, как бурно ее обсуждали в Москве на заседании Ученого совета Института этнографии. Василий Иванович, хотя и слушал меня внимательно, ничего не сказал. Когда началась так называемая марровская дискуссия, в ходе которой учение Марра было признано «антинаучным», В. И. Абаеву (к тому времени он уже перевелся в Москву, став сотрудником Института языкознания АН СССР) предъявляли обвинения прямо противоположного характера — в «марризме», требуя от него публичного признания ошибок, для чего несколько раз созывались заседания Ученого совета Института.

Словом, я был очень рад тому, что лично познакомился с В. И. Абаевым, которого знал только понаслышке как выдающегося ученого. Уже в 1930-х годах он был широко известен в научном мире. Еще будучи студентом, он печатал научные статьи. Так, в 1924 г. в журнале «Доклады Академии наук СССР» была опубликована его работа «Об ударении в осетинском языке», принесшая ему громкую славу.

В 1925 г. В. И. Абаев, окончив университет и продолжая работать в Институте Н. Я. Марра, опубликовал множество работ, посвященных различным проблемам языкознания. Многие разделы указанной выше монографии В. И. Абаева были выполнены им в 1920–1930-х годах. Тогда же он начал работать над составлением своего знаменитого четырехтомного «Историко-этимологического словаря осетинского языка», не имеющего аналогов в отечественной науке.

Выход в 1945 г. монографии В. И. Абаева «Нартовский эпос» послужил мощным толчком для активного изучения эпических сказаний о нартах в фольклоре других горцев Северного Кавказа, для выявления его вариантов, оценки эпоса как памятника мирового значения. Большую пользу этим исследованиям принесли тематические всесоюзные совещания, проводившиеся в 1957 г. в Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и в 1963 г. в Сухуми, на которых основным докладчиком выступал В. И. Абаев. Совещания проходили очень бурно, среди многочисленных участников порой разгорались споры по поводу принадлежности эпоса к фольклорному фонду того или иного этноса.

Сухумское совещание отличалось еще и тем, что на нем праздновали открытие абхазского варианта нартского эпоса: до того времени абхазские нартские сказания были мало знакомы исследователям. На всю жизнь мне, участнику совещания, запомнилось абхазское гостеприимство. Публикацию текста эпоса на абхазском

языке праздновала вся республика — нас везде встречали за столом.

Свои особенности имело и орджоникидзеовское нартское совещание, проходившее в республиканском Доме советов при переполненном зале. Когда В. И. Абаев вышел к трибуне для выступления, весь зал встал, отдавая дань знаменитому ученому. Находившиеся в президиуме обкомовские руководители, не зная, как им быть в этой ситуации, остались сидеть, ведь стоя приветствовали обычно только высших партийных и государственных должностных лиц. Перед началом работы совещания нас, основных его участников, собрал первый секретарь обкома партии М. Агкацев, весьма далекий от науки, и потребовал, чтобы совещание прошло на высоком идейном уровне. Когда мы вышли, Василий Иванович с возмущением сказал: «Лучше бы он занимался своими делами, хотя бы тем, чтобы вовремя и без потерь убрать кукурузу!»

Несмотря на то что статей и книг, посвященных В. И. Абаеву, издано немало, подробности его жизни известны плохо. Василий Иванович — сын простого, в прошлом безземельного горца из высокогорной Осетии — с малых лет скитался в поисках средств к существованию. Сравнительно немногочисленный род Абаевых до Октябрьской революции был расселен исключительно в горах Осетии, составляя небольшие компактные поселения, из которых в Северной Осетии находились два в Цейском ущелье (по преданию, считающиеся их первоначальным поселением), одно — в Заккинском ущелье, а еще два — в Южной Осетии в Сбийском ущелье, в верховьях р. Б. Лиахвы. В результате войн с татаро-монголами осетины были оттеснены в горы Центрального Кавказа. В поисках новых мест поселений они постоянно передвигались из одного места в другое как внутри Осетии, так и на юг, нередко оседая в пределах собственно Грузии. Фамилия Абаевых не составляла исключения. Согласно русским источникам XVIII в., Абаевы, включая и непосредственных предков Василия Ивановича, выйдя из Сбийского ущелья тогда же (а может быть, раньше), обосновались в Кобинской котловине, в с. Ногкау (Новое село), от которого Военно-Грузинская дорога поднимается до Крестового перевала и от него спускается по ущелью р. Арагви в Грузию. Открытая еще в XVIII в. для колесного сообщения, эта дорога оставалась до середины XIX в. единственным сухопутным путем, связывавшим через Кавказ Россию с Грузией. По ней проходили русские войска, чтобы помочь грузинам в борьбе против их внешних врагов, купеческие караваны, дипломаты, ученые, путешественники. Вследствие

ее большого значения она не переставала функционировать даже зимой при страшных снежных обвалах, часто спускавшихся особенно с северной стороны перевала, над которым возвышаются высочайшие горы с крутыми склонами. Выручали горцы-отходники из соседних ущелий горной Осетии, которые, нанимаясь на весь сезон, за небольшую оплату расчищали дорогу от снежных завалов. До сих пор на горных склонах видны остатки жилых построек, где ютились эти люди. По словам кобинских старцев, многие из них возвращались домой без гроша, нередко больными и искалеченными тяжелым трудом⁵.

Таким образом, жители Кобинской котловины (позже отдельные селения объединились в одно большое село Коби), находясь на оживленной Военно-Грузинской дороге, получили от этого определенные выгоды. В селе, например, было немало торговых заведений, принадлежавших, кроме местных хозяев, армянам и грузинам. Обширные пастбища Кобинской котловины давали возможность крестьянам содержать много дойных овец, из молока которых изготовляли превосходный сыр, известный под названием «кобинский», славившийся по всему Кавказу. Его в немалом количестве вывозили и в столичные города России, неоднократно демонстрировали на всекавказских и всероссийских сельскохозяйственных выставках. Среди кобинцев своим высоким мастерством по изготовлению этого сыра особенно славилась Гаева, получившая, например, в 1888 г. на Харьковской всероссийской сельскохозяйственной выставке медаль «За усердие». В 1960-х годах во время экспедиции по горной Осетии мне удалось увидеть ее в доме Гаевых. К сожалению, мои старания получить медаль для музея не увенчались успехом — Гаевы не могли расстаться со своей фамильной реликвией⁶.

Итак, из этого описания читатель, наверное, получил некоторые представления о суровой родине В. И. Абаева, для которого она в его воспоминаниях была самой дорогой и любимой. Несмотря на тяжелые природные условия, ограниченность посевных площадей, кобинцы благодаря своему трудолюбию и предприимчивости жили в достатке. Поэтому, по словам Василия Ивановича, среди других горцев их молодежь вела себя кичливо, называлась *Къобы хъалтæ* — «горделивые кобинцы», выделялась добротными черкесками с дорогим кинжалом, поясом и газырями, украшенными серебром.

Известно, что любая фамилия может произойти от какого-то имени. По исследованиям В. Ф. Миллера, В. И. Абаева и нашим полевым этнографическим данным, в антропонимии осетин очень

много иранских и тюркских имен, дошедших до них через скифо-сарматов и алан. С точки зрения этимологии, фамилия Абаевых происходит от тюркского имени *аба* (отец), а по народным преданиям осетин, они являются потомками древнего осетинского рода Агузовых (*Агъузатæ*) — Агуза, одного из пяти (по другой версии семи) сыновей легендарного героя Ос-Багатара, упоминаемого в древних исторических источниках как реальная личность⁷. О местном происхождении Абаевых свидетельствует и наличие у них родственных фамилий (Зораевы, Осиевы, Икаевы), ведущих свою родословную от одного корня. Такой родственный коллектив со строгой экзогамией у осетин называется *æрвадæлтæ*, а по классификации М. О. Косвена является патронимией второго порядка⁸.

Я уже говорил, что биография ученого, неизвестная до сих пор, требует своего освещения. Мне, близко общавшемуся с ним в течение многих лет (с 1950-х годов до наших дней), удалось получить данные, на основе которых можно представить ее хотя бы в общих чертах. Со слов Василия Ивановича мы узнаем, в частности, что его отец Уанкъа (по-церковному Иван) родом из упомянутых выше сбийских Абаевых, из с. Нижнее Сба в Южной Осетии, еще молодым покинул родину и обосновался в с. Коби по Военно-Грузинской дороге. Считаясь пришлым (*æрцæуæг*), он в отличие от коренных жителей (*бындурон*) не имел своей земли и другого имущества, не пользовался никакими правами в обществе. Работая в дорожном строительстве, а также по найму у богатых хозяев, сумел накопить какое-то состояние. После женитьбы на девушке из семьи Дзаховых — коренных жителей села — он стал равноправным членом общества, владельцем земли и даже мог заниматься мелкой коммерцией. У него родились три сына и две дочери. Василий Иванович был младшим из сыновей.

Первоначальное образование В. И. Абаев получил в местной сельской церковно-приходской школе, каких было немало в Осетии; он всегда помнил имя своего учителя — грузина Бараташвили, дьякона, который преподавал им Закон Божий, а также учил чтению и письму. Ученый вспоминает, что в эти годы он впервые прочел книгу «Ирон фæндыр» («Осетинская лира») Коста Хетагурова, которая еще тогда покорила его. «И с тех пор до настоящего дня, — говорил он, — я не перестаю ею восхищаться»⁹. После окончания школы он задумался о продолжении учебы. Об этом Василий Иванович рассказывает так: «Когда я окончил приходскую школу, то многие из наших родственников советовали по-

слать меня в ремесленное училище либо во Владикавказе, либо в Тифлисе. И мой отец готов был согласиться, но мать, хотя сама была женщиной неграмотной, слышала от знающих людей, что гимназия — школа более высокого уровня, и у нее было такое фанатичное желание обязательно дать своим детям самое лучшее образование, какое только было возможно. Она настояла на том, чтобы меня и моих старших братьев отдали в гимназию в Тифлисе»¹⁰. Из рассказа Василия Ивановича мы узнаем также, что его родители, желая дать своим детям престижное образование, переехали из Коби в Тифлис, заняв там небольшую квартиру и добывая средства к существованию мелкой торговлей. По словам Василия Ивановича, получение им, как и его братьями, права на бесплатное обучение в гимназии также является заслугой матери. Она, добившись приема у попечителя Кавказского учебного округа, объяснила ему на ломаном русском языке, что по бедности не может платить за обучение детей. В то время попечителем был Л. Г. Лопатинский, известный кавказовед и главный редактор популярного сборника «Материалы для описания местностей и племен Кавказа», отличавшийся добротой и уважительным отношением к горским народам Кавказа. Именно благодаря ему В. И. Абаев и его братья (Георгий и Семен), принятые в гимназию (он в VI классическую, они в III), получили бесплатное образование.

Гимназия дала мальчику глубокие знания во многих областях науки, сыгравшие большую роль в жизни будущего ученого. Он до последнего времени помнил различные события, произошедшие с ним в гимназии, фамилии и имена своих любимых учителей, имена товарищей по учебе. Особенно запомнились ему преподаватель истории Ефим Семенович Татешвили — известный грузинский историк и археолог, учитель французского языка Михаил Андреевич Зданевич, а также учитель немецкого языка, подаривший ему большую немецкую книгу — сборник рисунков и стихов Вильгельма Буша, до сих пор хранящуюся в его библиотеке. По словам Василия Ивановича, к чтению художественной литературы он пристрастился также в его гимназии. В этом большую роль сыграл образованный в его классе кружок книголюбов из восьми человек, которые на своих заседаниях регулярно обсуждали каждую прочитанную книгу.

Привожу воспоминание В. И. Абаева, записанное мной, целиком: «Мы — члены этого кружка, — говорит он, — страстно любили читать. Чтение было нашей страстью. Мы были теми, кто теперь называется книголюбями, периодически собирались и устраивали

совместное чтение. Притом, если кто-нибудь прочитал интересную книгу, то он сообщал остальным, и мы, таким образом, составляли список рекомендуемой литературы... обсуждали прочитанные книги, высказывали свои соображения, замечания. Этот кружок сыграл большую роль в моей жизни, в моем образовании. Он дал мне не меньше, чем давала сама гимназия. Множество знаний в области естествознания и в области других наук, в особенности литературы, я получил в этом кружке. Туда входили ребята разных национальностей: грузины Месхи и Квершителли, русский — Лазарев, латыш — Занис, поляк — Кепис, был даже один серб — Пестич. Дело в том, что население Тифлиса в то время было очень пестрым: грузины тогда не составляли большинства населения. Больше всего было армян, затем — русских и на третьем месте — грузин. Кроме того, были представители и других национальностей. Произошло это потому, что в царское время Кавказ так же, как и Сибирь, был местом ссылки, туда выселялись многие представители национальных меньшинств из Прибалтики, Польши и других регионов империи, и многие оставались на Кавказе и становились, так сказать, кавказцами»¹¹.

В личной беседе Василий Иванович часто высказывал мысль, что выбор специальности для себя он сделал еще в гимназии, решив непременно стать философом, но, когда познакомился с книгой Вс. Миллера «Осетинские этюды», отказался от этой мысли. «Прочитав эту книгу, — говорил он, — я загорелся желанием как-то продолжить ту работу, которую проделал Миллер, а именно осветить историю осетинского народа в свете истории языка. Я, тогда же в гимназические годы, решил поехать в Петербург, в университет, где работал Вс. Миллер, и поступить на иранский факультет»¹². Итак, В. И. Абаев очень высоко ценил вклад этого ученого в осетиноведение и иранистику.

Окончив гимназию в 1918 г., когда в России уже шла гражданская война, свою мечту об университете Василий Иванович смог осуществить только осенью 1921 г. До этого он работал учителем в школе родного села. Он часто и с любовью вспоминает годы, проведенные им в школе, гордясь результатами своего труда, тем, что дал образование многим юным горцам, которые впоследствии стали видными специалистами в различных областях экономики и культуры.

Услышав, что правительство Горской республики отправляет группу молодых людей на учебу в Петербург, В. И. Абаев приехал во Владикавказ и был включен в ее состав. Группа эта, состоявшая почти целиком из осетин (за исключением одного ингуша), впо-

следствии пополнила ряды осетинской интеллигенции несколькими видными представителями: кроме В. И. Абаева, в их числе заслуживают упоминания известный советский скульптор С. Тавадиев и академик М. Медоев.

Отправка молодых людей в Петербург была затруднена: во время гражданской войны движение поездов почти полностью прекратилось. Но нашелся добрый человек — Марк Авсарагов, постоянный представитель Горской республики в Москве, взявший их в свой спецвагон. Василий Иванович вспоминает, что ехали очень долго, более 10 дней, так как вагон часто отцепляли и надолго ставили в тупик в ожидании следующего товарного или пассажирского состава. От Москвы до Петрограда (уже по восстановленной дороге) они добрались без проблем.

«В Петрограде, — рассказывает далее ученый, — распределяли нас по разверстке в определенные вузы. Каждый должен был поступить в вуз, и мне достался Электротехнический, хотя я просил об университете. Для того чтобы формально закрепиться, я подал свои документы в Электротехнический институт и числился там студентом, а посещал лекции в основном в университете. А в 1922 г. перевелся из Электротехнического в университет, который в то время возглавлял профессор Николай Севастьянович Державин, брат моего тифлисского преподавателя географии Василия Севастьяновича Державина. Когда я у него был на приеме, то спросил: не его ли брат Василий Севастьянович? Он подтвердил, что это именно так и что он сам долгое время работал на Кавказе. Таким образом, мы оказались с ним в какой-то мере земляками. И с того времени и до окончания мною университета Н. С. Державин все время отечески заботился обо мне — в общем, оказал мне большую поддержку. Много хорошего я получил от семьи Абадиевых, была такая семья осетинская, жившая давно в Петрограде. Отца звали, кажется, Иосиф, две его дочери: одна Варя, имя другой забыл. Семья эта оказывала нам, осетинским студентам, гостеприимство, помогала, как могла. Я всегда с большой благодарностью вспоминаю об этой семье... Мои занятия в университете проходили хорошо. Я сдал двухгодичный курс за один год, поэтому вместо пяти лет я окончил университет в четыре года. Я посещал много лекций, даже те, которые для меня не были обязательными, но мне хотелось глубже войти в гущу научной жизни университета, поэтому я ходил на самые различные курсы. Регулярно я посещал лекции Н. Я. Марра, которые меня очень интересовали, так как он касался вопросов кавказоведения в широком плане. Иногда его лекции касались и осетинского

народа, осетинского языка, и я был ревностным посетителем его лекций»¹³.

Высоко ценил В. И. Абаев лекции выдающихся историков — С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле, которые также активно посещал. Он был свидетелем происходивших в эти годы в университете бурных дискуссий между профессорами по вопросу признания новой власти. По его словам, некоторые из них свое отрицательное отношение к власти высказывали даже на своих лекциях. Н. Я. Марр, Н. С. Державин, как и ряд других ученых, говорит он, приветствовали Октябрьскую революцию, активно включались в подготовку научных кадров, создание новых научных учреждений и т. д. В. И. Абаев часто говорил с юмором о том, что никогда в своей долгой жизни не стремился к карьерному росту и единственный раз использовал знакомство — когда поступал в университет. Стремление обогатить науку новыми открытиями всегда было его первой задачей. Ученик Н. Я. Марра, отдавшего много лет изучению древних памятников Армении, В. И. Абаев не мог быть кабинетным ученым, что доказывается многими его работами, основанными на собственном полевом материале. Даже летний отпуск он посвящал розыскам такого материала, переезжая из одного региона Кавказа в другой. Ксения Харитоновна, ныне покойная супруга ученого, рассказывала, что Василий Иванович не любил отдыхать в санаториях, его раздражал звон тарелок и ложек; выезжая летом в отпуск, супруги не задерживались на одном месте более двух недель, исколесив таким образом за время совместной жизни весь Кавказ¹⁴.

Мне также хорошо известно, что ученый свой летний отпуск всегда проводил в поездках по разным местам Кавказа. Встречаясь со многими людьми, он получал нужный материал для работ, в частности в целях составления своего знаменитого четырехтомного «Историко-этимологического словаря», над которым трудился почти всю жизнь. В личной беседе Василий Иванович называл выполнение этой работы, которая едва ли по плечу даже целому коллективу ученых, «каторжным трудом». И действительно, нужно обладать огромным талантом и работоспособностью, чтобы завершить такой гигантский труд. Напомним, что последний, четвертый том словаря вышел в 1989 г., когда автору исполнилось 89 лет. Мне приходилось быть свидетелем того, с какой самоотдачей Василий Иванович трудился над завершением словаря, строго распределяя свое время для достижения этой цели. Рабочий день у него продолжался с 6 часов утра с перерывами до позднего вечера. С коллегами и посетителями он мог общаться только по выходным дням.

Мало кто знает, что В. И. Абаев много лет тяжело болел костным туберкулезом, несколько раз подолгу лежал в больницах. В 1948 г. в Ленинграде он, находясь в больнице, подготовил к печати свой фундаментальный труд «Осетинский язык и фольклор». После переезда в Москву Василию Ивановичу дважды пришлось лежать в больнице (1965, 1976 гг.) в Подмоскovie: первый раз в течение 6 месяцев он, закованный в гипс, неподвижно лежал на спине. Для работы ученому сделали своеобразный станок, давший ему возможность за это время завершить интересное исследование о языке ясов¹⁵. Тогда, приехав к нему, я застал его за работой, обложенным с обеих сторон книгами по специальности, доставленными ему его аспирантами и коллегами. Вспоминая это, вновь приходится удивляться стойкости и железной воле этого человека.

17 декабря 1994 г. (тогда ученому исполнилось 94 года) я сидел у него дома, а он говорил: «Я всю жизнь упорно трудился и сейчас не могу жить, не работая; труд для меня жизненная необходимость. Обладая этим свойством, я в какой-то мере мог выполнить поставленные цели». И в последующие годы, когда приходилось бывать у него дома, всегда я находил его либо за письменным столом, либо с аспирантами, которым он читал лекции по древнему персидскому языку.

Многие ожидали, что, завершив работу над «Историко-этимологическим словарем», В. И. Абаев займется написанием своих мемуаров. Однако, к сожалению, этого не случилось. В личной беседе он говорил, что не будет писать мемуары, так как не обладает этим искусством и, кроме того, не вел записей и многие события не помнит. Конечно, для науки это большая потеря. Василий Иванович мог бы рассказать немало интересного о своей жизни и становлении как специалиста, а также о выдающихся советских ученых (Н. Я. Марре, И. И. Мещанинове, И. А. Орбели, В. В. Струве, И. Ю. Крачковском, В. В. Виноградове и т. д.), с которыми много лет работал или общался.

Мне хорошо известно, что В. И. Абаев в последние годы довольно активно занимался политической историей и даже написал книгу, которая ждет своей публикации. В ней он, в частности, критикует либералов-реформаторов, по его словам, разваливших великую страну, а вместе с ней великую науку. Автор особенно был озабочен судьбой нашей молодежи. 9 августа 1999 г. в газете «Человек и право» вышла его статья «О происхождении языка», ранее уже опубликованная в одном из сибирских журналов¹⁶, в которой он вновь обратился к решению давно им разрабатывавшейся

проблемы. При общении с В. И. Абаевым я часто слышал от него и такие слова: «Никогда не писал по заказу. Пишу то, что считаю нужным». Твердо придерживаясь этого принципа, он не участвовал или почти не участвовал в широко практикуемых в академических институтах коллективных работах, иначе бы не смог завершить свой гигантский труд — словарь.

Я уже говорил, что после переезда В. И. Абаева из Ленинграда в Москву у меня установились с ним оживленные контакты, он вовлек меня в орбиту своих научных дел. Занятый составлением словаря, он иногда перепоручал мне некоторые работы. Так, по его заданию и при его участии я опубликовал в Москве два сводных текста нартского эпоса (по Южной и Северной Осетии), снабдив их предисловиями, комментариями и словарями. Мы участвовали во всесоюзных совещаниях по нартскому эпосу в 1957 и в 1963 гг., проходивших, как я уже упоминал, очень бурно. По его же просьбе я написал несколько статей по мифологии осетин для двухтомного словаря «Мифы народов мира» (М., 1980), занялся изучением венгерских алан (ясов), три раза ездил в Венгрию и издал о них книжку¹⁷. Итак, роль Василия Ивановича в моей творческой жизни была очень значительна. В. И. Абаев относился ко мне как к младшему брату (разница в возрасте между нами 16 лет); в моей библиотеке хранятся несколько его работ с дарственной надписью: «С братской любовью».

Так как мы оба много ездили по Кавказу, изучали многие его народы, у нас было предостаточно тем для разговора. Поэтому Василий Иванович просил, чтобы я почаще бывал у него дома, что я и делал с большим удовольствием в течение многих лет. В то же время, пользуясь этой возможностью, ближе познакомился с его домашним бытом, записывал, возвращаясь домой, некоторые его высказывания по разным научным проблемам. В. И. Абаев сочетал в себе горскую культуру с европейской. Трудно определить, какая из них преобладала. Одно ясно, что его отличало прекрасное знание традиций, обычаев, быта горских народов Кавказа. Это было заметно даже при первом знакомстве с ним. Приведу лишь один пример из своей жизни: я не помню, чтобы он, принимая меня дома, прошел впереди меня: «Не полагается, — говорил он. — Гость должен идти впереди хозяина».

Знаю также, что в застолье Василий Иванович, хотя и любил тосты, особенно талантливого тамады, сам их не произносил, считая, что не обладает этим искусством. До последних дней жизни он пил сухие вина, шампанское и даже коньяк. По его словам, сердце — это мощный орган и его надо оберегать прежде всего

от переедания, регулярно совершать прогулки. Сам ученый мало ел, не употреблял мяса, сливочного масла, супов и т. д. Бытовые условия В. И. Абаева были более чем скромными. Много лет в Ленинграде он прожил в коммунальной квартире, там же написал лучшие свои работы; переехав в Москву, получил на двоих в академическом доме на Новопесчаной улице малогабаритную двухкомнатную квартиру, в которой рабочий кабинет служил ему и спальней, библиотека размещалась в шкафах в коридоре, гостей же хозяин принимал на кухне. У него не было ни дачи, ни машины. О приглашении иностранных ученых, многие из которых восхищались его талантом, не могло быть и речи, так как их нигде было принимать. Василий Иванович, дважды побывав в Париже в гостях у выдающегося французского ученого Ж. Дюмезиля, не мог пригласить его к себе.

По натуре В. И. Абаев был принципиален, обладал высоким чувством собственного достоинства. Мало кто знает, что он категорически отказывался защищать докторскую диссертацию, после того как в 1930-х годах его недруги помешали ему сделать это, хотя любая его работа могла быть представлена в качестве докторской диссертации. Однако только в 1960-х годах Ученый совет Института языкознания без защиты и даже без его присутствия присвоил ему давно заслуженную степень доктора наук. Мне известно также, что принципиальная точка зрения ученого по ряду проблем общего языкознания помешала ему быть избранным даже членом-корреспондентом РАН. В то же время В. И. Абаев за выдающиеся открытия был удостоен многих правительственных наград, состоял членом нескольких зарубежных академий и научных обществ.

Выше говорилось, что после встречи с В. И. Абаевым я, придя домой, на память записывал его высказывания по разным вопросам науки, в том числе касающихся этнографии. Напомню некоторые из них. По словам ученого, многие институты первобытной общины зависят от экономической ситуации в каждом конкретном случае. С его точки зрения, гостеприимство «зависит от уровня жизни народа. Если народ живет бедно, то он не может принимать гостей. Сравните осетин с абхазами, у которых я неоднократно бывал, они намного лучше живут и поэтому более гостеприимны»¹⁸. Обычай гостеприимства в его развитой форме В. И. Абаев находил только у жителей высокогорных районов, в то же время считая вполне объяснимым, что гостеприимство почти полностью исчезло у горцев, расселенных вдоль дорог, проходящих по перевалам Главного Кавказского хребта.

В. И. Абаев полагал, что, составляя историю осетин (как и других горцев), нужно отмечать особенность каждого села и ущелья. Он считал большим упущением отсутствие этого метода. Василий Иванович посоветовал мне написать этнографическую работу на основе данных, содержащихся в осетинских героических песнях. В некоторых из них можно найти следы нашествия Тимура, в других — борьбу горцев за независимость и против своих угнетателей — феодалов, князей и пр. После Великой Отечественной войны в Осетии возникло множество героических песен, посвященных прославленным в боях воинам — и погибшим во имя родины, и оставшимся в живых. Песни эти слагают народные умельцы в соответствии с древней традицией. Одни придумывают слова, другие мелодии, затем песню выносят на суд ценителей народных песен, исполняют ее в местах скопления людей, и после этого она становится достоянием народа, ее поют в сельских клубах и домах культуры, передают по радио и т. д.

Касаясь вопроса происхождения осетин, Василий Иванович говорил: «Обидно, что предки наши аланы не смогли создать свою письменность, не оставили хотя бы небольшой книжки». Объяснял он это тем, что аланы «больше были заняты военными походами... служили у разных правителей и нередко воевали друг с другом. Монголы заманили к себе много алан, которые занимали высокие посты в их войсках»¹⁹.

Приведу еще одно высказывание В. И. Абаева, касающееся сохранения осетинского языка, которым с XVIII в. (с момента появления первого европейца в Осетии) интересуется мировая наука, так как это единственный сохранившийся древний иранский язык, язык скифо-сармато-алан. Ученый был поражен тем, что его не знают многие носители. «В умах многих осетин, — говорил он, — существует мнение, что осетинский язык нужен только до Эльхотова (пограничное с Кабардой село. — Б. К.). Это сыграло роковую роль в исчезновении у многих осетин родного языка... язык сохраняется в семье; члены семьи дома должны разговаривать между собой только на родном языке, на стене комнаты у каждой семьи должен висеть плакат с надписью: "Здесь говорят только по-осетински"»²⁰.

Мне уже приходилось отмечать, что в работах В. И. Абаева красной нитью проходит известный тезис Я. Гримма «Наш язык есть также наша история»²¹. В. И. Абаев писал: «Поскольку язык живет тысячелетия, его показания приобретают значение исторических документов, которые, если сумеет их читать, могут много рассказать о прошлых судьбах того народа, которому этот язык принадлежит»²².

Исследуя осетинский язык и осетинскую народную словесность, В. И. Абаев выдвинул принципиально новое положение, которое не учитывалось дореволюционными исследователями осетин, в частности В. Ф. Миллером. Это доказательство участия в формировании осетинской народности и ее культуры местной кавказской среды, условно названной им субстратом. В. И. Абаев еще с 1920-х годов был одним из активных участников разработки теории субстрата, которую он, исходя из данных языков, определяет так: «Кавказский язык вошел в осетинский не просто как внешнее влияние — подобно тюркскому, арабскому и др., а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа... Кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику»²³.

В связи с разработкой этногенеза многих народов бывшего Советского Союза (Кавказа, Поволжья, Средней Азии и др.) теория субстрата с середины 1940-х годов приобрела особую актуальность и интерес к ней намного возрос не только у лингвистов, но и у специалистов смежных наук. Однако далеко не все ученые относились к ней с доверием. Поэтому назревала необходимость проведения научной дискуссии, которая состоялась осенью 1955 г. в Ленинграде. Наряду с лингвистами в ней участвовали археологи, антропологи и этнографы. Дискуссия шла главным образом по докладу В. И. Абаева, основные положения которого были приняты всеми ее участниками. В докладе особо подчеркивалось, что субстрат не является чисто лингвистическим явлением и что он представляет собой сложный этнографический процесс, сопровождающийся определенными языковыми последствиями. «Этнический субстрат, — говорил В. И. Абаев, — оставляет свой след не только в языке, но также и нередко в еще большей степени — в фольклоре, этнографии, в материальной культуре, наконец, в физическом облике народа»²⁴. В защиту этого положения выступили с конкретными фактами специалисты смежных наук, в числе которых были такие известные ученые, как И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровский, Г. Ф. Дебеч, Д. А. Ольдерогге.

Проблема субстрата продолжала разрабатываться В. И. Абаевым и в последующие годы. Большое значение в этом отношении имели его выступления на научных сессиях по этногенезу балкарцев и карачаевцев в 1959 г. в Нальчике и осетин в 1966 г. в Орджоникидзе. На сессии в Нальчике доклад ученого был целиком посвящен аланскому субстрату в этногенезе балкарцев и карачаевцев,

который, по данным самого В. И. Абаева и его предшественников (Вс. Миллера и М. Ковалевского), ярко прослеживается во всем: в топонимике, языке, материальной и духовной культуре, в домусульманских верованиях, общественном и семейном укладе, фольклоре и т. д.²⁵

На сессии по этногенезу осетин В. И. Абаев выступал в роли ее руководителя. В его докладе «Этногенез осетин по данным языка» речь шла о кавказском и иранском компонентах, участвовавших в этногенезе осетин. Как известно, по данным В. И. Абаева, В. Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, основанным на изучении осетинского языка, этнографии, фольклора, в этногенезе осетин, несмотря на наличие сильного местного субстрата, преобладает иранский элемент. «Новый этимологический материал, — говорил В. И. Абаев в своем докладе, — подтвердил, что основным и определяющим является индоевропейский, иранский слой. Удельный вес индоевропейской лексики оказался даже более значительным, чем можно было думать тридцать лет назад»²⁶.

Теория субстрата, впервые разработанная советскими учеными-лингвистами, прежде всего В. И. Абаевым, сыграла большую роль в решении сложнейших этногенетических проблем не только по отношению к народам Кавказа, но и многих других регионов бывшего Советского Союза. Яркое свидетельство этого — проходившая в 1960-х годах серия научных заседаний по проблемам происхождения народов Поволжья и ряда республик Средней Азии. На громадное значение теории субстрата для решения проблемы этногенеза Василий Иванович указал и в другой работе: «На территории Советского Союза от глубокой древности проходили крупные передвижения этнических масс во всевозможных направлениях, и посему имели место процессы этнического смешения. В некоторых местах этнический состав менялся по несколько раз на протяжении истории. Поэтому для изучения различных аспектов лингвистического субстрата у советских ученых обширное поле работы. Можно говорить о финском субстрате в северорусском, о скифском субстрате в южнорусском и украинском, о кавказском субстрате в армянском и осетинском, иранском субстрате в узбекском, эвенкийском субстрате в якутском и т. д.»²⁷.

Весьма важное значение для решения проблемы этногенеза имеет созданная В. И. Абаевым теория ареальной лингвистики, занимающейся «изучением тех сходных явлений изоглоссов, которые возникают между языками определенного ареала в результате длительного соседства и контактного развития»²⁸. Бле-

стящее применение этой теории мы находим во многих работах ученого, и в частности в его известной монографии «Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада»²⁹.

На основании историко-лингвистического исследования и сравнительного анализа данных фольклора и этнографии осетин в ней характеризуются скифо-сарматские контакты с германскими племенами, римлянами, прибалтами и славянскими народами. В этой работе, как и в ряде других, ученым выявлены элементы материальной культуры, мифологии, фольклора осетин, ведущих свое происхождение через древних иранцев от указанных народов. «Скифы учились земледелию у европейских народов, — пишет В. И. Абаев, — языковые данные полностью это подтверждают. Фактом является то, что в осетинском нет, пожалуй, ни одного земледельческого термина, кроме названия проса (*jæw*), который можно было бы с уверенностью возводить к общеиранскому и общеарийскому». Далее приводятся примеры осетинских земледельческих терминов, соответствующих терминам германских, балтийских, славянских языков³⁰.

Исследование ареальных контактов скифо-сарматов с народами Восточной Европы дало ученому возможность выявить наличие иранских языковых черт в языковом фонде этих народов, восходящих к доскифскому периоду, о чем свидетельствуют данные археологии и топонимики. Этот факт коренным образом меняет прежнюю точку зрения специалистов на скифов и их расселение: доказано, что осетинский язык — продолжение скифского; скифо-сарматы и аланы внесли значительный вклад в культуру многих народов бывшего Советского Союза, в том числе народов Кавказа. Особое внимание В. И. Абаев уделил исследованию скифского языка, выявлению скифо-сарматских черт в материальной культуре, фольклоре, мифологии и религии осетин. Составление им грамматики скифского языка на основе эпиграфических греческих надписей из Северного Причерноморья можно считать научным подвигом³¹.

Изучение В. И. Абаевым множества памятников языка скифо-сарматов и алан дало ему возможность также сделать заключение о чрезвычайной близости этого языка с осетинским; такое же сходство мы находим и в других областях их культуры. По этому поводу В. И. Абаев писал: «Из всех известных иранских языков скифский (язык) ближе всего к осетинскому. Эта близость настолько ярка и отмечается такими чертами преемственности, что скифский и осетинский языки могут рассматриваться как две ступени развития одного и того же языка»³². Некоторые скифские имена

на эпиграфических памятниках совпадают с именами героев осетинского нартского эпоса (*Созырыхъо*, *Уырызмæг*, *Ацæмæз*, *Уæрхæг*) и родоначальников нартских фамилий (*Хсæртæг*, *Борæ*)³³, что дает возможность судить об истоках первоначальных пластов этого памятника. В личных именах скифо-сарматов ярко отразились и пережитки тотемизма: часто встречаемы здесь имена двух тотемных животных — оленя (*саг*) и волка (*уæрхæг*). По-видимому, они играли большую роль в их жизни. В. И. Абаев показал, что само название скифов идет от тотема — оленя, так же как и имя родоначальника нартов *Уæрхæг*. Из названий, встречающихся в рассматриваемых эпиграфических памятниках, большого внимания, по определению В. И. Абаева, заслуживают *кан* (осет. *гæн*) — конопля и *уава* (осет. *јаѵи*) — просо, самый распространенный хлебный злак в равнинной зоне Северного Кавказа, о чем свидетельствуют многочисленные археологические и письменные источники. Таковым он остался и в последующее время³⁴.

Таким образом, В. И. Абаев доказал, что эпиграфические данные, отразившие многие стороны жизни скифо-сарматов в VII–I вв. до н. э., указывают на преемственность их культуры осетинами и другими народами Кавказа и Евразии.

Этнограф-кавказовед также не может пройти мимо одной из ранних работ В. И. Абаева — «Свидетельства языка о культуре и быте древних осетин» (вошедшей затем как глава в его «Осетинский язык и фольклор»), в которой рассматривается происхождение названий различных отраслей хозяйства, сельскохозяйственных орудий, культурных растений, видов домашних и диких животных, предметов материальной культуры, а также социальных категорий, мифологических и религиозных терминов и т. д. По данным языка определяется степень развития земледелия, скотоводства, ремесла и других видов занятий у предков осетин³⁵.

Несомненным оригинальным этнографическим исследованием В. И. Абаева является его «Дохристианская религия алан» — работа, почти целиком основанная на данных нартского эпоса, языческих верований, мифологии осетин. В ней впервые обращено внимание на то, как отражен в эпосе процесс христианизации алан, начавшийся в V в. под влиянием Византии и Грузии и завершившийся в X в. основанием аланской епархии на Западном Кавказе. Особенно ярко это проявляется в эпизодах борьбы между языческими богами (среди них знаменитый нартский герой Батраз) и христианскими святыми (зэды, дауаги и др.), в которой первые терпят сокрушительное поражение. Вспомним хотя бы смерть

того же Батраза и его похороны. Как подметил Абаев, многие языческие боги и покровители осетин, хорошо известные еще в верованиях древних иранцев, в процессе христианизации алан не исчезли, а приняли лишь имена христианских святых, по-прежнему выполняя присущие им функции. В этой работе, как и в других, В. И. Абаев полностью исключал влияние зороастризма на религию скифов, а следовательно и осетин³⁶.

В творчестве В. И. Абаева большое место отводится исследованиям исторических этноязыковых и этнокультурных контактов алан-осетин с соседними народами Кавказа. Разработка этой проблемы началась еще с 1930-х годов, в период проведения им продолжительных поездок в 1930, 1931 гг. по карачаевским и балкарским селам с целью изучения аланского субстрата в этногенезе этих народов. В языках балкарцев и карачаевцев он обнаружил 200 староосетинских слов, распространенных на всей их территории до верховьев Кубани. При этом, по его словам, аланские элементы не были заимствованы, как полагали В. С. Миллер и М. Ковалевский, а составляли основу или субстрат. Особое внимание заслуживает обилие в языках балкарском и карачаевском терминов — религиозных, мифологических, фольклорных, социальных, этнических, а также названий предметов материальной культуры, сходных с осетинскими. Все они восходят к древнекавказскому миру и аланской эпохе. Одним словом, аланские элементы в балкарском и карачаевском языках и культуре этих народов могут служить наглядной иллюстрацией и ярким подтверждением субстратной теории В. И. Абаева. Впрочем, он не отрицал и более древнего кавказского слоя в этногенезе этих народов³⁷.

Много внимания ученый уделил исследованию этнических и этнокультурных связей предков осетин-дигорцев с соседями (сванами, абхазами, мегрелами), посвятив им специальные работы, основанные на полевом материале, собранном им самим в трудные годы войны (1944–1945) непосредственно на территории расселения этих народов³⁸. Восточные аланы в отличие от западных менее изучены в плане этнокультурных связей с соседними народами. Однако этот пробел в значительной мере восполнен работой В. И. Абаева «Осетино-вайнахские лексические параллели», основанной на литературных источниках.

И все же по научной значимости ничто не сравнится с упомянутым выше четырехтомным «Историко-этимологическим словарем» В. И. Абаева, в котором каждая словарная статья — это научное открытие. Словарь этот представляет собой неисчерпаемый

этнографический источник для кавказоведов-этнографов и специалистов смежных наук. Каждый, кто интересуется, например, происхождением названий и терминов различных социальных категорий, предметов материальной и духовной культуры, языческих божеств и культов, семейных и общественных обычаев народов Кавказа, ареалом их распространения, найдет в словаре исчерпывающую информацию. Приведем лишь несколько примеров. Осетинское слово *абырæг* (разбойник) встречается почти в таком же варианте и у других народов Кавказа (груз. *абрек*, абх. *абраг*, каб. *абрег*, балк. *абрек*, инг. *абарг* и т. д.), а также у терских и кубанских казаков. В. И. Абаев считает его персидским, воспринятым кавказскими народами не ранее начала XIX в. Появление абречества среди горцев дореволюционного Северного Кавказа было вызвано социальной несправедливостью. Горец, уходя в абреки, грабил и убивал своих угнетателей — местных феодалов и царских чиновников. Вспомним знаменитых абреков начала XX в. — чеченца Зелимхана или осетина Заура³⁹. Не меньший интерес вызывает происхождение распространенного на Кавказе припева *уарайда* в песнях (осет. *уæрæйдæ*; каб., адыг. *уарада*, убыхск. *уарада*; абх., абазинск. *уара(и)да*; балк. *уарайда*; груз. (диал.) *уара(й)да*). В. И. Абаев, анализируя припев, давно привлекавший к себе внимание исследователей, впервые подметил, что он существует и «на русской почве: *ей рей, ой ряди, уряди*», ссылаясь на предположение некоторых дореволюционных авторов, «согласно которому русские могли познакомиться с этим припевом на свадьбе Ивана Грозного с черкесской княжной Марией Темрюковной, где сопровождавшие невесту черкесы исполняли свои свадебные песни». Все это доказывает давность существования этого припева на Кавказе и его распространения у отмеченных выше народов.

Из терминов социальных институтов горцев Северного Кавказа особый интерес вызывает *хъан* (воспитанник), связанный с древним обычаем аталычества, нашедшим яркое отражение, например, в осетинском нартском эпосе. В послемонгольский период обычай получил значительное распространение среди феодальной верхушки адыгских народов, абхазов, кумыков и др. В. И. Абаев, анализируя термин *хъан*, отмечает, что он аналогичен с тюркским *хъан*, означающим «царь, хан». По его словам, «воспитанник назывался ханом, потому что он был окружен особой заботой и почетом. Следует учесть, что черкесы, по сведениям XVII в., брали на воспитание детей крымских ханов, чтобы

этим высказать свою покорность. Стало быть, в этой среде “хан” и “воспитанник” могли обозначаться одним словом⁴⁰.

Для этнографа-кавказоведа важное значение имеет происхождение названия *гутон* (плуг). По этому поводу среди исследователей имеются разные точки зрения. В. И. Абаев считает *гутон* общекавказским словом неизвестного происхождения: арм. *гутан*, курд. *котан*, азерб. *котан*, груз. *гутани*, абх. *а-катан*, авар. *кутан*, вайнах. *гуота*, балк. *готан* и т. д. По его словам, «ни в одном из перечисленных языков слово не имеет этимологических корней». Ясно одно: по археологическим данным, это тяжелое пахотное орудие появилось на Кавказе не ранее VIII–IX вв., придя на смену малогабаритным земледельческим орудиям⁴¹.

Наконец, из множества полухристианских-полуязыческих божеств осетин, имена которых помещены в словаре, автор особое внимание уделяет наиболее популярному — *Уастырдж* (диг. *Уасгерге*). Его образ уходит корнями в скифо-сарматскую эпоху. В. И. Абаев, по своему обыкновению приводя о нем массу сведений из разных источников, считает, что осетинское *Уас Герге*, означая св. Георгий, примыкает не к греко-латинскому — *Геориус* и не к грузинскому — *Георги*, а к мегрельскому *Герге*, видимо, потому, что мегрелы как ближайшие соседи средневековых алан могли передать им свое название святого. Впрочем, и у адыгских народов св. Георгий известен под тем же названием. Только неясно, откуда оно идет к ним — от мегрелов или алан. В. И. Абаев обращает внимание и на то, что у всех христианских народов св. Георгий сохранил немало черт дохристианских культов: солнечных, земледельческих, военных⁴². Яркое свидетельство тому — осетинский материал, по которому *Уасгерге* (*Уастырдж*) выполняет самые разные функции — от пастуха до бога войны. Он появляется то в простой крестьянской одежде с пастушеской палкой, то на белом коне в белой бурке. Он — покровитель мужчин, воинов и путников.

Несомненный интерес для этнографа-кавказоведа представляет и происхождение термина *сауджын* (священник, поп), означающего, по мнению В. И. Абаева, «буквально одетый в черное», другими словами, черные монахи, «бывшие первыми христианами миссионерами в Алании». Из аланского, полагает он, идет кабардинское *шоген* (священник), от него — кабардинские фамилии Шогенов (Шовгенов) и Шогенцуков⁴³. Под этим названием священник известен и у других адыгских народов — одно из свидетельств весьма поверхностного наслонения у всех адыгских племен христианства, а также восприятия ими некоторых его черт от своих соседей — алан.

Итак, даже из этого беглого обзора несложно заметить содержащееся в трудах В. И. Абаева, в частности в его «Историко-этимологическом словаре», обилие материалов по разным вопросам этнографии и других смежных наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976; его же. Скифы и нарты. М., 1978.

² Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Л.; М., 1949.

³ Калоев Б. А. Дневник (рукопись; хранится в личном архиве автора). Тетр. 1. С. 15.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Калоев Б. А. Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1995. С. 38–69.

⁶ Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971. С. 114.

⁷ Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 217–260.

⁸ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 186–206.

⁹ Дневник. Тетр. 1. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан / пер. с нем., прим. В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.

¹⁶ Язык в океане знаков. Новосибирск, 1933. С. 12–19.

¹⁷ Калоев Б. А. Венгерские аланы (ясы). Историко-этнографический очерк. М., 1996.

¹⁸ Дневник. Тетр. 1. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 27.

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. С. 316–334.

²² Абаев В. И. Язык и история // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968. С. 38.

²³ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. С. 76.

²⁴ Абаев В. И. О языковом субстрате // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1956. С. 69.

²⁵ Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии по

проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов 22–26 июня 1959 г. Нальчик, 1960. С. 132.

²⁶ *Абаев В. И.* Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Матер. науч. сессии, посвящ. проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 20.

²⁷ *Абаев В. И.* Язык и история. С. 40.

²⁸ Там же.

²⁹ *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

³⁰ Там же. С. 143.

³¹ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. С. 148–243.

³² Там же. С. 239.

³³ Там же. С. 152.

³⁴ *Калоев Б. А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 77–111.

³⁵ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. С. 48–94.

³⁶ *Абаев В. И.* Избранные труды. Т. II. М., 1990. С. 115.

³⁷ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. С. 271–291.

³⁸ Там же. С. 309–323.

³⁹ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., 1958. С. 25–26.

⁴⁰ Там же. Т. II. С. 262.

⁴¹ Там же. Т. I. С. 527.

⁴² Там же. Т. IV. С. 49–50.

⁴³ Там же. Т. IV. С. 45.

Казбек ГУТИЕВ

МИСОСТ КАМБЕРДИЕВ

О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ ПОЭТА

Мисост Камбердиев

Мисост Камбердиев прожил короткую жизнь, быструю, как мгновение. Двадцать два года всего... Говорить об этом без боли нельзя, забыть об этом невозможно. Это, казалось бы, естественно и, во всяком случае, должно быть понятно всем. Но не так просто и легко представить себе, как много успел сделать Камбердиев за этот короткий, отмеренный ему судьбою срок.

I

Детство Мисоста и отроческие годы протекали в разных городах, но особенное значение имело для него родное село Карджин, где он впервые шести лет от роду переступил порог школы. Там будущий поэт в первый раз вобрал в себя тот образный мир, который так ярко и сильно отразился потом в его творчестве. О днях своей ранней юности, о родном селе, о «цветущих берегах Карджина» он вспоминал всегда с особенной любовью:

*Мне думалось в детстве далекой порой,
что тайна земная хранится
за нашей высокою снежной горой,
за нашей природной границей,
что мир — это наше большое село,
без нас он и миром бы не был.
У солнца из золота дом за скалой,
а камень — опора для неба.*

Самым сильным увлечением Мисоста Камбердиева в детстве были книги. Читать он научился, как рассказывал мне об этом его отец, по книжкам старшего брата. Читал, что называется, запоем.

«Æдзухдæр-иу исты чингуытæ касти, — вспоминал отец. — Хæргæ-хæрын дæр — кæсгæ»¹.

В детстве Мисост играл на скрипке. «Еще маленьким мальчиком я учился играть на скрипке и выступал на концертах как скрипач и декламатор», — писал он в одной из неопубликованных заметок. Следует помнить, что это очень важная деталь: Камбердиев был одарен музыкально. Музыкальность пронизывает его творчество, его поэзию.

Учился он урывками: то в родном селе, то в Моздоке, то в Нальчике. Время было тогда тревожное: шла война... Год или два уже после победы Советской власти на Тереке он учился в Ардонской школе-коммуне, живя впроголодь, в совершенно невыносимых условиях. Вот что писал по этому поводу Коста Фарнион, друг его и однокашник:

«1921 аз. Æрыдоны семинар. Уæд хуынди кæмунæйы скъола. Иу хъызтбон ссыдысты Кæрдзыныхъæуæй Хъамбердиаты лæппутæ. Мысост ныллæгуæнг æмæ æвзагарæхст хæрзæрыгон рæсугъд лæппу. Уæд уыдис стонг аз. Хордтам фæткъуыйы хустæ 'мæ цымдтам цай. Ахуыр цыдис куыддæртæй. Мысост уарзта сомы кæнын æмæ-иу ныссомы кодта: "Хъуыраныстæн, нæ уыдзæнис, сымах куыд зæгъут, афтæ — нæ бахæрдзынæн хуыйы фыд, нæ, хъуыраныстæн!"

Лæппутæ йæ мæстæй мардтой. Мысост нæ мæсты кодта... Худгæйæ мæ стонгæй ивгъуыдта цард...»

Первые стихи Мисост Камбердиев, по свидетельству отца, сложил, когда ему было лет десять. Слагал он свои стихи первое время на русском языке, который он усвоил еще в раннем детстве.

«Ленин ку' амард, уæд уый фæдыл Мысост ныффыста стихтæ уырыссагау», — вспоминал отец.

II

Шел 1926 год. Время начала серьезного творчества. Стихи Камбердиева все чаще и чаще появляются на страницах осетинских газет. Он вошел в осетинскую литературу как-то неожиданно и сразу. В 1927 году восемнадцатилетним юношей он вступил в Осетинскую АПП «Зиу».

«“Зиуы” фæхыл стæм, — писал об этом времени жарких литературных споров Коста Фарнион. — “Зиуæй” рацыдыстæм: Нигер, Мысост æмæ æз. Рауагътам “Уадынз”. “Уадынзæн” раздзырд

¹ В статье много текста на осетинском языке, в том числе поэтического, перевод которого автор, к сожалению, в свое время не предоставил. (Прим. ред.)

ничи фыста. Хыл уыдысты немæ “зиууæттæ”. Раздырд ныффыста Цомахъ».

«Уадынз» — это небольшой по объему коллективный сборник трех молодых поэтов — Нигера (Ивана Джанаева), Мисоста Камбердиева и Коста Фарниона (Константина Фарниева). Самому старшему из них — Нигеру — шел тогда тридцать первый год. Издали они сборник на свои, следует полагать, очень скромные средства. «Авторы рауагъд» («Издание авторов») — помечено на титульном листе.

Всего девять стихотворений Мисоста Камбердиева вошло в эту книжку. Камбердиевский цикл открывается в ней стихотворением «Поэтæн». Оно явилось ответом на известные строки Цомака:

Фæлæ зонын æз бæлвырдæй,
Хур кæй аныгуылдзæн, уый.
Фæлæ зонын æз бæлвырдæй,
Цард кæй фæуыдзæни, уый.

Сильно и ярко зазвучал в этом стихотворении камбердиевский голос. Это была программная вещь, художественное кредо совсем еще юного поэта.

Все было ново в этом стихотворении: новое содержание, новая мелодия, новый ритм, новые рифмы. Мисост Камбердиев вступал в полемику с поэтами, которые не могли еще полностью отрешиться от настроений тоски и уныния. В этом стихотворении истоки лирических и даже больше — философских — раздумий поэта о жизни. Важно заметить, что в разработку темы Камбердиев внес свое понимание проблемы. Мир прекрасен, утверждает поэт, и жить на свете стоит. Жизнь неистребима, и величайший смысл ее в том, чтобы творить.

Бирæ адæм ис
нæ фæстæ,
бонтæ къахдзæфтæй цы барæм!
Нал у царды дон ызмæстдæр,
цæй, нæхи дзы ныр
ныппарæм!
Ды нæ царды фæудæн зарыс,
на, фæлæуу,
фæлæуу, ныуадз æй.
Æз мæхи æндæрыл хъарын —
хурмæ
асинтæ
куырдадзæй!

Смысловые паузы, ломанные строки, рифмы очень приближенного касания — все это было ново в нашей литературе.

Общий строй гаммы, приподнятая тональность, мажор придавали стихам Камбердиева высокий накал оптимизма. Казалось, иначе и не могло быть, потому что поэт принадлежал к тому поколению молодежи, которое пришло в мир уже наполненное пафосом социалистического переустройства и созидания.

Стихотворение «Поэтæн» — свидетельство творческой зрелости Камбердиева, хотя ему было тогда всего восемнадцать лет. Кто-то из хулителей поэта — здесь я имею в виду в первую очередь Н. Джусоева — объявляет это стихотворение ущербным и незрелым... Но не следует судить по себе. Никогда не следует забывать о том, что Мисост Камбердиев, как и многие особенно одаренные люди, очень рано созрел.

Теме назначения поэта посвящено и другое стихотворение ранней поры «Фæндон». Искренне, исповедально говорит Камбердиев в этом стихотворении о радости бытия:

*Фæнды маæ рагуалдзæджы згъалын
Зæххы цæсгомыл хор æрмæй,
Æхсæв æнцад доны куыд калы
Æвзист уæларвы зæрдæ — мæй.*

О чем же мечтает поэт? Каков идеал Камбердиева?

*Стæй ма ноджыдæр куы ссарин
Зæрдæйы гуыдырæн дæггæл,
Уæд дардмæ, чи зоны, ныззарин,
Маæ мысын не сауид дзæггæл.*

Найти ключ к человеческому сердцу, служить народу средствами поэтического слова — вот она, мечта поэта. В этом Камбердиев видел свое жизненное призвание, свою поэтическую миссию... Еще в самом начале пути он ставил перед собой новаторски дерзкие и смелые задачи.

Камбердиев выступил со своими произведениями на крутом переломе судьбы своей малой родины — Осетии. А судьба эта решалась Октябрьской революцией. Это был поворот, который определил путь ее развития.

Тема преображенной, советской Осетии и тема революции — главное в творчестве Мисоста Камбердиева, доминанта его поэзии.

Камбердиева родила советская новь, революционная эпоха, великие события века. Шла беспощадная ломка всего старого.

Утверждалось новое. И в этом утверждении нового — вся жизнь Камбердиева. События революции, новой строящейся жизни воспринимались поэтом восторженно, с пафосом, без душевных метаний. Хулители поэзии Камбердиева не могут простить ему именно это.

Первое стихотворение Мисоста Камбердиева на осетинском языке появилось в 1926 году. «Октябрæн» — так оно, посвященное революции, называлось. И это символично — октябрьский свет озарил поэзию Камбердиева в самом начале его творческого пути.

Тема верности революции решалась и в других стихотворениях ранней поры. Например, в «Сырхæфсæддоны зарæг», где, кроме всего прочего, нетрудно заметить прямые связи с осетинским фольклором.

А в стихотворении «Хохы зæппæдзты æмбырдтæ...» поэт обращается к памяти отцов, павших во имя великих идеалов поколений. Это стихи о бессмертии дела революции:

*Боны рухс мæрдтæй нæ хоны,
Ахицæн уæ дуг.
Тырысаты судзы — зонæм –
Нæ фыдæлты туг.*

Начиналась новая мировая эра... Интуицией художника Камбердиев чувствовал этот мир. Он понимал изменения, которые в нем происходили, и все это он очень тонко умел передавать в своем творчестве. Острый художнический глаз его быстро улавливал повсюду приметы нового. Живописный рисунок поэта абсолютно точен. Вот его стихотворение «Ног хъæу»:

*Хъæу...
Йæ зæххы хайыл
Даргъ обæутты таг.
Се 'хсæнты суайы
Быдырмæ фæндаг.*

Детали нарисованной в этом стихотворении картины расположены в перспективе, и расположены так, что художнику-живописцу легко было бы перенести их на полотно.

Камбердиев никогда не цеплялся за старое. Он смело восставал против патриархальных нравов. В творчестве его вы не найдете произведений, в которых бы воспевались патриархальные устои. Никакой идеализации прошлого, никакой поэтизации старины. У Камбердиева нет даже легкого намека на это. Он весь в борьбе с дряхлеющим миром.

Пафос борьбы со всем тем, что мешает развитию нового, очень хорошо выражен в маршевом, наступательном, радостном ритме стихотворения «Ног æфсад»:

*Мах стæм
тау кæрдæг.
Мах стæм
Цард-цæрдæг.
Мах стæм
Рухстау æфсад!*

Это — боевой марш молодежи, штурмующей старый мир. Здесь — музыка души Камбердиева.

Дыхание революции коснулось многих произведений поэта. Но Мисост Камбердиев писал не только об этом. Мир его был многомерен. Многогранна его поэзия.

Неотразимое впечатление производят, например, его стихи, посвященные теме природы, временам года. Он как-то по-особенному радовался всегда приходу весны. Немало волнующих строк о весне мы находим в его письмах.

Камбердиев создает живые картины деревенского быта и труда крестьянина в таком, например, стихотворении, как «Рувæнты». Читаешь, и перед глазами один за другим возникают образы хрустальной прозрачности и чистоты: «Ног мæй æрттивгæйæ фæндаг фæдары...», «Тохнатæ лулæтау калынц сæ фæздæг, // Фæздæг ыздыхсгæйæ арвмæ тындзы».

Изображению трудового крестьянского лета посвящено его «Хосгæрст». А в стихотворении «Æхсæвæддæ» с неподражаемой силой передана пленительная красота южной ночи. Когда читаешь эти стихи, в душе рождается какое-то непосредственное ощущение родства с природой, столько здесь художественного такта и чутья.

Чуткость Мисоста Камбердиева феноменальна. Его трогает и волнует даже участь оголенного деревца в саду, когда на дворе уже осень, холодная и неприятная:

*Чи уыди? Знаджы къухæй
Чи ныллæгуын кодта дæу?
Æз дæуæн дæ сыфтæ цухæй
Федтон абон.*

Камбердиев слышит потаенный голос природы, он улавливает краски и звуки зимнего леса:

*Бæлæстæ нал зынынц салфæй,
Дымгæ ысниуы, кæуы.
Хъæдæн æддозæй, йæ арфæй,
Фæрæгты къупп-къупп цæуы.*

Поэзия Мисоста Камбердиева ранней поры привлекает нас и его глубокими раздумьями о жизни и смерти. Это — проблемы вечные, темы вечные. И они — я думаю, это следует подчеркнуть особо — вовсе не чужды революционной эпохе... Безостановочно само течение жизни... Дни — родники, которые бегут, образуют жизнь:

*Зонын, цард зæххыл æхсиды,
Бонты суадæттæй — йæ гуырд.*

«Зонын» — так называются эти стихи, полные грусти, душевной тревоги, раздумий о скоротечности жизни:

*Зонын, искуыцæй мæ мæлæгт
Уазал цæстытæй кæсы.*

Однако стихи продиктованы не пессимизмом, а жадой жизни, жадой видеть мир более совершенным, чем он есть. Не отрицанием, а утверждением жизни завершаются они:

Бонты рухсдæрæн — мæ зард.

А за этой строкой в камбердиевском тексте сделан отступ — знак паузы, выразительнейшей паузы, и вот, наконец, заключительные, полные глубочайшего смысла слова:

*Хъæу ныгъуылдзысты сæ куысты
Æмæ згъордзæн ногмæ цард.*

Это песня во славу жизни, нескончаемой и трепетной, торжествующей над смертью. И написал эти стихи юноша, которому едва исполнилось восемнадцать лет... Сердечной мудростью, мужеством и силой веет от этого стихотворения... Оно завораживает нас своей искренностью, задушевностью, обаянием.

Поэзия Мисоста Камбердиева привлекает нас и своей изобразительной силой. Его поэтическая символика — явление уникальное, мышление — метафорическое. Повсюду в произведениях Камбердиева, как драгоценные камни, рассыпаны образные находки. Образность его, однако, не проста. Есть у поэта стихи с очень сложной метафоричностью (например: «Судзы буары тутт бæласы...», «Хур ныттылдта фæсхоxmæ йæ сæр»). Не останавливаясь на

этом вопросе, я хочу заметить только, что в основе поэтики Мисоса Камбердиева лежит метафорический образ. А метафора, как известно, уходит корнями в древность...

Есть в ранней поэзии Камбердиева образ дороги. Он проходит, например, в стихотворении «Балц». Герой его не знает преград:

*Суайын æрхы,
Фæзилын комы.
Кæм и ныхлæууæг,
Кæм дæ, уромæг!*

Этот образ мы находим и в стихотворении «Фæстаг хъуыды», завершающем камбердиевский цикл в сборнике «Уадындз». В этих стихах выражена мечта юноши, решившего целиком посвятить себя поэтическому труду и наукам:

*Мæ фæстаджы хъуыды,
Мæ æцæггæй фын.
Бæркад-зæрдæ быдыр,
Æз райсом цæуын!*

*Цæхæрджын сахары —
Мæ амонды гуырд.
Еблагъуæджын хъармы —
Ыскъолаты дзырд.*

Цæхæрджын сахар — искристый город — это, конечно, Москва. С поездкой в Москву у Камбердиева было связано все его будущее, все надежды и упования. Подобно герою своего стихотворения, он был человеком в пути:

*Сфæйлау мæ зардмæ,
Нæ быдырты цъæх.
Цæудзыстæм та дардмæ,
Гъей, фезмæл, мæ бæх!*

III

В августе 1927 года Мисост Камбердиев после вступительных экзаменов был принят на Единый художественный рабфак, переименованный потом в Рабфак искусств им. А. В. Луначарского. С первых же дней учебы он со всем жаром молодости отдается постижению самых разнообразных наук.

Пребывание на Рабфаке искусств — очень яркая страница в жизни Камбердиева. Писал он в этот период много. «Вы просите, чтобы я посылал все стихи, которые я пишу. Тогда Вам надо завести хранилище с большой кубатурой», — читаем мы в одном из писем поэта. Говорит он об этом вроде как шутя, но и на самом деле московский период его творчества был весьма плодотворным.

Стихи и рассказы Мисоста Камбердиева появляются в московских журналах «Пионер», «Юнг-Штурм». Он продолжает печатать свои стихи и в североосетинских изданиях — «Власть труда», «Рæстдзинад», «Æвзонг тых».

Это было время в истории нашей страны, когда впервые в невиданных масштабах шло строительство. Камбердиева волновало все — судьба всей страны и судьба Осетии. Он сам был очевидцем того, как в лесах кипучей стройки поднимались фабрики, заводы, дома.

«Идет бешеная стройка, — писал он весной 1928 года в письме к Сармату Косирати. — Одна за другой взвиваются могучие многоэтажные (чуть ли не небоскребы) постройки».

Интересно проследить, как сумел Мисост Камбердиев воплотить эти живые и непосредственные свои впечатления от новостроек Москвы в зримые художественные образы.

Вот его стихотворение «Стройка», написанное тогда же, в апреле 1928 года. Следует обратить внимание прежде всего на емкость, объемность, так сказать, масштаб этого небольшого, всего в четыре строфы стихотворения.

Начинается оно с метафоры: солнце — багровый круг, каким оно действительно бывает спозаранку. А небо в тот ранний час, когда начиналась работа на стройке, было, конечно же, синим, именно синим:

*По небу синему лучи
Метал багровый круг.*

Далее глазам предстает другая картина: рабочие-каменщики возводят дом. Небо и солнце остались в перспективе:

*Ложились
стройно
кирпичи
Под взмахи крепких рук.*

Хочу обратить внимание на третью строку в этой строфе. Слова в ней расположены лесенкой, каждое слово выделено, за

каждым следует смысловая пауза. Это так называемая ломано-интонационная строка. Лесенка, графически преображая строку, создает впечатление кладки — слова в строке ложатся, как кирпичи.

Но вот солнце продвигается к зениту. Оно уже не багровый круг, а ладья, струг. Небо — речная гладь. Так создается развернутый образ-метафора, перехлестнутый звонкими рифмами стих.

*Под гул и гром,
под визги пил,
под всхлип известняка
могучий дом
ряды стропил
закинул в облака.*

Оттолкнувшись от каких-то конкретных наблюдений, Камбердиев сумел создать обобщенный образ стройки. Типизировать и обобщать — в этом была сила его таланта и высокая мера его мастерства.

Мисост Камбердиев еще в раннем творчестве бросил гневный вызов адатам. Стихотворения, посвященные этой теме, составляют значительную часть и московского периода его творчества. «Поверх адата» — так назвал свои стихи на эту тему сам поэт. Большинство их написано на русском языке, и все они носят воинственно-наступательный характер. Поэт с радостью прощается с «миром отеческих традиций», который он «на науки променял».

*И в шелест лиственный, звеня,
Огнем неслось за словом слово,
и звуки песни,
песни новой,
в груди родились у меня.*

Именно ощущение новой эры, ощущение великого перелома в жизни осетинского народа в результате Октябрьской революции придает исключительную силу стихам Мисоста Камбердиева о родине, о новой советской Осетии, где «туман, дымящийся в эпохе, заметают новые года».

Поэтическую свою судьбу Камбердиев всегда связывал с преобразенной Осетией. Находясь в Москве, он написал немало проникновенных строк, согретых любовью к своему горному краю:

*Дæ доминаг хъæбул —
Æз дæр дæ хæсдарæг,*

*Хæссын дын
Нывондæн мæ сæр.*

«Нæ хохмæ» — так называется стихотворение, из которого взяты эти строки. Быть поэтом — долг, быть поэтом — ответственность, вот о чем эти стихи. Недаром эпитаграфом поэт взял слова Коста:

*Æз дзыллæйæ къаддæр куы дарин,
Куы бафидин искуы мæ хæс.*

Стихотворение Мисоста Камбердиева написано в хетагуровских традициях. В нем очень ясно подчеркнута жертвенная роль поэта.

Камбердиев восхищался Коста Хетагуровым. Он посвятил ему стихотворение «Певцу».

Вот в чем видел поэт величие хетагуровского подвига:

*Поэт и храбрый витязь,
Ты звал к борьбе людей,
И brave джигиты
Седлали лошадей.*

Это совершенно точные слова. Сила подлинного искусства неотразима — стихи Коста действительно поднимали горцев в поход... Революционное преобразование мира — вот какой видел Камбердиев душу хетагуровской поэзии.

Мисост Камбердиев сам — закономерное звено в общем процессе развития осетинской литературы.

*Неспетое тобою,
Быть может, я спю, —*

сказал он, обращаясь к Коста. И это — не дерзость. Камбердиев отлично понимал всю меру ответственности за эти слова.

Мисост Камбердиев чувствовал живую связь и с современной ему поэзией. Одним из очень близких ему по революционному духу поэтов был Созур Баграев. В образе Баграева, с творчеством которого он был хорошо знаком, в какой-то мере, быть может, воплотилось его представление о новом типе поэта — продолжателя хетагуровских традиций.

Есть у Камбердиева стихи, посвященные памяти Баграева. Они написаны им в 1928 году под свежим впечатлением от смерти поэта. Это — стихотворение-плач. Оно звучит как реквием павшему борцу:

*Æрбахаста сау уац Дызгурæй
Нæ кæттты хъæргæнæг — дымгæ.*

За что же славит коллегу по перу Камбердиев? А за то, что Баграев был революционером, поэтом-борцом, певцом бедняков, певцом обездоленных и сирых.

Напряжение в этом причитании Камбердиева растёт от строки к строке:

Ныууагътай дæ сидзæрты ихыл...

Это надо понимать буквально. Созырæн баззад æхсæз æнахъом сывæллоны — магуыраей, æнæдарæгаей, æмæ уыцы сидзæрты кой кæны Мысост йæ хъарæджы.

Имя поэта бессмертно:

*О Созыр, мæ хъарæг дын фидар —
Дæ фæндыр нæ зыдта æнцой.
Дæ ном дын дзы адæм хынцой,
Дæ кой нын кæндзæни «Зæрди дуар».*

В московский период созданы шедевры камбердиевской лирики: «Арвы хæзна», «Хурмæ курдиат», «Хур ныттылдта фæсхохмæ йæ сæр». Ширился мир представлений поэта. Оттачивалось и росло его мастерство. Размах его творческой деятельности и в этот период был необычайно широк. В годы пребывания на рабфаке искусств, кроме стихов на осетинском и русском языках, он написал несколько рассказов на русском. На русском же языке он писал свою повесть «Горный туман»...

Много сил и энергии отдавал Мисост учебе. «Академическая нагрузка в день 8–10 часов, — писал он в одном из своих писем. — Если перечислить все, что мы проходим, то закружится голова. Примерно: история словесности, история культуры, история западной и русской культуры. Поэтика: тема, фабула, сюжет, композиция, теория стиха и прозы и т. д. и т. д.». Поэт, как видите, перечислил не все. Я продолжу этот перечень, знакомый мне по документам: история классово-борьбы, диалектический материализм, политическая экономия, география, экономическая география, военное дело, физика, математика, алгебра, геометрия, химия, естествознание, анатомия человека, языковедение, немецкий язык.

А вот что писал Мисост Камбердиев в другом письме: «Я есть гражданин, который должен учиться до конца. Я начал учиться не ради денег и меньше всего думал о каких-то там жизненных удобствах и благополучиях. Для меня лично это дело десятое».

Камбердиев был человеком не только высокоодаренным, но еще и высокообразованным. Утверждение Н. Джусоева о том, что Мисост будто бы (я цитирую) «не получил систематического образования», — безответственная и пустая фраза.

Все шире и глубже проникал Мисост Камбердиев в художественную поэтическую культуру Пушкина и Лермонтова. Помогал Камбердиеву и творческий опыт русской советской поэзии. Близи к нему Владимир Маяковский и особенно Сергей Есенин. Сложная метафоричность, искренность и задушевность лирики Есенина были по душе Камбердиеву. Но не следует думать, что Камбердиев в чем-то сознательно шел от Есенина.

Огромная творческая энергия и целеустремленность — вот что характеризует время пребывания Мисоста Камбердиева в Москве. Напряжение, с которым он жил, было колоссальным.

IV

Весной 1930 года, досрочно окончив Рабфак искусств, Камбердиев вернулся на родину уже больной туберкулезом легких. Это может показаться странным, но последние год-полтора, несмотря на тяжелую болезнь, невыносимые муки и страдания, были для поэта творчески плодотворными. Поражает его энергия. Творческие силы продолжали бить в нем ключом.

Самым значительным явлением этого последнего периода стал камбердиевский эпос — его поэмы «Ард», «Дыууæсæрон» и «Хурдзуан».

В поэме «Ард» Мисост Камбердиев обращается к драматическим событиям осетинской деревни первых лет советской власти. Поэт увидел те сдвиги, которые произошли там, и — что особенно важно отметить — новые типы молодежи.

Главное в поэме — лирическая тема, хотя она, конечно, находится в явном подчинении социально-исторического конфликта.

В образах Ахмата, Касполата и Мади довольно четко угадываются типы современной поэту молодежи. Поэма, насколько это возможно в пределах этого жанра, отразила сложность их духовного мира.

Мисост Камбердиев сумел создать в своей поэме яркие драматические характеры.

Доброта и честность, удаль, решимость, верность не только дружеской клятве-слову, но и верность самой дружбе, готовность принести себя в жертву — эти драгоценные качества национального характера очень выпукло и ярко воплощены в образе

Касполата — главного героя поэмы. Он по-рыцарски обаятелен и красив, по-рыцарски отважен и храбр, по-рыцарски понимает, что такое долг и честь. И открыт этот образ в осетинской литературе Мисостом Камбердиевым.

Художнический глаз Камбердиева увидел среди осетинской молодежи тех лет и другой, новый, еще неизвестный нашей литературе типаж. Это — Ахмат с его тягой в город. Ахмат едет туда учиться. В этом образе Камбердиевым сделана решительная попытка отразить новую судьбу молодежи. Ахмат мало активен, но надо иметь в виду, что новое в осетинской деревне, как и повсюду, рождалось тяжело, ростки нового пробивались трудно. Путь преодоления этих трудностей Мисост Камбердиев видел в учебе:

*Кæд зæрдæ не 'нцайы йæ рыстæй,
Йæ мæт — дæ катæй ам ныууадз.
Сахары рухсы дын ирысхъы —
Дæ зæрдæ ахуыры ныссадз.*

Нас не может не привлекать сердечная доброта Мади, девичья ее чистота, красота ее души, ее тихая, неразговорчивая любовь к Ахмату. Героиня молчит, мало действует. Но это так и должно быть. Любовь истой горянки бессловесна. Это не разговоры, не уверенность в любви... Такой именно и хотел ее изобразить Камбердиев. Вообще принято думать, что позиция автора по отношению к герою будто бы раскрывается только через его действия и поступки. Но это, разумеется, не совсем так. И у Камбердиева, например, отношение к Мади наиболее полно раскрывается в лирических отступлениях. Все в этой поэме оправдано художественно, хочу я сказать.

Каждый из героев по-своему видит мир, по-своему понимает истину. Камбердиев сумел передать дух того времени, в которое жили его герои, и выразить черты той, для нас уже далекой, эпохи. И сделал он все это как художник без голой риторики и суесловия. В поэме Камбердиева, как, впрочем, и во всем его творчестве, мы видим неизменное стремление поэта к утверждению нового. И главное, мне кажется, именно в этом.

С особой лирической силой Камбердиев воссоздает в своей поэме картины природы, быта, рисует сцены сватовства, похищения... Всех прелестей этой поэмы никто еще не разгадал.

Разговоры о незаконченности поэмы — праздные. Композиция ее стройна.

Начинается поэма, как вы, наверное, помните, мажорной, бодрой музыкой рассвета:

Ссыгъди райсом. Хуры тын
 Зыр-зыр кæны бæлæсты сæрыл.
 Кæй фехæлд — цин кæны — йæ фын
 Хъæды цъæхбын, фæлмæн сыфтæрыл.
 Фæсырдта хур æхсæв æнуды,
 Йæхи ысцагъта æмæ худы.
 Бæласы сыфтæрты æмбæхстæй
 Ныззарынц цъиутæ: бон у, бон!
 Æфсæрмы хуыз кæйдæр фæдзæхстæй
 Æвзист цæхæр ыскалы дон.

Это, так сказать, экспозиция. Днем, собственно, ничего не происходит. Затем наступает вечер. А потом и ночь, именно тогда и случаются все драматические события, изображаемые в поэме. Действие начинается утром, и завершается оно тоже утром, но утром трагическим и печальным. Слышится тихая мелодия, и вы чувствуете, как медленно угасают звуки:

Сырх цырагъ хурзæрин ысдары,
 Сындæг йæ цыд, æнкъард йæ фæд.

Наступает пауза. И вот заключительные строки эпилога:

Æрæппæрста йæ цæссыг дардæй
 Фыццаг хъæргæнæг — хуры тын.

Этот мастерски использованный Мисостом Камбердиевым композиционный прием, прием обрамления, кольца, придает поэме удивительную цельность. Я уж не говорю о силе семантической экспрессии такого приема.

В поэме немало блестящих картин, которые создают эмоциональную динамику.

Вот, например, картина ночи. Я заметил уже, что основные события поэмы совершаются ночью. И это, разумеется, неспроста.

Æхсæв. Уынды былы бæлæстæ
 Сырсыргæнгæ кæнынц ныхас.
 Æрхуыссыд хъæу. Æнцад у бæстæ,
 Кæцæйдæр хъуысы уыджы уаст.
 Фæйлауы мигъ. Цæугæ кæритæ
 Æмбæрзынц мæй. Къуымбил хæссы.
 Ысниуынц мæйы сæфтыл куыйтæ,
 Æмæ та ницыуал хъуысы.

Есть в поэме «Ард» небольшая песня-вставка, которую поет Касполат. Она написана в другом ритмическом ключе. И это тоже неспроста — такой перебой ритма создает динамику.

То, о чем я говорю, все это — вершинные достижения стихотворного искусства. И Камбердиеву они были доступны.

В поэзии Мисоста Камбердиева нашла живой отклик история. Судьбе дореволюционной Осетии, ее истории посвящена поэма «Дыууæсæрон». Двуглавый орел, как известно, символ царизма. В ярких, незабываемых образах воплощена в этой поэме тема колонизации Осетии. Центральной мыслью поэмы является идея возмездия. Очень сильно выражен в ней гнев народа. Недаром постоянным рефреном в поэме звучат слова:

*О мæ хъисын, ма атон,
Мæгуыры мæстытæ бауром!*

В ритмах поэмы слышен подземный гул нарастающего народного гнева. Подспудное нарастание этого гнева, ненависти к самодержавному строю и феодальной знати, ощущение неизбежности возмездия великолепно передают финальные строки поэмы:

*Додой дæ сæр, æнахуыр диссаджы цъиу,
Дæумæ нæ зыны адæмы мæгуырдынад,
Дæумæ нæ хъуысы хæхты æнуд хъæрзын.
Уой-уори, уæрирæ 'мæ уой!
Дæумæ нæ хъуысы хæхты æнуд хъæрзын.*

Главный пафос поэмы — социальная направленность. Поэма напоена предчувствием великих перемен. И в этом смысле тема ее связана с темой Октябрьской революции.

Поэма создана в традициях осетинской народной поэзии. Она содержит мотивы народной поэмы — кадæг. Неслучаен подзаголовок: «Хъисыны цагъдмæ». Изумляет ритмическое и музыкальное богатство поэмы.

Поэма «Дыууæсæрон» — свидетельство творческой зрелости Мисоста Камбердиева, окрепшего его мастерства. Сильно и ярко звучат в ней гражданские мотивы зрелого мастера.

В конце 1930 года в сухумской больнице, где Мисост лежал тяжело больным, возник творческий замысел поэмы «Хурдзун».

*Фæнды дæ базонын мæ зонд,
Мæ катый, мæт æмæ мæ хъыг?..
Кæм дæ, мæ фæндыры зæронд,
Куы дыл æвæры афон рыг?*

Таким широким эпическим запевом начиналась его последняя поэма, задуманная им также в традициях осетинской народной поэзии. К сожалению, Камбердиев успел написать только вступление к ней. Вот что писал он по поводу замысла новой своей поэмы в письме к Сармату Косирати: «Сармат, я задержал до сих пор ответ на письмо, потому что хотел с письмом отправить тебе на суждение задуманную вещь. Полагал я закончить ее дня в три, но, как видишь, три эти дня необыкновенно растянулись, а вещь еще не окончена. Вначале у меня была мысль дать в отвлеченной форме борьбу двух начал: светлого и темного, причем начала эти олицетворялись в виде человека, борющегося за солнце и свет, и в виде стихии, противостоящей человеку в этой борьбе.

Сейчас же я пришел к выводу, что идею эту нужно воплотить в форме конкретной борьбы за право на жизнь. Причем брать надо не вообще “человечество”, а проводя известную классовую дифференциацию».

Эти рассуждения поэта для нас чрезвычайно важны. Из них мы узнаем, как работала его творческая мысль, как он обдумывал сюжет и добивался конкретности в изображении событий, как он боялся отвлеченности. Мы входим в лабораторию поэта. Мы узнаем наконец, какие высокие цели и задачи ставил всегда перед собой этот удивительный юноша.

Несколько месяцев пролежал Мисост в сухумской больнице, в Абхазии. Вернулся во Владикавказ весной 1931 года. Он начал вставать с постели, ходить. Снова вспыхнула надежда на жизнь.

Обстоятельства складывались, однако, наихудшим образом: «Я то слишком буен, то меланхоличен, — писал он в одном из писем. — Родные около меня плачут. Я этого не выношу. Мне нужны покой, тишина, радужные настроения, хороший воздух и питание на целый год, а то и больше. Всего этого у меня нет».

В 1931 году, вероятно летом или ранней осенью, Камбердиевым написано стихотворение «Ныстуан Дзерассæмæ».

Тончайшая любовная лирика причудливо переплетается в нем с лирикой гражданской. Это стихи открытого публицистического звучания. Два начала — интимное и гражданское — сливаются в этом стихотворении в одну светлую песню любви.

В последний период жизни Камбердиевым созданы его широко известные стихи: «Кинжал» — на русском языке и «Хъама» — на осетинском. Эти стихотворения разные по содержанию, хотя и с одинаковым названием. Кинжал в обоих стихотворениях — разумеется, символ.

В первом — это оружие революционной мести:

*Кинжал — и честь аула —
Вот путь моей судьбы.
Но вот земля рванула
И встала на дыбы.*

*Потомственный подарок
Со мной бывал в делах.
Я сталь калил в пожарах
Не с именем Аллаха.*

*Не в полудикой пляске
Я лезвие скривил...
Смотри-ка, сталь Дамаска
В узденовской крови.*

Во втором стихотворении кинжал — символ старого мира. Как ненужное украшение висит он на стене:

*Рацу, ног заман,
Къух дæм бауыгътон.
Æз мæ сау хъама
Къулыл сауыгътон.*

В последний период жизни написана Мисостом Камбердиевым и его «Фæдисы зарæг». Эта песня, включенная в переводе на русский язык в сборник, который вышел в свет в грозном 1941 году, звучала с необычайной патриотической силой. Она была переведена и на немецкий язык известным немецким поэтом-антифашистом Эрихом Вейнертом, и, надо сказать, переведена на очень хорошем семантическом уровне. Я приведу вам одну строфу из оригинала и из перевода хотя бы для того, чтобы вы почувствовали, как звучит Камбердиев по-немецки:

*Знаг нæ зæххы кæрæттæм
Æрбабырсы сындæг.
Лæг та йын дзуапп куы нæ дæтта,
Уæд уый нæ хуыйндзæн лæг.*

*Es schleicht der Feind sich an mit List.
Wir sprengen drauf und dran!
Und wer nicht auf dem Schlachtfeld ist,
Der ist kein rechter Mann!*

Выбор Вейнерта, надо думать, был неслучаен. Эта камбердиевская «вещь», вероятно, была близка его сердцу.

Сохранились многочисленные наброски Мисоста Камбердиева, неоконченные стихи — эскизы на разных клочках бумаги, на обороте температурных листков, еще не увидевшие свет...

Тяжелая болезнь прогрессировала с каждым днем. Силы поэта были — мало сказать — на исходе, они были исчерпаны до дна. Катастрофа приближалась быстро и неумолимо. И здесь я позволю себе привести одно место из письма Мисоста Камбердиева, которое он сам назвал своей «прощальной исповедью». Письмо это было адресовано девушке, которой он поверял свою душу. «Моя жизнь, — писал он, — показалась мне краем или полем, бурно взъерошенным и потом безжалостно забытым. А в этом поле было столько нежных, благоухающих, неповторимых цветов... Цветов счастья, юности, нежных порывов любви и надежды... И сегодня все эти цветы измяты и поруганы бездушной русской судьбы...

...Когда меня не станет и, может быть, осетинские писатели у тебя будут просить какие-либо материалы обо мне, то прошу тебя, свет моей жизни, отдай, покажи это письмо из всех моих писем. Пусть знают кроме тебя и другие о страданиях молодой, обреченной души.

Я молод, слишком молод, и не хочу умирать... Мне хочется кричать, но я чувствую, что уста мои скованы. Во мне было столько творческой энергии, и она иссякла. Многие мои товарищи, писатели-осетины, удивляются, что я перестал писать. Да, я писать уже не могу. Осетинская литература знает меня как молодого и жизнерадостного поэта. Что же могу я воспевать, когда струны души моей оборваны. Как могу я петь веселым призывающим голосом, когда вижу багровый закат моей жизни».

5 декабря 1931 года в возрасте двадцати двух лет Мисост Камбердиев умер, умер как воин, ушел из жизни, как уходят павшие в бою.

АВТОРЫ НОМЕРА

АХМАТОВА Анна (1889–1966) — русская и советская поэтесса, переводчица и литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века. Была номинирована на Нобелевскую премию по литературе (1965 и 1966). Подвергалась замалчиванию, цензуре и преследованиям. Автор поэтических сборников «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Подорожник», «Anno Domini MCMXXI», «Из шести книг», «Стихотворения», «Поэмы без героя», поэмы «Реквием» и других.

БУЛКАТЫ Игорь — прозаик, поэт, переводчик с осетинского, грузинского, французского, английского языков. Родился в 1960 году в городе Самтредиа Грузинской ССР. После окончания школы переехал во Владикавказ и четыре года работал на Северо-Осетинской студии телевидения. В 1978 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на семинар поэзии, по окончании которого несколько лет трудился в Главной редколлегии художественных переводов и литературных взаимосвязей г. Тбилиси. Переводил на грузинский и русский языки произведения осетинских писателей. После начала грузино-осетинского конфликта вынужден был перебраться в Москву. Автор нескольких книг повестей и рассказов. Член Союза писателей России.

ГАДИЕВ Цомак (1882–1931) — осетинский писатель, борец за советскую власть, сын писателя Сека Гадиева. С 1892 по 1897 год учился во Владикавказском духовном училище, с 1897 по 1903 год — в Ставропольском духовном училище, позже — в Дерптском (ныне Тартуском) университете. В 1908 году был арестован за революционную деятельность, в 1910 году сослан в Сибирь на вечное поселение. В 1917 году был освобожден, вернулся в Северную Осетию. Участвовал в создании осетинской газеты «Ног цард». Являлся председателем осетинского народного Совета и его исполкома, заместителем Народного комиссара просвещения Терской Советской Республики (1918–1919). После 1920 года работал заместителем председателя Владикавказского ревкома, заведующим облоно, редактором газеты «Рæстдзинад», ректором Северо-Кавказского горского пединститута, директором Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Некоторые произведения: стихотворный цикл «Тюремные записки», повесть «Подаванец», рассказы «На месте причисления», «Товарищ Мазай», трагедия «Ос-Багатар».

ГАЛАЗОВ Руслан (1940–2014) — осетинский художник, писатель и журналист. Родился во Владикавказе, с 1991 года проживал в Испании. Рисовать начал в конце 80-х годов, выставлялся в России, Финляндии, Франции и Испании. В 2006 году получил бронзовую медаль на Зимнем салоне живописи в Барселоне за картину «Японка», созданную под впечатлением прозы Агутагавы. Опубликовал пять книг, в том числе антологию рассказов на русском и испанском языках в мадридском издательстве «Атенеа». В 1999 году за рассказ «Жажда» стал финалистом международного конкурса им. Х. Л. Борхеса (Лос-Анджелес, США). Многие работы Галазова представлены в галереях Мадрида и Парижа, хранятся в коллекциях России, Великобритании, Финляндии, Норвегии, Испании и Аргентины.

ГУТИЕВ Казбек (1918–2001) родился в июне 1918 года в селении Кадгарон Ардонского района СОАССР в крестьянской семье. В 1939 году окончил литературно-лингвистический факультет СОГПИ. С 1939 по 1946 год находился в рядах Советской Армии. Был шифровальщиком Генерального штаба. Закончил войну в Чехословакии, в звании старшего лейтенанта. Награжден орденами и медалями. Работал преподавателем осетинской литературы в СОГПИ, был председателем Союза писателей СОАССР. С 1956 года трудился старшим научным сотрудником СОНИИ. Научные интересы были сосредоточены на изучении и издании осетинского фольклора и произведений осетинских поэтов и писателей. Также им были подготовлены пять томов осетинского нартовского эпоса.

ДЗЕСОВ Кудзэг (1905–1981) — осетинский советский писатель, переводчик художественной литературы с русского на осетинский. Родился в с. Эдис Южной Осетии. Окончил Московский институт журналистики. Являлся делегатом I съезда писателей СССР. В 1936 году был репрессирован, в 1957-м реабилитирован. Автор сборников рассказов «За хлебом», «Сильные матери», повести «Беспокойство», книг для детей «Пристав», «Чудесная кукла», «Хозяйка птичьего царства», пьес «Артистка поневоле», «Застенчивая невеста», а также вышедшей посмертно книги «Шрамы сердца».

ДРОНФОРТ Дина родилась в 1963 году в подмосковном Томилино. Окончила Московский Легпром (МТИЛП). С начала 1990-х годов живет и пишет во Франкфурте-на-Майне (ФРГ). Поддерживает распространение русского языка в Германии. Основала поэтический театр РОЕТНЕА во Франкфурте. Публикуется в поэтических антологиях издательства «Алетей» (СПб.), сетевом альманахе «45 параллель». Автор сборников стихов «Огонь в ладонях» и «Корни для Юлии». По профессии специалист IT.

ЗАЙЦЕВА Катерина — искусствовед, старший научный сотрудник Московского музея современного искусства.

ЗАЛИ Елизавета (псевдоним) родилась во Владикавказе в 1970 году. Окончила медицинскую академию, врач-терапевт. Увлекается живописью, кукольным делом. Ранее не печаталась.

КАЛОЕВ Борис (1916–2006) — советский, российский этнограф, доктор исторических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями. Заслуженный деятель науки Северной и Южной Осетии. Родился в селении Байком Закинского ущелья в крестьянской семье. В 1940 году окончил исторический факультет Северо-Осетинского государственного пединститута. В 1951 году защитил кандидатскую диссертацию («Моздокские осетины: историко-этнографическое исследование»), в 1969 году — докторскую («Осетины. Проблемы этногенеза и этнографическая характеристика»). В 1950–2006 годах работал младшим, затем старшим, ведущим и, наконец, главным научным сотрудником сектора Кавказа ИЭ АН СССР. Является автором 14 монографий, более 150 статей и очерков, среди которых монография «Осетины». Принимал участие в издании трех сводных текстов осетинской Нартиады, автор многочисленных статей для двухтомного энциклопедического словаря «Мифы народов мира» (1980).

КИБИРОВ Амурхан — поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1943 году в селении Сурх-Дигора Северной Осетии. Окончил филологический факультет Северо-Осетинского госуниверситета. Работал учителем в школе, литсотрудником в газете, редактором-переводчиком кафедры ЮНЕСКО в университете. Автор нескольких сборников стихов, в том числе «Изумрудные звезды» (Владикавказ, 2019). Один из составителей книг осетинского эпоса «Нарты» (2005), «Осетинские нартские сказания» (2008) и других. Живет во Владикавказе.

МОПАССАН Ги де (1850–1893) — крупнейший французский новеллист, поэт, мастер рассказа с неожиданной концовкой. Один из самых плодотворных французских писателей. Автор более двадцати сборников короткой прозы, во многом близкой натурализму, и шести романов.

РАСТОРГУЕВ Андрей — поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России. Кандидат исторических наук. Автор около 20 книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных журналах, участник ряда антологий. Автор сборника переводов на русский язык стихотворений Шамиля Джикаева. Живет в Екатеринбурге.

РУБАСОВ Олег родился в 1951 году во Владикавказе. Окончил английское отделение факультета иностранных языков СОГУ. Филолог и переводчик. Выпускник двухгодичных Высших курсов переводчиков при Московском государственном пединституте им. Мориса Тореза. Работал в компании «Интурист», затем в Научно-исследовательском институте электромеханики. Соучредитель нескольких фирм.

ТУАЛЛАГОВ Ахсар (1932–2007) родился в селении Христиановском. Окончил историко-филологический факультет Северо-Осетинского пединститута и Высшую школу КФБ. Служил в органах госбезопасности. Автор книг «Приговоренные к бессмертию» и «Истоки трагедии».

ТУРЧИН Валерий (1941–2015) — советский и российский искусствовед, историк искусства, академик РАХ. Окончил искусствоведческое отделение истфака МГУ (1966). В 1970 году защитил кандидатскую диссертацию («Русский портрет эпохи романтизма»), в 1989 году — докторскую («Основные проблемы западноевропейского и русского искусства конца XVIII — начала XIX в.»).

ХИНИ Шеймас (1939–2013) — ирландский писатель, поэт, переводчик и преподаватель. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1995 года. Доктор, иностранный член Американского философского общества (2000).

ХОРН Питер (1934–2019) — южноафриканский поэт чешского происхождения. Прославился своими стихами против апартеида. В конце Второй мировой войны он поселился с родителями сначала в Баварии, а затем во Фрайбурге-им-Брайсгау, где в 1954 году окончил гимназию. Затем вместе с родителями эмигрировал в Южную Африку. Автор поэтических сборников: «Голоса с висящих деревьев» (1969), «Прогулка во сне» (1974), «Тишина в тюрьме» (1979), «Песни гражданской войны» (1987) и др.

ХУГАЕВ Ирлан родился в 1965 году в Орджоникидзе. В 1989 году окончил филологический факультет СОГУ. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН. Автор стихотворного («Вериги воли», 2013) и прозаического («Вечный огонь», 2018) сборников. Публиковался в журналах «Дарьял», «День и ночь», «Дети Ра», «Образы жизни» и др. Живет во Владикавказе.

ЦАГОЛОВА Ирина родилась в 1959 году в городе Кейла (Эстонская ССР). Училась на истфаке СОГУ, окончила Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской. Работала учителем истории, обществоведения. Участник конкурса «Учитель года». За успехи в работе награждена медалью «В память 850-летия Москвы». Преподавала «Основы философии» в колледжах, вузе. В 2010 году победила в конкурсе бардов «Стихodelика». В 2009–2012 годах публиковалась в университетском журнале «Улица Юности», в сборнике «Краски жизни». В настоящее время публикуется на портале «Стихи.Ру».

ЧЕПАЙТИС Томас родился в 1959 году в Москве. Окончил Литинститут им. А. М. Горького. Работал рецензентом в ВГБИЛ, на киностудии. С 1991 года живет в Вильнюсе, женат, отец пятерых детей. Некоторое время работал в газете «Эхо Литвы», в детском доме для инвалидов, дворником, репетитором, сотрудничал с издательством «Заречье». Писал либретто, киносценарии, переводил с русского на литовский и обратно, со многих европейских языков. В 1998 году вместе с друзьями провозгласил артистическую республику Ужупис в одном из районов Вильнюса. Является министром иностранных дел этой республики и одним из авторов конституции, переведенной на 101 язык мира, в том числе и на осетинский. Автор восьми сборников стихов и юморесок в берлинском издательстве «Пропеллер».

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

Журнал основан в 1991 году и поддерживает
традиции литературной периодики
в Северной Осетии.

Издается на русском языке и представляет
осетинский и в целом кавказский
литературный процесс
русскоязычному читателю.

«Дарьял» стремится соответствовать
своему времени и отвечать на его запросы.

Выходит шесть раз в год.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
18668

В оформлении обложки использована
картина Руслана Гудиева «Абстрактная композиция № 01»